

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РУДИ РЮКЕР

ОБЕСПЕЧЕНИЕ

ПОЛНАЯ СВОБОДА

РЕАЛ

18+

Фантастика: классика и современность

Руди Рюкер

**Обеспечение:
Полная свобода. Реал**

«Издательство АСТ»

1997, 2000

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Рюкер Р.

Обеспечение: Полная свобода. Реал / Р. Рюкер — «Издательство АСТ», 1997, 2000 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-154017-3

И вот настал день, когда Стэн Муни и Вэнди опустились на серебряных крыльях на пляжи Гайи, – День Спор, ознаменовавший собой гибель бопперов и чипов и рождение молди и ДИМ – искусственных существ нового поколения... Казалось бы, на этой прекрасной ноте соперничество живых и созданных должно прекратиться, но ничуть не бывало! Ненавистники роботов на Земле и гордые обитатели Гнезда на Луне объединяются ради хитрого плана, который несет человечеству новые угрозы. И не только человечеству...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-154017-3

© Рюкер Р., 1997, 2000

© Издательство АСТ, 1997, 2000

Содержание

Полная свобода	6
1. Моника	6
2. Ренди	22
3. Тре	42
4. Ренди	67
5. Терри	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Руди Рюкер

Обеспечение. Полная свобода. Реал

© Rudy Rucker, 1997, 2000

© Перевод. Б. Кадников, О. Колесников, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

*Эмбри Кобб Рюкер посвящается
(1 октября 1914–1 августа 1994)
«Мы живем надеждой».*

Полная свобода

1. Моника

30 октября 2053 года

Моника была молди: искусственным существом из мягкого пластика, испещренного вкраплениями и венозными каналами генетически измененных морских водорослей и плесени. Будучи существом, наделенным сверхчеловеческими способностями, Моника служила в качестве прислуги, бухгалтера и подсобного рабочего в мотеле «Чистый Свет и Террасный Дворик» в городе Санта-Круз, штат Калифорния. Менеджер мотеля, молодой человек по имени Тре Перцесеп, иногда пытался угадать мотивы, которыми руководствовалась Моника, поступая к ним на работу. Как работник молди была неопенима, и труд его был дешев.

Мотель «Чистый Свет...» располагался вблизи вершины небольшого холма, в пятидесяти ярдах от пляжа Санта-Круза и парка аттракционов «Полоса Развлечений». Начинался чудесный день 30 октября 2053 года, и утреннее солнце наполняло городок колеблющимся сверхъестественным светом, от которого, казалось, сам воздух становился вещественным и живым. В просторе океана перекачивались величественные пологие валы, накатывающие на берег с повторяющимся характерно-роскошным и протяжным гулом.

Мотель состоял из бревенчатой конторы и трех ярусов апартаментов, каждый номер со скользящей двойной стеклянной дверью с видом на море. Частично двери каждого номера были заклеены прозрачным психоделическим пластиком – мимикрирующий арабесковый узор. Контора мотеля, сложенная из старых бревен и находящаяся сразу за самой верхней террасой, возвышалась над остальными строениями. В задней части конторы имелись четыре жилые комнаты, в которых проживал Тре Диез вместе со своей женой Терри и двумя детьми – четырехлетним Дольфом и годовалой Бэби Врен.

Совершая свой обычный обход номеров, Моника меняла, где нужно, простыни и полотенца, наслаждаясь ощущением косо падающего на ее тело солнца, щедро заливающего выцветшие голубые стены мотеля. Она уже завершила уборку в номерах верхней террасы мотеля и приступила к нижней террасе, находящейся напротив магазинчиков на Бич-стрит. Приближалось время полуденного перерыва, положенного Монике; вскоре ей должен был позвонить ее муж Кслотл, и тогда вдвоем они отправятся на пляж, где проведут положенный час.

Большую часть времени Моника выглядела как обычная женщина, ну почти как обычная женщина, поскольку принято было именовать ее в женском роде, *она*, и все прочее. Молди выбирали пол сами в момент рождения и далее придерживались своего выбора в течение нескольких лет своей жизни. Таким образом, выбранный практически по собственному усмотрению пол молди являлся тем не менее четко определенной концепцией для других молди.

Все без исключения молди были заинтересованы в том, чтобы найти себе пару и воспроизвести себе подобного, хотя бы однажды, до тех пор, пока жизненная сила в них не иссякнет. Молди воспроизводились в результате спаривания и жили гнездами, представляющими собой расширенное подобие семей. Гнездо Моники включало шесть членов: она сама, ее родители Андреа и Эверуз, ее муж Кслотл, ее брат Ксананна и жена Ксананны Оуиш.

Мать Моника Андреа была странной особой, если не сказать более. Иногда, под влиянием абсорбированных редкоземельных элементов, Андреа принимала форму огромной

копии Корана или Книги Мормонов и, лежа на краю тротуара у парка «Полоса Развлечений» со стороны пляжа, что-то подолгу бормотала о бесконечных небесных кругах, о хаотической обратной связи и ангелах Израиле и Морони. Тело Андреа, по большей части уже состоящее из плесени, а не из пластика, готово было вот-вот рассыпаться на части, но Андреа, которая в прошлом сумела организовать для себя восстановительный цикл омоложения, планировала пройти подобный же курс еще раз в ближайшее время – если только ей удастся раздобыть для этого деньги.

Отец Моники Эверуз работал живой доской для серфинга в магазинчике спортивных принадлежностей Айка, брата Терри. Магазинчик Айка назывался «Дада Кин» и находился в Райском Уголке на южной окраине Санта-Круза. Так же как и мама Андреа, Эверуз был довольно стар для молди, и так же как мама Андреа, уже несколько раз проходил цикл омоложения. Вот уже в течение многих лет Аик катался с Эверузом каждый день и мог иногда одолжить Эверуза приятелям или сдать напрокат какому-нибудь богатому туристу, изображающему из себя серфингиста. Сам Эверуз подрабатывал на стороне тем, что временами давал уроки начинающим кататься, проповедуя им настоящий дух серфинга. Так же как Андреа, Эверуз уже начинал сыпаться. Если ему не удастся пройти курс омоложения, то к зиме он умрет. Но Аик, который боготворил Эверуза, копил деньги на его омоложение.

Терри, как только услышала о том, что у Андреа и Эверуза появился ребенок – это случилось в прошлый август, – немедленно решила нанять новорожденного молди в мотель, и довольно быстро ей удалось убедить Андреа и Эверуза, что это отменная идея.

Появление Моники, очень быстро освоившей все особенности мотельного бизнеса, предоставило Терри и Тре много свободного времени. Моника была не только аккуратной горничной и содержала все номера в идеальной чистоте, но и очень быстро освоила всю бухгалтерию мотеля. С тех пор как появилась Моника, большую часть дня Терри проводила, катаясь на доске, а Тре сидел в конторе мотеля в кресле-качалке дни напролет, надев на шею ювви, покуривая травку и забавляясь всякими забавными штуками со своими мозгами. Большая часть людей использовала ювви как средство связи, не задумываясь, что, может быть, самым полезным применением этого устройства была возможность использовать его в качестве компьютерного терминала, на что Тре главным делом и налегал. Само слово «ювви» произносилось им уютно и очень мягко, как «люви-дуви».

Тре зарабатывал немного денег, делая дизайн сложных графических эффектов для ювви по заказу «Апекс Имеджес», коммерческого графического агентства, работающего по контрактам с рекламными агентствами и музыкальными продюсерами. Многомерное искажение и грубое программирование видений Тре в принципе могло быть выполнено хорошо оплачиваемыми молди, но на что молди не были способны, так это создать сочные, вкусные, захватывающие дух образы, которые, лишь увидев однажды, люди хотели видеть снова и снова. Тре получал комиссионные с эффектов, которые «Апекс...» удавалось сбывать.

После появления в мотеле Моники обязанности Тре и Терри свелись к самому малому – необходимости изображать человеческий интерфейс с постояльцами, которых приходилось принимать и селить в номера. Принимать гостей приходилось им лично, чтобы избежать неприятных моментов, которые могли возникнуть в связи с оригинальным внешним видом и запахом, исходящим от Моники.

Постояльцы, в подавляющем большинстве туристы, как правило, средний класс и прибывшие со Среднего Запада, приезжали в Санта-Круз, соблазнившись низкими ценами, и обычно бывали в первые дни потрясены большим количеством местных молди. В глубинке, как правило, молди не селились, потому что люди там ненавидели их особенно люто – большинство обитателей Среднего Запада были «наследниками». Главное слово в жаргоне «наследников», «поджаривать», означало сжигание молди в луже крепкого виски, и впервые это слово родилось в Айове. «С трюфельным соусом», иногда добавляли некоторые «наследники», имея в виду

обгорающие шарики камотного гриба, прожаривающегося в корчащемся пластике пожираемого пламенем молди и взрывающемся, выбрасывая в воздух психоделические облачка почерневших спор.

Таким образом, с некоторых пор делом Тре и Терри стало первыми принять постояльцев и быстренько убедить их, что свободный город Санта-Круз является отличным местом, не таящим в себе никакой угрозы, веселым городком, полным молоденьких студенток, молди, рабочих с окрестных ферм, серферов и бездомных торчков. Хотя, конечно, цены говорили сами за себя – жизнь была дешевой, и в городке было чем поразвлечься.

Муж Моника Кслотл работал в тако-баре «Лос-Транкос», по ту сторону холма, на вершине которого находился «Чистый Свет». Кроме резки овощей на кухне и подметания помещений, Кслотл являлся оператором камеры, в которой выращивалось мясо, используемое для приготовления тако. В камере находилось четыре постоянно растущих куска мяса: цыпленок, говядина, свинина и вэнди – *вэнди* именовалось клонированное человеческое мясо, вошедшее в моду у людей в последние месяцы.

В это отличное солнечное октябрьское утро, вынимая стопки чистых простыней из тележки, Моника приняла облик миниатюрной женщины смешанных мексиканских и индейских кровей. Ее кожа имела медно-оранжевый цвет, с проступающими близко под кожей наподобие сложных татуировок узорами зеленого и синего лишайника. Такова была верхняя часть ее тела, нижняя же часть, вместо того чтобы расходиться развилкой ног, имела вид монолитной волнующейся массы, растекающейся в самом низу в широкий диск-основание – в общем и целом Моника напоминала шахматную фигуру с руками, пешку, ферзя или ладью. Человекообразную форму верхней части своего тела она могла менять ежеминутно, в зависимости от своего настроения. В минуты одиночества и покоя Моника предпочитала облик женщины племени ацтеков, как теперь.

Нижний диск-основание Моника из пьезопластического имиполекса позволял ей легко скользить по любой более или менее ровной поверхности. Если требовалось двигаться быстро или поверхность впереди была неровной, Моника передвигалась прыжками. В случае если была необходима предельно возможная скорость, Моника принимала другое свое обличье, наиболее устойчивое для ее тела, в состоянии которого она могла летать. В этом обличье, именуемом «пеликан», у веретенообразного с парой огромных глаз тела Моника появлялись два больших крыла, отчего она становилась похожей на коричневого пеликана, из тех, что охотились за рыбой у берегов Санта-Круза.

Кроме того, плоть Моника могла принимать еще по меньшей мере три устойчивые формы: полностью растекшаяся форма, «слив», которой она пользовалась для того, чтобы впитать как можно больше солнца, морская «акуля» форма и крайне редко используемая молди форма «ракеты», которой они пользовались для полетов между Землей и Луной. Никогда в своей жизни Моника не испытывала желания совершить путешествие на Луну, где обитали эти полные психи, лунные молди.

Переход из одного состояния тела в другое случался совершенно внезапно, подобно тому как структура из пружинок, осей и противовесов приходила в движение и броском перемещалась в другое положение, стоило только потянуть за один из спусковых рычажков – подобно этому работала «Машина катастроф», созданная Земаном в 1970 году, представлявшая собой обучающую игрушку из картона, скрепок, резиновых колечек, способную совершенно неожиданно, и, главное, *катастрофично* (в техническом смысле этого слова, согласно теории хаоса), занять одно из двух различных положений, в зависимости от того, каким образом вы манипулируете устройством. Вообразите себе, что вы способны заставить ваше тело изменить свою форму, превратившись в ковер, птицу, рыбу или космический корабль, просто приняв некую особую позу йоги. Представить невозможно! Но молди были способны на такое!

Образ «пеликан» был самой любимой формой тела Моника. Не было ничего, что могло бы доставить Монике большее удовольствие, чем непередаваемые ощущения свободного полета высоко в небе над бухтой Монтеррей, окруженной острыми прибрежными скалами, о которые с грохотом разбиваются морские валы, пока наполняющие ее крылья генетически измененные водоросли наслаждаются пиршеством, вовсю впитывая свободную энергию солнца. Только вчера она парила в небе вместе с Андреа и Кслотлом. И вот сегодня она прежняя Моника, занятая уборкой в комнатах и бухгалтерией мотеля, принадлежащего созданием из плоти. Какой-то совершенный ксокс, и все это только лишь для того, чтобы позволить себе завести ребенка.

Со стороны комнаты 3D, через две двери, кто-то тихо постучал. Тощий молодой парень стоял за сдвижной дверью и стучал по стеклу кольцом, из тех здоровенных и глупых школьных колец с *голо*, голограммой, розочкой, или черепом, или школьным талисманом внутри дешевого поддельного камня. Парень поманил Моника, жестом предлагая ей зайти в его комнату. На парне была белая пластиковая рубашка и серые слаксы. Мгновенно сверившись со списком регистрации постояльцев, Моника узнала, что имя парня Ренди Карл Такер и что занимает он этот номер в полном одиночестве.

Следующим умозаключением Моника было то, что парень скорее всего *сырный шарик*, человек, предпочитающий заниматься сексом с молди. По всему следовало, что сырный шарик никак не мог относиться к высокому классу. Название происходило из-за запаха, который издавали тела молди, запаха, сказать по правде, не самого лучшего свойства. В зависимости от того, какой именно вид морских водорослей и грибка содержался в теле данного молди, его запах мог колебаться от вони грязных носков до подгнившей брюссельской капусты и самого злого сорта молодого сыра. Доминирующим в собственном запахе Моника был острый йодистый дух, происходящий от фекальной черной грязи, которой в изобилии можно было найти на дне бухты Санта-Круз.

Не нужно было говорить, что высокоорганизованные, тягучие и уступчивые любой фантазии тела молди могли явиться орудием многозонового эротического массажа для людей, склонных к сексу в необычных формах. Совершенная неестественность акта оказывалась наиболее манящей для некоторых личностей; и конечно же, для большинства сырных шариков сама вонь молди была именно тем, что больше всего их привлекало. Не к лести для мужского населения планеты, но подавляющее большинство сырных шариков были мужчинами.

Стоящий за стеклом скользящей двери под номером 3D Такер игриво подмигнул Монике с улыбкой, в которой совершенно не было веселья. У Такера были широкие скулы и тонкие губы; на первый взгляд он казался полной деревенщиной из кукурузного штата. То смущение и нетерпение, которое было видно в том, как он непрерывно ломал руки, совершенно точно говорило о том, кем он был – самым настоящим сырным шариком.

Случилось так, что как раз вчера, когда Моника, Кслотл и Андреа летали над морем, Андреа завела с младшими молди разговор о сырных шариках. У Андреа были в запасе свои, совершенно ясные и определенные идеи по полезному использованию сырных шариков.

– Предложите сырному шарикю пойти с вами в тихое, изолированное помещение, – мерным дикторским тоном вещала Андреа, которая последнее время взяла манеру говорить как совершенный инженер, или, точнее сказать, робот. До этого она обычно использовала расплывчатую манеру выражаться, принятую в Библии Короля Джеймса, в Книге Мормонов или Коране, но недавно она усвоила новый стиль, стиль научных журналов. – Спровоцируйте сырного шарика и возбудите его так, чтобы он обратился мыслями к спариванию, приступите к стимулированию гениталий и продолжайте стимулирование до тех пор, пока внимание сырного шарика не окажется полностью отвлечено актом. В этот момент выпустите из телесной массы длинное и тонкое щупальце и быстрым и решительным движением охватите щупальцем

шею сырного шарика. После чего сожмите щупальце на шее сырного шарика наподобие удавки с тем, чтобы воспрепятствовать его дыхательным движениям.

– Значит, душить его до смерти? Тут уж точно нужно действовать быстро, чтобы он не успел поднять шорох.

Речевые особенности каждого молди основывались на различиях в базах данных. В то время как Андреа отдавала предпочтение научным журналам, Кслотл черпал обороты речи из крутых детективов и гангстерских *film noirs*.

– Именно так, – отозвалась Андреа. – Но не стоит доводить до летального исхода. Суть в том, чтобы добиться бессознательного состояния сырного шарика, чтобы можно было совершить некоторые манипуляции с его мозгом. Сжимая горло, все время выполняйте мониторинг его пульса, с тем чтобы пульс ни в коем случае не становился слишком медленным или неустойчивым. Время от времени позволяйте ему получать небольшие порции воздуха. Тем временем вытяните свое щупальце и засуньте его кончик в левую ноздрю человека.

– Вау, – подала голос Моника. – Отлично. Но почему в ноздрю?

Моника моделировала свою речь в стиле «девчонка из переулка», пользуясь словарем сленга двадцатого века. Они парили в восходящих потоках теплого воздуха над утесами в северной части Санта-Круза, все трое в режиме пеликана, переговариваясь пронзительным писком, быстрыми скрежещущими пакетами закодированной информации, которые молди использовали для общения между собой. Со стороны трое молди напоминали обычных крупных птиц, перекликающихся над бурным в этот день морем, покрытым белыми барашками волн – при этом друг для друга их речь звучала совершенно как человеческая.

– Одно из самых слабых мест в черепной коробке созданий из плоти – это верхняя часть носовой пазухи, – объяснила старушка Андреа. – По соседству с орбитой глазного яблока. Именно там проще всего проникнуть щупальцем внутрь черепа. Далее у вас открывается полный доступ к мозгу. После чего остается только установить человеку *мыслительный колпачок*.

– Черт! Управление мозгом! – воскликнул Кслотл.

– Ваш мыслительный колпачок в черепе создания из плоти будет словно ядро ореха в пустой кожуре, – ответила Андреа, каркая и сильно хлопая крыльями. – Колпачок действует словно порт ввода-вывода или внутренний ювви. После того как вы установите сырному шарiku мыслительный колпачок, он становится вашим периферийным манипулятором.

– Это по-настоящему круто, – взволнованно сказала Моника. – Чтоб я сдохла. А если я не придушу его как надо? Только я начну это: «А где ваша слабая точка?» – как он очухается. Ну, не знаю. И как прикажете мне разобраться, в какую именно часть его *мозгов* нужно ставить мыслительный колпачок?

– Приблизьтесь, дети, – взмахнула крылами Андреа. – Я скачаю вам свою копию полной спецификации человеческого интерфейса. Установите физический контакт со мной для прямой передачи.

Три парящих в небе пеликана соприкоснулись крыльями, и в это мгновение Андреа передала каждому младшему молди терабайты информации. Благодаря проводящим полимерам, покрывающим пластиковые ткани молди, они обладали способностью общаться между собой не только звуками, но также и электромагнитными волнами.

– И ты, Андреа, *на самом деле* пробовала это? – воскликнула Моника, усвоив и сохранив информацию. – Только скажи мне правду.

– Да. В жизни я поставила мыслительные колпачки двум сырным шарикам, – ответила Андреа. – Я имею в виду Спайка Кимбалла и Абдула Квайума, о которых не раз вам рассказывала. Став моими слугами, эти двое мужчин оставили свои семьи и свои прежние жизни. Все их состояния и средства, вырученные от распродажи собственности, перешли мне. Используя полученные средства, я смогла пройти курс омоложения и приобрести достаточно имиполекса, чтобы произвести на свет Ксананну и тебя, Моника.

Спайк Кимбалл был мускулистый мормон-миссионер, три года назад опрометчиво предложивший Андреа заняться сексом. Абдул Квайум, араб, программист ковров, рьяный исламист, обратился к Андреа с тем же предложением за три года до мормона. Будь у них на каплю побольше ума, они, вместо того чтобы пытаться заняться с Андреа сексом, немедленно сожгли бы ее, облив крепким алкоголем.

– И что ты сделала с материалом, после того как выкачала из них все досуха? – спросил Кслотл. – Приказала им застрелиться? Посоветовала подняться на крышу небоскреба и броситься головой вниз, чтобы наверняка раскроить себе череп?

– Прямое управление поведением сырных шариков не должно быть продолжительным, – ответила Андреа. – В противном случае возрастает риск обнаружения. Кроме того, неизменным условием является уничтожение сырных шариков таким путем, чтобы скрыть все имеющиеся следы и пресечь возможность исследования останков и обнаружения мыслительного колпачка. Хотите узнать, что я сделала с Кимбаллом и Квайумом? Каким образом я помогла им встретиться с ангелами смерти Морони и Израилом, кои препроводили их в бесконечность?

– О да, – воскликнули вместе Моника и Кслотл.

– Я приказала им ночью отплыть в открытый океан на милю от берега и там плыть дальше и дальше до тех пор, пока от переохлаждения они не пошли ко дну. Как только мозг объекта умер, я приказала моему мыслительному колпачку выбраться наружу через нос и в виде рыбы приплыть ко мне. Сама я ждала его в это время на берегу.

– Ого, вот это жестоко, – сказала Моника.

– Среди созданий плоти есть много таких, кто относится к нам не менее жестоко, – продолжила тогда Андреа. – И вспомни, дорогая Моника, именно таким путем я смогла приобрести достаточно средств для того, чтобы дать начало твоему существованию и существованию Ксананна. Неужели ты откажешь своей матери в возможности омолодить свое тело? Ткани, из которых состоят наши тела, высоко ценятся среди молди. Я не сомневаюсь, что вы предпочтете принести в жертву создание плоти, вместо того чтобы убивать и грабить себе подобных молди. Как я слышала, именно так добывают себе материал для тела безумные лунные молди. Вы же не хотите быть похожими на молди-лунянь?

Вот почему, когда этот сырный шарик, имеющий вид законченной деревенщины, стал делать Монике знаки из-за стеклянной двери номера 3D, Моника немедленно начала анализировать возможность установить этому оболтусу мыслительный колпачок – проделывая это с быстротой молнии, со скоростью быстрее скорости света. Должна ли она это делать? Сможет ли она это сделать? Посмеет ли она?

Именно в этот момент в голове Моника раздался голос Кслотла:

– Время обеда, детка. Встретимся на пляже?

В баре «Лос-Транкос» предпочитали, чтобы Кслотл уходил на обед с полудня до часа дня, чтобы его присутствие не отпугивало желающих пообедать в это время. В принципе Кслотл умел герметично закупоривать свои поры, исключая на время все запахи, исходящие от имиплексового тела, однако человеческое предубеждение иногда было лишено всякой логики. Таким образом, было решено, что Кслотлу не стоило находиться поблизости от места, где одновременно обедало много людей.

– Заметано, – мысленно ответила Моника. – Тут есть кое-что, что я хотела бы обсудить с тобой лично.

Ввиду чрезвычайной плотности и перемешанности электромагнитных сигналов связи, в чем-либо, касающемся планов убийства, нельзя было полагаться на ювви.

Игриво помахав сырному шарiku, застывшему за залепленным красными и зелеными прозрачными стикерами стеклом раздвижной двери, Моника плавно устремилась вниз по лестнице к выходу из мотеля на Бич-стрит.

Мимо проехал молди-автобус, полный туристов, за ним следом проскакали несколько молди-рикш, занимающихся частным извозом людей. Лавируя между рикшами и кидая приветствия знакомым, Моника вскоре добралась до пляжа. Оглянувшись назад, в сторону бара «Лос-Транкос», Моника вскоре увидела, как к ней прыжками приближается ее дорогой муж. Внешне Кслотл очень походил на Монику – он имел вид фигуры из ацтекских шахмат с ярко-красными губами, напоминающими перечеркнувший рот шрам.

Оказавшись рядом с Моникой, Кслотл издал приветственный вой, они крепко обнялись и, упав на песок, покатались вместе к воде. Остановившись в полосе прибоя, они замерли в сексуальном объятии, медленно проникая разветвляющимися шупальцами все глубже и глубже в тела друг друга.

Ощущение Кслотла в своем теле и собственное проникновение в тело мужа доставляло необыкновенное удовольствие Монике. Они переплетались наподобие составной головоломки, состоящей из отдельных сложных фрагментов, с тем чтобы добиться как можно большей площади возможного контакта поверхности тел. В самых дальних и потаенных точках их единения плоть их открывалась, для того чтобы тела могли обменяться крошечными влажными порциями имиполекса, несущими в себе семена грибка и морских водорослей. Чем чаще молди предавались сексуальным объятиям, тем больше их тела становились похожими друг на друга.

Наслаждение от взаимного контакта достигло пика интенсивности – по сути дела, это можно было назвать оргазмом, – после чего оба молди растеклись в виде пары луж, для того чтобы их тела и находящиеся в них водоросли смогли впитать как можно больше солнечного света.

– Как приятно, – вздохнула Моника. – Мы так близко друг от друга, Кслотл. Если бы мы могли купить имиполекс, то завели бы ребенка.

Обычно после нескольких занятий сексом пара молди приобретала необходимое количество имиполекса для нового тела и половыми сношениями «встраивала» в новое тело жизнь, создавая ребенка, наполненного сочетанием родительских лишайников и программного обеспечения. Пластик был дорог, и купить его можно было только у одной или двух крупных компаний, принадлежащих людям, заплатив за это деньгами, заработанными (или украденными) у созданий плоти. Нравилось ли им это или нет, но людям и молди приходилось существовать в тесной взаимосвязи, не всегда приятной для той или иной стороны, ибо так же как молди иногда искали случая внедрить свой имплант в человеческий мозг, так же и люди зачастую, глядя на молди, могли думать только об одном – как сжечь их, облив крепким виски.

– С такой зарплатой, которую мы получаем, у нас уйдет куча времени на то, чтобы сколотить достаточный кусок, – беззаботно проскрежетал Кслотл. – Но ведь нам и так пока неплохо, верно, детка?

Вокруг их тел бурлила пена, и Кслотл ближе придвинулся к Монике, так, чтобы их тела, превратившиеся в подобие тонко раскатанного теста, соприкоснулись по всей длине разделяющей их границы. На секунду Моника заснула, и ей приснился сон. Сон, в котором она увидела китов. Но потом ее окатила крупная волна, и она снова проснулась. Что-то было не так... о да.

– Кслотл, о боже мой, я же забыла тебе сказать! Этот сырный шарик из комнаты номер 3D, он делал мне знаки! Наверное, хочет приударить за мной.

– Кроме шуток? Сырный шарик?

– Кроме шуток. Я убиралась в соседнем номере, а он стоял за своей дверью и глазел на меня, а потом начал делать знаки. *Может, он хотел, чтобы я зашла?* Но тут ты позвонил мне, и я отправилась к тебе на пляж. Я не хочу возвращаться назад.

– Иди обратно и вытряси из него все до последнего цента, все, что у него есть за душой, мамочка. Андреа вчера научила нас, как это сделать.

– Я боюсь, Кслотл. И потом, разве это хорошо, расковырять мозги этого болвана, а после заставить его умереть? Я понимаю, что он всего лишь мясо... Но разве тебе никогда не прихо-

дило в голову, что любая частица информации драгоценна? Даже если она содержится в мозгах сырного шарика?

– Дорогая, тут нужно находить компромисс. Собачьи мозги драгоценны, и ДИМ тоже драгоценен. Все на свете драгоценно. Но с деньгами этого урожая мы сможем уже сегодня завести себе ребенка, а на остальные деньги омолодить свои тела. Как это сделала Андреа. Черт, да если у этого извращенца есть нормальные деньги, мы сможем завести и двух, и трех детей и омолодиться сами. Мы сможем дать жизнь нескольким новым хорошеньким молди, со своим собственным сознанием, и все это ценой одного поганого куска мяса! Вот уж действительно, тут нечего сравнивать – цена этой информации совершенно разная. Сделай его, детка, и вся недолга!

– Мне нужно подумать, я еще не решила. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как сегодня дела в «Лос-Транкос»?

– Обычное дерьмо. Сегодня утром мне пришлось колоть гормонами вэнди, чтобы оно побыстрее росло. Эти людоеды-туристы совсем с ума посходили по вэнди. Не знаю, может быть, это мясо еще не разрешили к вывозу, и оно неизвестно за пределами Калифорнии?

– Мясо вэнди – это же человеческое мясо! – воскликнула Моника. – Это мясо клонировано из тех же клеток, из которых выращена Вэнди Муни, той, что в рекламе. Я думала, что среди людей существуют строгие табу в отношении *каннибализма*?

– Эти ходячие куски мяса способны сожрать все, что угодно, Моника. Они все равно что лобстеры. Откуда ты можешь знать, что эта женщина в рекламе настоящая Вэнди Муни?

– Тре рассказал мне. Он помогал «Апекс Имеджес» делать дизайн рекламы вэнди – той самой огромной, что висит на «Полосе Развлечений».

Моника и Кслотл продолжали лежать в мелкой воде, омываемые прибоем, наслаждаясь теплом солнца и прохладой океанской воды. Сформировав лунку в своем теле, Кслотл набрал туда воды и сильно выдавил наружу наподобие фонтанчика. В ответ Моника набрала еще больше воды и выпустила фонтанчик повыше. Потом время обеда закончилось, и два молди в последний раз обняли друг друга, переживая заключительные мгновения близости.

В этот момент невдалеке от Кслотла и Моника остановился маленький мальчик и уставился на них во все глаза.

– Смотри-ка, пап, вон два молди трахаются! – закричал он. – Я сейчас подкрадусь и прибью их палкой!

Мальчишка подхватил с песка палку и ткнул ею в Кслотла. Очень сильно. Прежде чем палка успела разрушить несколько клеток его тела, Кслотл обхватил своей плотью конец палки, одновременно превратившись в разгневанную шахматную фигуру с торчащей из груди палкой.

– Хочешь, чтобы я надрал тебе задницу, оболтус, и научил манерам? – прорычал Кслотл, приближаясь к мальчишке наподобие шестифутового кентавра, выходца из ночных кошмаров. Вырвав палку из рук мальчишки, Кслотл запустил ее с такой силой, что палка просвистела у маленького хулигана над головой наподобие запущенного сильной рукой бумеранга.

Мальчишка разревелся и убежал, но через несколько секунд вернулся со своим отцом.

– Что это вы, поганые молди, себе тут позволяете? – злобно выкрикнул мужчина. Моника уже тоже приняла обычный вид ацтекской шахматной фигуры. – Какого дьявола вы сюда перлись?

– Это общественный пляж, дубина, – отозвался Кслотл. – А мы – жители этого города.

– Черта с два вы здешние жители, – брызнул слюной мужчина, однако не смел приблизиться к паре молди. Он был лыс и жирноват, его кожа была бледная как молоко. – Больше не смейте трогать моего сына, а то я вам устрою.

Мужчина повернулся и торопливо пошел к другому концу пляжа. Мальчишка затрусил следом, по дороге повернувшись, чтобы показать Кслотлу средний палец.

– Куски мяса, – пробормотал Кслотл. – Почему мы не можем от них избавиться? Стоило бы прикончить их всех.

– Ничего не получится, – отозвалась Моника, – и ты сам это знаешь. Невозможно убить всех людей до единого.

– В 2031 году куски мяса уничтожили всех бопперов, разве ты забыла? – спросил Кслотл. – При помощи плесневого чипоеда. А теперь у нас есть возможность разобраться с созданиями из плоти, этим мясом – нужен вирус хорошей чумы, и все.

– На самом деле они не уничтожили бопперов. Большая часть программного обеспечения бопперов теперь существует в наших телах. Чипоед лишь помог бопперам перейти на новую платформу телесных оболочек. Просто это произошло в массовом порядке. И ты же сам это знаешь, Кслотл: если мы развяжем против людей биологическую войну, они ответят нам какой-нибудь еще более сильной заразой. И все это знают. Живи сам и давай жить другим.

– Что, иными словами, обозначает режим постепенного взаимного уничтожения, – ответил Кслотл. – Слава богу, у нас есть Гражданский Акт Молди. Так как насчет того сырного шарика в отеле? Ты же не станешь с ним чикаться? Возьми себя в руки, Моника, разозлись по-настоящему! Вспомни того мальчишку, который только что ткнул в меня палкой!

– Не знаю – мне бы сначала хотелось поговорить с мамой. Но ее без толку спрашивать: все, чем она теперь интересуется, – это валяться под кайфом на солнце на краю тротуара на «Полосе Развлечений», от нее ничего не добьешься толкового.

– В виде Корана или Книги Мормонов? Или ее пронял наконец Шекспир, и она решила прикинуться его избранными сочинениями?

– Теперь она предпочитает образ Библии. Разве ты забыл? Христианство – последнее увлечение мамы Андреа. Она говорит...

Моника рассмеялась, запрокинув назад голову, потом сказала, передразнивая мать, голосом чуть-чуть более пронзительным: «Я хочу завязать серьезные отношения с богобоязненным христианином».

Кслотл задумчиво кивнул.

– Андреа сказала бы, что ты должна решиться, Моника, и сделать с этим сырым шариком то, что должна сделать. Иначе, скажет она, я займусь им сама. Все, я потопал в «Лос-Транкос» – буду следить за тобой через свой ювви, Моника. Если тебе понадобится помощь, только свистни.

– Чудесно, дорогой. Пожелай мне удачи.

Моника прыжками направилась к дальнему концу пляжа в сторону «Полосы Развлечений».

Она держалась края прибой, где блестящий влажный песок был наиболее твердым. Некоторые из людей, мимо которых она проходила, улыбались ей и кивали, другие хмурились и отворачивались. Один из мужчин – отец мальчика, которого испугал Кслотл, – вскочил на ноги и закричал на нее: «Убирайтесь обратно на Луну!» Он уже до краев набрался пива.

Вместо того чтобы молча двигаться дальше, Моника остановилась и повернулась к нему лицом. Вместе со своей семьей и еще одной парой мужчина располагался под огромным пляжным зонтиком. Их бледные, тощие дети катались в песке рядом с ними.

– Я никогда *не бывала* на Луне! – выкрикнула мужчине Моника. – Почему бы вам самим *не убраться* из этого города?

– Хрен тебе! – как резаный завопил мужчина.

– А он у тебя есть? – проскрежетала Моника. – Если нет, то я могу тебе одолжить свой. – Моника протянула руку к мужчине, изображая фаллос. – Куда ты хочешь, чтобы я тебя трахнула – в нос или в зад?

С угрожающим видом она шагнула в сторону мужчины. Тот опустил на песок и вяло махнул рукой, предлагая Монике убраться прочь.

Через несколько минут Моника добралась до «Полосы Развлечений» Санта-Круза, парка аттракционов в классическом стиле приморских городков. Весь день напролет студенты, молды, рабочие с ферм, серферы и бездомные торчки, населяющие Санта-Круз, толпами прокатывались через «Полосу Развлечений», наполняя собой аллеи и разбавляя имеющихся в наличии «наследников», так что в парке аттракционов никогда не бывало скучно. В длину «Полоса Развлечений» была на шесть кварталов и полквартала в ширину.

Моника прошла мимо главной закусочной на «Полосе Развлечений», со здоровенной новой рекламой мяса вэнди в витрине, работы Тре. Реклама представляла собой большую полупрозрачную голограмму с изображением семи разных смешного вида существ, разевающих рты на головы и зады друг дружки, дополнением к чему служили образы невероятно красивых мужчины и женщины, выражение лиц которых циклически менялось, проходя через неповторяющиеся гримасы постоянного удовольствия. Мужчина был чуть-чуть измененный в лучшую сторону сенатор Стэн Муни, а женщина – его жена Вэнди Муни, не прикрытая ничем, кроме своего Плаща Счастья. Реклама имела совершенно поразительный вид трехмерной огромной мозаики, сложенной из пастельных фрагментов. Фрагменты были сформированы при помощи четырехмерного фильтра «Забавные цыплята», которую Тре разработал в июле. Моника немного помогла Тре с окончательными расчетами рекламы вэнди и теперь могла с гордостью смотреть на результат, где была частица и ее труда.

Когда Моника шла через «Полосу Развлечений», кто-то спросил ее, приняв за местного работника, где можно купить билеты на карусель. Моника указала на билетный киоск и плавно продолжала двигаться вперед, перемещаясь благодаря волнообразному перекачиванию плоскости основания своего тела.

На обочине тротуара на выходе из «Полосы Развлечений» лежала мама Андреа в виде расплющенной по дороге колорадской речной жабы, но жабы в виде огромной книги, раскрытой посередине. Божья Книга. На двух открытых страницах виднелись крупные готические буквы. В данный момент буквы складывались в слова: ВОЗЛЮБИ МОЛДИ.

– Молды есть разумные существа с гениальными религиозными воззрениями, – ровным тоном вещала Андреа. – Я хочу найти оппонента, кто смог бы вступить со мной в дискуссию на эту тему. Желательно одинокого мужчину!

– Мам, – обратилась к Андреа Моника, воспользовавшись закодированным скрежетом. – Ты дождешься, что в один прекрасный день какой-нибудь турист-«наследник» обольет тебя виски и бросит спичку. Большая часть «наследников» – христиане. Неужели ты не понимаешь, что они оскорбятся, увидев, что ты изображаешь собой их священную книгу?

– Привет, Моника, – добродушно проскрежетала в ответ Андреа. – Сейчас я пребываю в экстатическом состоянии бессознательности. Не далее как сегодня утром замечательное-примечательное-великолепное-улетное, *иттрий-иттербий*, вещество было предложено мне кухней Эмулиной. Это вещество выгоняется прямо здесь, в Калифорнии, и называется оно – *бетти*. Я понятия не имею, почему оно так называется, может быть, потому, что *иттеб-риум* наоборот будет *муирбетти*. Моника, твоя мать так хорошо задвинулась, такая вся стала *бетти-муирбетти*. Что тебе нужно от меня, моя прекрасная дочурка?

– Я хочу спросить тебя кое-что о сырном шарике, который сегодня пытался приударить за мной. Я собираюсь поставить ему мыслительный колпачок – как ты на это смотришь?

– Думаю, что у тебя получится, Моника, все как нельзя лучше.

– Я боюсь, мама. Потому что мне кажется, что так делать неправильно.

– Обуздай свой страх, Моника, не позволяй ему руководить твоим поведением. Помни, что и твоя атака должна быть быстрой и неожиданной, потому что в противном случае...

– Что в противном случае? – тревожно спросила Моника.

– Кухня Эмулина сказала мне, что с недавних пор кто-то занимается тем, что оглушает молды и отправляет их на Луну. Мое предположение заключается в том, что это происки

«наследников», которые сговорились с лунными молди. Да, да, эти алчные лунные молди способны на все, что угодно. Эмулина и я, мы считаем, что лунные молди специально наняли «наследников», чтобы те оглушали и забирали в рабство молди при помощи специальных ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками.

– И для чего это им нужно?

– Помнишь, я рассказывала тебе о старых ДИМ-пиявках? Эта зараза блокирует нормальные мыслительные процессы молди. Все равно что заснуть или устроить себе крепкий трип на психоделике, так я это понимаю – вот только дело тут совсем в другом, это мясо может разрезать молди на части, забирая коробочки со спорами камота, чтобы загонять торчкам-спорышам, а мертвый имиполекс продавать на Луну. Кстати говоря, отец твоего босса, Терри, когда-то тоже участвовал в этом, поэтому мы физически устранили его – думаю, что ты понимаешь, что тебе нет необходимости говорить об этом Терри. Новые суперпиявки гораздо сильнее и эффективнее старых ДИМ-пиявок. Эмулина говорит, что действие суперпиявки подобно действию мыслительного колпачка, только наоборот, ее можно сравнить с физической клеткой, в которую...

Три хорошо одетых туриста-калифорнийца остановились рядом с Андреа, чтобы поглазеть. Это был яппи-отец, мать и дочка.

– Что это может значить? – спросила мать.

– Я – Библия, – ответила Андреа, приятным и отчетливым голосом. – Книга Бога, вашего Спасителя. Я с удовольствием поговорю с вами на религиозную тему.

– Эй, смотрите, тут что-то написано, – сказала маленькая девочка. – Тут написано: «Возлюби молди, как самого себя».

– Только близко не подходи, – предупредил отец. – Кто знает, что у него на уме, может быть, оно попытается что-нибудь у тебя отобрать. Все эти религиозные штуки – полная фигня. Сюзи, ты уже взрослая, и должна это понимать. Пошли посмотрим на аттракционы.

Семейство побрело прочь.

– Зачем ты ведешь себя так, Андреа? – спросила Моника.

– Для того чтобы способствовать установлению всеобщего мира и взаимопонимания между разумными видами, моя дорогая дочь. К тому же, если мне удастся познакомиться с мужчиной – сырным шариком, я смогу ограбить его и убить.

– Мама, это полнейшее безумие.

– Библия учит: «Чти мать и отца своего», – наставительно сказала Андреа. – По-моему, это очень разумно. А теперь иди и сделай то, что должна. И постарайся быть осторожной и думать на шаг вперед. Я уже говорила тебе, что вмазалась бетти? Да. Я вижу в небе созданий Божьих, даже сейчас, когда разговариваю с тобой. Созданий Божьих, прибывших из других миров.

Перевернув несколько страниц своего тела-Библии, Андреа обратилась с приветственным возгласом к следующей группе туристов, появившихся невдалеке. Не обращая на лежащую на тротуаре Библию внимания, туристы прошли мимо.

– Тебе никогда не приходило в голову, что все, что окружает нас, в том или ином смысле живое? – задумчиво проговорила Андреа. – Все вокруг пропитано информацией. Информация нисходит к нам дождем с небес в виде космического излучения. Теперь в своем возвышенном состоянии духовной экзальтации я чувствую это. Оооо. Уммм. Оооох. Аааах.

– Мама, ты уверена, что эти редкоземельные колеса не вредят тебе?

– Всем известно, что смерть – это конец жизни, Моника. В информационно-теоретическом смысле повторение уже пройденного означает смерть, пусть тело твое и продолжает жить. Поэтому нужно подвергнуть тело риску, для того чтобы способствовать активизации мыслительной деятельности и перейти на высшую ступень сознания. В твоем случае, дочь, перед

– Не знаю, чем я могу быть вам полезна, сэ, – расчетливо протянула Моника, закрывая дверь и задергивая на окнах шторы. – Терри Перцесеп, менеджер этого мотеля, она только сегодня утром говорила мне, что мне не следует вступать в интимные отношения с клиентами мотеля. Наш мотель «Чистый Свет и Террасный Дворик» в основном предназначен для семейного отдыха. Именно так миссис Терри мне и сказала. Это ее точные слова.

Моника уперла руки в бока, эротично увеличив вздутия груди и сделав круче формы ниже талии, бедра и ягодицы.

– Так что же ты хочешь от меня, деревенский паренек?

– Я...

Двигаясь с такой же болезненной резкостью, как и актеры в мыльной опере над столом, Такер взял картонный стаканчик с кофе с логотипом «Даффо Дели», закуской на другой стороне Бич-стрит, напротив мотеля, и сделал большой глоток. Потом серьезно поглядел на Моника поверх своего стаканчика, но только лишь для того, чтобы тут же рассмеяться, увидев, как манит и соблазняет его Моника, как жестикулирует она руками, словно девушка на баскетбольной площадке, чирлидер с помпонами в руках.

– Ты мой сочный кусочек сыра, верно? – сказал ей Такер. – Пошли своего босса к черту, Моника. Давай отдохнем как следует. Покажи мне, что ты умеешь. Если ты постарайся, то я хорошо тебе заплачу.

Пройдя через комнату и остановившись вплотную к Такеру, Моника открыла поры своего тела и выпустила ему в лицо весь свой букет запахов.

– Можешь ты дать мне доступ к твоему счету, Ренди?

– Это зачем?

– Я не только горничная в этом мотеле, мистер Такер, я еще и бухгалтер, – сказала Моника, расстегивая первую пуговицу рубашки Такера на груди. – Так можете вы дать мне доступ к вашему счету?

Моника расстегнула вторую пуговицу на рубашке с длинными рукавами Такера. Его серые слаксы и черный пластиковый ремень были такими же дешевыми, как и рубашка с длинными рукавами. Короткие волосы Ренди были давно немыты. Тонкая кожа, загар с которой смылся, словно он давно не выходил на солнце, была кое-где покрыта язвинами оспин. Моника видела, как под бледной кожей Такера пульсируют синие вены. Нос у ее нового кавалера был чуточку свернут на сторону, его адамово яблоко отличалось внушительными размерами.

– Хорошо, э-э-э... – протянул Такер. – Введи, введи... – запнулся он.

– Как вы смотрите на то, если я запишу это на ваш счет? Как среднюю цену за один лишний день? – предложила Моника. – Никто ничего не заметит. Но прежде вы должны сказать мне, что вы хотите, чтобы я вам сделала.

Моника ослепительно улыбнулась и испустила облако спор.

– Чтобы потом мне не смогли предъявить обвинение в проституции. Разве не можете вы оказаться «наследником»? И так, Ренди, скажи мне теперь, что же ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты мне отсосала, черт возьми. А чем тебе не нравятся «наследники»?

– Но ты не «наследник»?

– Я не сказал, что я «наследник». По крайней мере я никогда не считал необходимым придерживаться их веры. Но там, в Шивели, где я жил раньше, я знал несколько «наследников». Иногда эти парни, «наследники», они могут делать добро и совсем неплохие.

– Как ты думаешь, что бы они сказали, если бы узнали, что ты собираешься заняться сексом с молди?

Такер вздохнул.

– Они отлично все понимают – почему ты решила, что они вообще станут этим интересоваться? Знаешь что, Моника, я уже через это все прошел, и через муки вины и все такое. Я

такое проделывал и такое повидал – мало кто поверит, что можно столько успеть к двадцати одному году.

Такер пристально взглянул на Монику, словно пытаясь прочесть, что у нее на уме. Наконец, приняв какое-то решение, он отвел глаза.

– Будем просто считать, что я человек со странностями и у меня есть свои запросы. Можем мы теперь начать?

– С удовольствием, – сухо отозвалась Моника.

К этому времени она уже закончила расстегивать рубашку Ренди и приступила к ремню на брюках. Прервав свое занятие, она взглянула на него еще раз. Такер был тощ и бледен, но немного мускулатуры у него имелось. Ей придется придушить его хорошенько, прежде чем она проникнет в его мозг через ноздрю и начнет манипулировать внутри его черепа.

Ренди прилег на кровать, и Моника опустила сверху него, при этом ее тело потеряло свою форму, разжижилось и плотно облегло половые органы Ренди. В сексуальном плане соседство Ренди для нее означало не более, чем могла означать для человека работа, например, с тачкой. Моника набрала ритм, лаская и массируя, стараясь возбудить тело и определить нужный темп.

Заметив, что Такер принялся стонать и извиваться в мучительном наслаждении, Моника начала удлинять указательный палец, осторожно ползущий, словно виноградная лоза. Палец Моники прополз вдоль тела Такера и обернулся вокруг его горла.

Чувствуя нетерпеливое желание скорее придушить Такера и приступить к делу, Моника двинулась далее и, удлинив другой палец, попыталась просунуть тот в ноздрю Такера, одновременно быстрыми волнообразными движениями массируя его гениталии. Но вместо того, чтобы оставаться лежать на спине в слепом экстазе, Такер вдруг поднялся и сел, вцепившись руками в посторонние предметы, которые пытались проникнуть в его нос и оплести шею.

– Какого черта ты делаешь в моем носу, сучка? Решила установить мне мыслительный колпачок, да?

Как ни странно, но голос у Такера был совсем не испуганный, а скорее ужасно удивленный, притом, что он уже задыхался и хрипел, и слова его было трудно разобрать.

Сжав изо всей силы шею Такера, Моника попыталась сильным движением протолкнуть щупальце вперед и вверх в ноздрю своей жертвы. Но щупальце дальше не шло! Моника толкала и налегала раз за разом изо всех сил, но впечатление было такое, словно череп Такера был бронирован изнутри титанопластом или чем-то подобным – щупальце Моники не могло проникнуть внутрь!

В довершение ко всему Такеру удалось просунуть ладонь между щупальцем Моники и своей шеей, в результате чего она не могла душить его дальше. Ухватившись левой рукой за другое щупальце Моники, Ренди с силой выдернул его из своего носа. Потом поднялся на ноги и стал пинать тело Моники. В ответ Моника резко стиснула половые органы Такера, и тот пронзительно закричал, опрокинувшись на спину, в падении сбив со стола ювви и голограмму и уронив это все на пол. События оборачивались самым нежелательным образом, грозя обернуться для Моники очень серьезными неприятностями. Если после всего происшедшего Моника попытается бежать, то Такер все равно донесет кому следует о том, что она на него напала, после чего на Монику устроят охоту, выследят и уничтожат. Теперь она просто обязана его прикончить!

Такер лежал на полу на спине, а Моника сверху него наподобие дикого и голодного плаща-вампира. Ювви продолжал транслировать голограмму, тоже сцену борьбы, и крики, доносящиеся из ювви, слава богу, пока что заглушали те звуки, что издавал Такер. Кроме того, соседние комнаты скорее всего были пусты, потому что в такое время люди находились на пляже, там, где им и следовало в такую пору находиться, а не сидеть как извращенец, затаив-

шись в своем номере, дожидаясь возможности заняться сексом с молди, вроде этой скотины «наследника»...

Такеру удалось дотянуться до своей сумки с вещами, на ощупь расстегнуть молнию, и теперь он вслепую копался в сумке. Что он там ищет – пистолет? Но пистолет бесполезен против молди. Теперь, когда левая рука Такера была занята, Моника приготовилась засунуть толстое щупальце Такеру в рот. Она уже собиралась призвать на помощь Кслотла, но передумала, потому что теперь была почти уверена, что одолеет Такера сама. В черепе создания из плоти имелось отличное, совершенно незащищенное место в верхней части рта, которое не должно, да и не может быть защищено броней, как нос. Нужно добраться туда, и все, здравствуй, плотти! Но не успела Моника проникнуть в рот Такера, как что-то выскочило из сумки, прыгнуло на нее – и моментально все изменилось.

Вместо того чтобы как следует навалиться и прикончить упрямого Такера, Моника скадилась с него и, бессильная, растянулась рядом. Его голос звучал в ней, что-то нашептывал ей. Она не могла двинуть ни рукой, ни ногой без его позволения. Все, даже ее мысли, теперь не принадлежали ей.

– Вот так, Моника, теперь лежи тихо, – сказал ей Такер, поднимаясь на ноги. – Да, устроила ты тут беспорядок, девочка.

Маленькое симпатичное имиполексовое создание на двух ножках бегало по полу, как цыпленок. Именно оно выскочило из сумки и набросилось на Моника.

– Забирайся обратно в сумку, Вилла-Джин, – приказал ему Ренди Такер. – Ты отлично сработал, прилепил на нее суперпиявку как раз вовремя.

Такер откашлялся и отправился в ванную выпить воды. Цыпленок остался стоять перед Моникой, неотрывно наблюдая за ней парой маленьких глазок. На спине у него имелось небольшое расплывчатое розовое пятно, словно клочок короткого меха. Цыпленок осторожно подошел к Монике ближе и тихонько на пробу клюнул ее лицо, потом клюнул сильнее, отрывая и усваивая небольшие частички ее имиполекса.

– Полезай обратно в сумку, Вилла-Джин! – снова крикнул цыпленку Такер, появляясь из ванной. – Быстро!

Создание проворно забралось обратно в сумку Такера, и тот застегнул на сумке молнию.

Ренди пошарил в карманах и достал оттуда несколько небольших розовых кусков имиполекса. Потом взял со стола ювви и позвонил кому-то, переговорив только голосом, без изображения.

– Аарби? Это Ренди, старина. Я тут взял одну. Когда ты сможешь подогнать лодку, чтобы убраться отсюда? Отлично. Я сейчас выхожу.

Ренди выключил ювви.

– Пойдем купаться, – сказал он Монике, сказал мысленно, не произнеся ни звука. – Мы выйдем на улицу, и ты будешь моей рикшей, довезешь меня до утеса на Стимер-лэйн. Мы выйдем, как будто все в порядке, чтобы твой босс ничего не заподозрил и нас не остановил.

Внезапно Моника посетила галлюцинация: она увидела осушенное морское дно с лежащими на боку разрезающими рты задыхающимися рыбами, с ползающими извивающимися осьминогами и огромными кучами водорослей с запутавшимися в них морскими звездами всех возможных цветов. Она была совершенно без сил, без формы и даже желания. Словно медуза под солнцем.

– Вставай и выходи, Моника.

Голос внутри нее заставил подняться и сдвинуться с места. Моника вышла из комнаты 3D. Ренди шагал следом за ней, взволнованно дыша в спину.

Тре сидел за стойкой в холле, но Моника прошла мимо, даже не взглянув на него, и вышла на улицу. Такер о чем-то быстро переговорил с Тре, потом проворно вскочил Монике на спину, словно хищный зверь на заговор своей жертве. По приказу Такера Моника припу-

стилась рысью вниз по улице к океану, на набережной свернула на север, и еще через полмили они были возле Стимер-лэйн.

– Теперь стань для меня водолазным костюмом, – приказал Ренди Монике, и та послушно облегла собой его ненавистное тело, превратившись в скафандр с возможностью дыхания. Они бросились с утеса прямо в океан.

Вода взорвалась вокруг Моники головокружительным вихрем цвета и мерцающего свечения. Ее снова посетила галлюцинация. Вихрь чистой энергии ворвался в ее тело и закружил внутри. На время она полностью забылась в этом вихре, но после, когда рев и грохот утихли, Моника обнаружила, что преодолела под водой большое расстояние и плывет так уже давно, потому что ее тело было пропитано усталостью. Дно внизу выглядело странно, его покрывала перекрещенная сетка, словно карта меридианами и параллелями, и казалось, что у плавающих вокруг рыб человеческие лица. В довершение ко всему в той же манере сна кущи водорослей представлялись сделанными из шестеренок, колесиков и металла.

Потом Моника остановилась, и возле нее появился белый катер. Блестя под солнцем, волны прокатывались по океану, одна за другой уходя к горизонту, и внезапно Моника обнаружила нечто поразительное, огромное ядовито-зеленое тело, висящее в воздухе над водой немного в стороне от катера, пятно в небе, которое она видела, но присутствие которого раньше не доходило до ее сознания. Тело, похожее на гигантского полупрозрачного кита, со свистом рассекая плавниками воздух, на глазах у Моники стремительно опустилось вниз к воде.

– Отправляйся следом за ним, – сказал враг, угнездившийся внутри нее, и кит, ловко затормозив как раз над водой и осторожно погрузившись наполовину, задрал крючком хвост, надул и выставил вперед светлое в полоску брюхо, осклабив в огромной улыбке рот, что было совершенно удивительно и одновременно весело и дружелюбно, отчего Моника принялась смеяться, смеяться и смеяться. От сильного смеха ее спина треснула, злобное человеческое существо, словно белый червяк, выбралось наружу и вплавь добралось до катера.

– Отправляйся за китом, – крикнул ей человек, и тотчас же кит, это сказочное порождение сна, нырнул в воду, направляясь к самому океанскому дну, погружаясь все ниже и ниже – туда, где померк вокруг свет.

2. Ренди

Сентябрь 2048 – апрель 2051

Ренди Карл Такер родился и вырос неподалеку от шоссе Дикси в мелком городке Шивели, который прилепился к юго-западному углу Луисвилля. Около века назад шоссе Дикси было важной транспортной артерией города, ведущей к военной базе в Форт-Ноксе, что в тридцати милях к югу от Луисвилля, и Шивели был тем местом, куда приезжали солдаты, чтобы вкушать успокоительных удовольствий гражданской жизни – проиграть получку на Черчилль-стрит или выпить и переспать с девчонкой. Заканчивалось это тем, что довольно большое количество солдат женились на девушках Шивели и оставались тут жить; спустя пару десятков лет городок разросся и окреп, включив в свой состав малоимущих безбожников, профессиональных христиан и пропитанный алкоголем и убитый наркотиками белый мусор.

Мать Ренди, Сью Такер, была бисексуалкой, с сильной мужской наклонностью, и многим мужчинам казалась привлекательной своими мальчишескими манерами и обликом. У Сью был собственный небольшой бизнес, мастерская в гараже и грузовичок, она была мастером-водопроводчиком с хорошей репутацией. Она выполняла ремонт и иногда работала по контракту, там, где во время перестройки в домах требовалось провести новый водопровод и канализацию.

Сью не любила говорить об отце Ренди, но дети слышат все, и с течением лет Ренди узнал, что рождением своим он обязан случайной связи Сью во время секс-вечеринки на Хеллоуин в 2031 году в клубе здоровья «Ла Мираж» в пригороде Луисвилля. По словам Сью, она даже не видела лица этого парня, потому что весь он, от макушки до пят, был скрыт под мерцпокрывом, Плащом Счастья, и фокус был в том, что парень был замаскирован под женщину. Сью так никогда и не узнала, кто это был.

Пока Ренди был маленький, в доме Сью иногда появлялись мужчины, но когда он повзрослел, они исчезли, так как в это время Сью склонило на лесбийскую сторону. Наиболее постоянной подружкой Сью, ее фавориткой, была официантка Хони Вивер – плотная крашеная блондинка с большой грудью и зачаточным подбородком. Вскоре после того, как Ренди исполнилось шестнадцать, Сью решила, что Хони лучше всех сможет рассказать Ренди о сексе, к тому же, как лесбиянка, Хони сможет научить Ренди должному уважению к женщинам.

– Ренди Карл, – сказала сыну Сью в один прекрасный вечер в сентябре 2042 года, после того, как, придя домой, в очередной раз обнаружила, что Ренди тайком смотрит по ювви порнопрограммы. – Выключи эту гадость. Такие фильмы унижают женщин. К тому же если ты будешь много смотреть ювви, то испортишь глаза, и тебе понадобятся очки.

– Ну пожалуйста, Сью.

Ренди всегда звал мать по имени.

– От этих фильмов нет никому вреда. И с глазами у меня все нормально, очки мне не нужны.

– В конце концов понадобятся, если так и будешь смотреть эти фильмы до старости.

Ренди был мальчишкой мрачноватой наружности, с вытянутым унылым лицом. Он еще не вырос, и роста в нем было чуть больше пяти футов. Волосы он стриг ежиком-платформой, носить предпочитал тишотки и штаны-хаки; когда Ренди смотрел по ювви грязные фильмы, его штаны впереди заметно вспухали.

– Ренди Карл, настало время тебе узнать, что к чему. Я хочу, чтобы ты сходил к Хони Вивер.

– Да? Зачем это?

– У нее засорился слив в раковине на кухне. Ведь ты сможешь сам справиться? Хони просила зайти, а я сегодня устала.

Ренди часто помогал матери по работе, но это был первый раз, когда она просила его сделать что-то самостоятельно.

– Сколько она заплатит – как обычно, по профсоюзным расценкам?

– Она заплатит, будь уверен.

Ренди послушно сложил в ящик инструменты и пешком отправился к дому Хони – она жила всего в двух кварталах от Сью, в доме, похожем на их как две капли воды: трехкомнатное бунгало, с дешевыми стенами из керамических плит и бетонированным передним двором.

Дверь Ренди открыла Хони. На ней был розовый шелковый халатик, едва завязанный пояском.

– А, привет, Ренди. Сью позвонила мне и сказала, что ты зайдешь. Я только что пришла с работы, сняла форму и приняла душ. Входи же.

Хони открыла дверь, и ее халатик распахнулся, так что Ренди заметил ее груди и, на секунду, треугольник волос внизу живота.

– На что это ты смотришь, паренек? – спросила Хони с воркующим смехом. – Ты никогда раньше не видел живой женщины?

– Я... – задохнулся Ренди, со стуком поставив на пол свой ящик с инструментами. – Хони, я...

– Ты так возбужден, – мурлыкнула Хони. – Ах ты мой малыш, какой красавчик.

Хони раскинула руки, и ее халатик окончательно распахнулся.

– Иди ко мне, Ренди. Обними меня и поцелуй мои груди.

Ренди дышал запахом ее духов, соски ее грудей окрепли и чудесно елозили по щекам и губам Ренди. Руки Хони, как пара змей, опустились вниз и расстегнули его брюки. Прежде чем он понял, что происходит, она стиснула его торчащий маленький член, и он кончил прямо в ее настойчивые и ласковые руки. Ренди был так удивлен и смущен, что залился слезами.

– Ничего, ничего, – проговорила Хони, улыбаясь ему и растирая сперму у себя по груди. – От этого кожа становится мягче. Мне нравится доить таких милых мальчиков, как ты, Ренди Карл. Хочешь посмотреть мою вагину?

– Да, Хони, хочу.

– Тогда встань передо мной на колени.

Ренди опустился на мягкий пластик пола, и Хони подвинулась к нему так, чтобы пышный и душистый куст ее лобка оказался прямо напротив его лица. Она немного расставила в стороны ноги, и теперь Ренди мог видеть ее гениталии во всех подробностях.

– Поцелуй мою киску, Ренди Карл. Оближи ее всю сверху донизу.

Ренди начал медленно и осторожно, но уже скоро Хони схватила его голову и крепко прижала к своей промежности. Покрытые слизью, нежные и мягкие покровы Хони были потрясающими, роскошными, неопишимо экстравагантными. Ренди целовал и сосал, издавая стоны от наслаждения. Хони начала ритмично двигать бедрами, прижимая определенное место своего лобка ко рту Ренди, и по прошествии времени этот ритм сменился хаотическими судорогами. Хони вскрикнула, потом опустилась на пол рядом с Ренди.

Ренди торопливо забрался на нее, с желанием проникнуть со своей болезненной эрекцией в Хони, но та воспротивилась:

– Никогда больше я не пушу в себя член мужчины, Ренди Карл, даже твой. Я не желаю этого.

Хони поднялась и села, глядя туманным и немного грустным взглядом в окно. На улице уже смеркалось. Входная дверь осталась немного приоткрытой, и Ренди видел, как по улице перед домом Хони проходят люди. Однако света внутри дома не было, и прохожие не видели ничего, что происходило внутри.

– Если ты окажешь мне еще одну услугу, Ренди, то я подою тебя снова.

– Хорошо, Хони. Я сделаю все, что ты скажешь. Мне так хорошо, как никогда в жизни.

Это здорово.

В этот момент Хони казалась Ренди самой прекрасной женщиной во всем мире, несмотря на валик жира на ее животе и почти полное отсутствие подбородка.

– Подожди здесь.

Хони отправилась в спальню и что-то принесла оттуда. Длинный мягкий предмет из пластика в форме мужского члена. Член был темно-синего цвета с перемещающимися внутри полосками золота.

– Это мой лимпсофт-дилдо, – объяснила Хони. – Поскольку я лесбиянка на мужской роли, я зову его *она*. Ее зовут Анжелика. Анжелика, это Ренди Карл Такер. Анжелика, познакомься с Ренди.

Дилдо пошевелился и напрягся в руках Хони. Он – она – действительно обладал тонким тихим голоском. Ренди смекнул, что Анжелика сделана из имиполекса с ДИМ-чипом; дилдо был как молди, только не такой умный. До сих пор в Шиверли Ренди считанные разы приходилось видеть лимпсофты, и тем более молди. В городе было полно воинственных христиан-«наследников», и создания из имиполекса не рисковали здесь появляться.

– Засунь Анжелику в меня, Ренди Карл, – попросила его Хони, укладываясь на спину на пол. – Мы с твоей мамочкой всегда этим занимаемся. И ляг сбоку от меня, чтобы я смогла достать твой перчик.

Взяв в руки Анжелику, Ренди почувствовал, какая она живая и трепещущая. Дилдо мягко гудел, словно бы в приятном ожидании и возбуждении. Услышав странный запах, исходящий от дилдо, Ренди поднес его к носу и понюхал. От дилдо остро и резко пахло плесенью, запах напоминал звериную вонь и был совершенно не похож на то, как чудесно пахла роскошная киска Хони.

– Это запах молди, – объяснила ему Хони. – Поначалу этот запах кажется неприятным и резким, но потом к нему привыкаешь. Очень сексуальный запах. Подпусти-ка еще душка, Анжелика.

Дилдо чирикнул и испустил шипение, отчего острый запах молди стал в десяток раз сильнее. Ренди почувствовал, как кровь стучит у него в черепе. Никогда в жизни он еще не был так возбужден.

– Давай же, Ренди! – настойчиво позвала его Хони. – Все еще только начинается!

Так это продолжалось два последующих года – все то время, пока Ренди оканчивал старшую школу, – почти каждый день Ренди приходил к Хони, и они занимались сексом, и Хони выдумывала все новые и новые способы и забавы. Когда она заметила, с каким интересом Ренди наблюдает за тем, как она ходит в туалет, она купила специальный имиполексовый плащ, который укрывал голого Ренди, пока Хони стоя мочилась на него. Имиполексовый плащ назвали Сэмми-Джо.

Ренди бродил словно в тумане, и его успеваемость в школе стала из рук вон. Все, о чем он только и мог думать, это о том, как запах горячей мочи Хони смешивается с острым сырным духом Сэмми-Джо. Пытаясь вернуться к разуму, он пробовал заставить себя встречаться с обыкновенными девушками, со своими одноклассницами, но ничего, что могло случиться или случалось во время этих свиданий, не шло ни в какое сравнение с тем, что устраивали они с Хони Вивер, Анжеликой и Сэмми-Джо. Так Ренди стал сексуально одержим имиполексом.

Одной из причин, движущих Хони, было желание сосредоточить внимание Сью Такер на сексуальности Хони. Хони обожала во всех подробностях рассказывать Сью о том, чем они занимаются с Ренди, обо всем в самых мельчайших интимных деталях. Поначалу Сью слушала Хони с острым интересом, смешанным с отвращением; иногда Ренди со смущением ловил на себе удивленные и изучающие взгляды матери, что, конечно же, никак не улучшало их отно-

шения. Но в конце концов материнские инстинкты Сью победили, и она запретила себе думать о сексуальных привязанностях сына.

В результате отношения Хони и Сью осложнились, потому что с некоторых пор при сексуальных контактах с Хони Сью никак не могла избавиться от видений того, чем Ренди занимается с ней. Несколько раз Сью и Хони крепко ругались, после чего Хони прекратила звонить Сью и изводить ее последними деталями того, что они только что с Ренди вытворяли. Еще через год странный любовный треугольник стал настолько невыносим для Сью, что она совершенно прекратила встречаться и разговаривать с Хони.

Весной того года, когда Ренди оканчивал школу, Сью снова обратилась лицом к мужчинам. В их доме появился явно с намерением поселиться надолго неприятный и совершенно пустой парень по имени Левис. У Левиса была борода, такая длинная, что концы ее вполне можно было завивать, что Левис очень часто проделывал. Левис работал бригадиром в строительной компании «Лондон Эрл Эстейтс», занимающейся строительством дешевого жилья в штате, и преимущественно сидел на стройке в Окалона, Кентукки, в двадцати милях от Шиверли. В свое время Сью выполняла много заказов на прокладку водопроводных труб для «Лондон Эрл», так они с Левисом и познакомились. В ту пору Левис жил в трейлере на стройке. Левис был одновременно и нудным домашним тираном, и слабовольным человеком, но по непонятной причине Сью он нравился. Возможно, причина заключалась в том, что она была умнее его и, как правило, ей удавалось заставить его делать то, что она хотела.

Как только Левис переехал к Сью, он немедленно начал выживать Ренди из дома, но Сью заступалась за своего сына. Она устроила для Ренди комнату в гараже, для того чтобы Ренди и Левис встречались как можно реже, и передала Ренди все свои заказы, кроме контракта с «Лондон Эрл». Ренди ходил на курсы водопроводчиков, и Сью хотела, чтобы он получил сертификат мастера, прежде чем уедет из дома.

– Технологии приходят и уходят, Ренди Карл, – говорила ему Сью. – Но люди все равно продолжают пользоваться трубами. Сегодня мы пользуемся мягкими трубами и умными трубами, но это все равно трубы. Другого способа подать воду в дом и отвести воду из дома нет, и никто, кроме водопроводчиков, не знает, как обращаться с трубами. Тебе нужно стать мастером-водопроводчиком, и ты будешь обеспечен работой на всю жизнь.

В ту весну Ренди был счастлив, как никогда в жизни. Его секс с Хони был горячий и необыкновенный. После школы и в уик-энды он зарабатывал отличные деньги. У него был талант к водопроводному делу, к новым технологиям, которые теперь там применялись. Его любимым инструментом был сантехнический пистолет, при помощи которого можно было выращивать трубы прямо под домом, в свободном пространстве, оставленном для технологических целей. Трубы из сантехнического пистолета изгибались и тянулись так, как ты приказывал им. Ренди нравилось жить в гараже, и Сью гордилась тем, как быстро он осваивает водопроводное дело. Конец этим золотым временам наступил 20 июня 2050 года, на следующий день после того, как Ренди окончил школу.

В тот день он проснулся поздно, около полудня. Накануне компания его одноклассников устроила вечеринку в честь окончания школы, и на этот раз они решили пригласить и Ренди, чего раньше почти не случалось. До сих пор у него была тяжелая голова, после пива, бурбона и снэпа, которые он употребил накануне. Ренди не привык к алкоголю и наркотикам. Как он добрался до дома? Ах да, он шел пешком, по дороге каждый квартал останавливался, и его рвало в палисадники чужих людей. Какой болван!

Перекатившись на бок, он мысленно проверил состояние разных частей собственного организма. По сути дела, его самочувствие было не так уж плохо. Он наконец распрощался со школой. Он поднялся и сел на краю постели, оглядев гараж – свой письменный стол и шкаф, возле которого были сложены бухты сырого пластика для сантехнического пистолета. Его одежда висела на натянутой под потолком веревке. Пикапа Сью и гидрогенного мотоцикла

Левиса не было видно. Он наконец-то распрощался со школой. В трусах у него все упрямо напряглось; от алкогольного и наркотического похмелья его чувствительность повысилась, и торчало еще сильнее обычного. Он решил, что первым делом наведается к Хони; сегодня у нее был выходной.

Ренди надел майку без рукавов, мешковатые шорты и пластиковые сандалии. Потом позавтракал молоком и хлебом из материнского холодильника, вышел на улицу и побрел к дому Хони.

Стоял жаркий кентуккийский полдень, воздух был настолько влажный, что стоило только чуть ускорить шаг – и кожа становилась скользкой от пота. В трещинах асфальта обильно разрослась сорная трава. Со всех сторон доносилось пение цикад. От травы и кустов поднимался паркий жар. Дома вдоль улицы Шивели были похожи один на другой, все коробки со стенами из дешевых керамических плит, только цветники перед дверями немного отличались.

Хони была дома, но когда она открыла Ренди дверь, он увидел, что лицо у нее красное и заплаканное.

– Не подходи ко мне! – всхлипывая, крикнула ему она. – И больше не смей приходить ко мне! То, чем мы все это время занимались, Ренди Карл, было плохо и неправильно, вот так!

– Хони, дорогая, о чем ты говоришь? Это моя мать Сью подговорила тебя прогнать меня? Но она ведь сама меня к тебе первая послала!

– Все, чем мы занимались, это плохо, это грех, Ренди Карл! – упрямо гнула свое Хони. – В особенности то, что мы делали с Анжеликой... и Сэмми-Джо. Доктор Дикки Прайд из «Дома Наследников Шивели» все мне объяснил. Да, когда вчера ни ты, ни твоя мать не пригласили меня отметить с вами твое окончание школы, я отправилась в «Дом Наследников» на службу. И теперь я словно снова родилась. Я не спала до полуночи и молилась вместе с доктором Прайдом.

Поначалу Ренди решил, что Хони разыгрывает его, и он приступил к шутливому самобичеванию, так как она учила его этому раньше.

– Простите меня, госпожа Хони. Приказывайте мне, ибо ваша воля закон для меня, – заголосил Ренди, падая перед Хони на колени и расстегивая ширинку. – Но, умоляю вас, сделайте хоть *что-нибудь*. У меня торчит так, что хоть вой, и все после вчерашнего пива и снэпа.

– Все, что с этих пор может *случиться* между нами, Ренди Карл Такер, это встречи в «Доме Наследников», – с достоинством ответила ему Хони, поспешно отбежав в другой угол комнаты и устроившись там на стуле с прямой спинкой со скрещенными на груди руками. – Пусть я была проклятая Вавилонская Блудница, но теперь я очистила свое тело и превращу его в храм.

– Гм, а как насчет Анжелики и Сэмми-Джо? Могу я забрать их?

– Доктор Прайд велел мне отнести их в «Дом Наследников», но... Хорошо, ты можешь забрать их. Все равно мне стыдно приносить их в Святой Дом. Что, если доктор Прайд заставит меня пройти с ними по улице, крича: «Смотрите, вот мой дилдо, которым моя подруга, ее сын и я трахали друг друга, а вот плащ, в который я заворачивала сына моей подруги и мочилась на него, и...»

Голос Хони сорвался, поднявшись до пронзительного смеха... или это были слезы? Она упрямо сидела в дальней стороне комнаты, подальше от Ренди. Трясущейся рукой она указала на шкаф, в котором хранились ее имиполексовые секс-игрушки.

– Забирай их отсюда к черту, Ренди Карл! Забирай их отсюда и уходи!

Хони начала плакать, и сколько Ренди ни старался приблизиться к ней и утешить ее, все было бесполезно.

Тогда он забрал домой Сэмми-Джо и Анжелику и мастурбировал с ними. Это тоже было приятно, хотя и далеко не так потрясающе и оглушительно, как бывало, когда всем заправляла Хони. Анжелика и Сэмми-Джо не были достаточно умны для того, чтобы от них можно было

получить полное удовольствие. Впервые в жизни Ренди задумался о том, чтобы заняться сексом с полноценным, умственно высокоразвитым и автономным молди вместо имиполексовых секс-игрушек. После того как он кончил, он обмыл Сэмми-Джо и Анжелику и положил их ненадолго на солнце, потом унес обратно и спрятал в шкаф возле своей постели в гараже.

Весь остаток лета Ренди продолжал попытки снова подкатить к Хони – он подстригал ее лужайку, мыл тарелки, делал по дому разную работу, но все бесполезно. Все, чем теперь занималась Хони в свободное время, были встречи с обществом «наследников» в Святом Доме. Вышло так, что в августе Ренди начал ходить в Святой Дом к «наследникам» вместе с Хони.

Ренди, никогда не будучи мистером Глубокомысленным, все же должен был заключить, что ни разу в жизни не видел такого количества неудачников, недоумков, убогих и отщепенцев, которое можно было встретить на собраниях в «Доме Наследников», – все разговоры в Доме крутились вокруг Христа и Наследства Человечества, да еще того, как сильно ненавидят все они молди. Все до единого «наследники» были отлично подкованы в тонкостях Гражданского Акта Молди, который сенатор от Калифорнии Стэн Муни ухитрился провести через конгресс в 2038 году. И теперь, даже несмотря на то, что Стэн Муни уже давно отошел от официальной деятельности, у конгресса не хватило духу отменить этот отвратительный, дающий все права уродливым молди Акт. Какой позор! Другая обширная область интереса «наследников», само собой, касалась извращенных возможностей секса, возникающих в связи с существованием ювви, молди и программируемого имиполекса.

Иногда Ренди удавалось поймать взгляд Хони, чаще всего тогда, когда преподобный Дикки Прайд заводил разговоры о молди и имиполексе – Ренди немедленно вспоминались горячие сеансы с участием Хони и ее игрушек, – но всякий раз Хони сразу же прятала глаза. В ее маленьком глупом мозгу сместились колесики, и бесполезно было что-либо пытаться наладить, чтобы поставить эти колесики на место.

Тем временем Ренди совершенствовался в профессии водопроводчика. Клиенты, к которым направляла его Сью, передавали друзьям и знакомым его имя; он прославился тем, что выполнял работу быстро и надежно за относительно небольшую плату. Ренди отлично наловчился управляться с сантехническим пистолетом. Однако дома находиться он больше не мог. Левис крутился вокруг него все время, пытаясь вести себя словно отец Ренди или что-то в этом духе – какая чушь, если разобраться. Левис успел пристраститься к какому-то наркотику, аналогу кокаина под названием «пипп». Подобно кокаину, от пиппа людям тупым начинало казаться, что они умны. И чем умнее Левис себя чувствовал, тем невыносимее он становился. По всему было видно, что Ренди настало время съехать из дома, но теперь Сью не хотела, чтобы он уезжал, и давила на то, что у Ренди нет сертификата мастера-водопроводчика и что ему обязательно нужно получить этот сертификат, в общем, пользовалась этим для того, чтобы удержать его дома.

На Рождество в Индианаполисе умерла от рака мать Хони, и Хони, единственный ребенок, поехала на похороны со своей новой подругой-«наследницей» Нитой, кроме того, Хони предстояло вступить во владение комфортабельным поместьем матери: полностью оплаченным домом с участком земли недалеко от хорошей автострады и приличным счетом в банке Кэш-Веб. Доктор Дикки Прайд загодя предупредил отделение Общества Наследников Человечества в Индианаполисе, чтобы те встретили Хони и Хонину подружку с распростертыми объятиями.

Ренди, прослышав о том, что его бывшая подружка уезжает, пришел к Хони и спросил, не может ли он уехать из города вместе с ней и Нитой. Но Хони и тут оказалась полной суккой.

– Пойми, Ренди, и запомни это – ты был для меня просто мальчиком-игрушкой. Пареньком, на которого мне нравилось мочиться. Смирись с этим, потому что ничего другого тебе не остается. Я связалась с тобой только потому, что в ту пору Сью была важна для меня. И кстати говоря, можешь передать Сью, что она бессердечная кайфоломная сука.

Такой ответ был чересчур честным. Ренди почувствовал себя ужасно маленьким и с головы до пят использованным, использованным и оскорбленным. В этот самый день его юное сердце разбилось на части и с тех пор так и не зажило.

Ввиду отвратительной жизни дома и отъезда Хони всю последующую зиму Ренди усиленно посещал собрания в «Святом Доме Наследников». Независимо от того, что он думал о вере «наследников» и как относился к их ритуалам, он сумел ужиться с ними, и с ними ему было хорошо. Когда-то он видел по ювви фильм о жуках, которые настолько умны, что умеют выживать в муравейниках, обманывая при этом муравьев так, что те их еще и кормят. «Святой Дом Наследников» стал для Ренди тем муравейником, в котором он еще мог существовать.

Время от времени доктор Дикки Прайд просил Ренди выполнить тот или другой мелкий ремонт, и вскоре – Ренди даже не помнил, кто первый из них это предложил, – доктор устроил так, что Ренди смог поселиться в Доме на правах «семинариста». В Святом Доме, по большому счету архитектурно представляющем собой увеличенную копию дома Сью, имелся просторный гараж со вторым этажом, и доктор Дикки предоставил Ренди гараж в полное распоряжение.

Сью отдала Ренди кое-что из своего старого водопроводного инструмента, сам Ренди скопил денег и купил собственный сантехнический пистолет и свой собственный золотарский чемоданчик. За день до того, как Ренди окончательно переехал к «наследникам», Сью сумела нажать на нужные рычаги, и Ренди получил сертификат мастера-водопроводчика.

С тех пор Ренди жил один на втором этаже в гараже при «Святом Доме Наследников», и для секса у него были только Сэмми-Джо и Анжелика. По просьбе Ренди Анжелика сворачивалась в вагину с дополнительным клапаном, который плотно облегал и ласкал яйца Ренди, в то время как Сэмми-Джо облегал пахучим капюшоном молди лицо Ренди, превращаясь в удобные для использования клитор и половые губы. Закончив свои занятия, Ренди всякий раз открывал нараспашку окна и тщательно проветривал комнату. Утром, пока сам он завтракал и одевался, его игрушки с внутренностями из морских водорослей и лимпсофтной программой грелись на солнышке, питаясь его лучами.

В один прекрасный вечер прямо посреди онанистической секс-оргии Ренди, на ступеньках, ведущих в его комнату, раздалися шаги. Кто-то тихо вложил карточку-ключ в разъем и распахнул дверь. Из распахнутой двери в комнату упало трапециевидное пятно света, высветив распаленную наготу Ренди.

– Здравствуй, Ренди, – сказал доктор Прайд и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь и включил свет. – Не прячься и не смущайся, сынок. Я знал, что найду тебя за этим занятием. Я давно учуял, чем ты тут занимаешься каждый вечер. И к тому же Хони рассказала мне все про вас с ней.

В руках доктор Прайд держал розовое дилдо, вполтину короче, чем Анжелика. Он игриво потряс дилдо, потом провел носом по всей его длине, вдыхая запах молди – вдыхая с огромным удовольствием. Вечер был довольно прохладный, но лоб доктора Прайда покрылся потом.

– Разве он не красавец, Ренди Карл? Я зову его Доктор Джерри Фалвелл.

– Что вы хотите сказать? – спросил Ренди, натягивая простыню до подбородка, чтобы укрыть Анжелику и Сэмми-Джо. – Что вы хотите? Почему это вы входите ко мне в комнату без спросу, доктор Прайд?

– Мы можем драться или спорить, сынок, но все дело в том, что мы оба жалкие сырные шарики. Нам лучше держаться вместе. Сделай мне то, что ты делал Хони. Или позволь мне сделать это с тобой. Ты очень симпатичный и приятный молодой паренек, Ренди.

– Я ничего не буду вам делать, доктор Прайд. Вы были добры ко мне, я это знаю. Но я больше не интересуюсь сексом с людьми, и если я *когда-нибудь* и занимался с кем-нибудь сексом, то это была женщина. Я съеду отсюда, как только смогу или когда вы мне скажете. Но

я не стану совать вам в зад Доктора Джерри Фалвелла. Теперь, пожалуйста, уйдите отсюда и оставьте меня одного.

В последующие дни Ренди и доктор Прайд не упоминали между собой больше о случившемся между ними инциденте, но оба они согласились с тем, что Ренди наступило время закончить обучение в ранге семинариста и покинуть «Святой Дом Наследников» в Шиверли.

– Тебе нужно выбрать себе миссию, Ренди Карл, – сказал ему доктор Прайд. – У Совета Наследников Человечества очень хорошие связи – лично я общаюсь со всем миром, без преувеличения. У нас есть миссии «наследников» и Святые Дома по всему свету. Совет может стать очень эффективным работодателем. Кстати говоря, я уже направил о тебе рекомендательные письма по разным каналам с самыми лучшими отзывами. Ты можешь соединиться по ювви с Центральным Сервером Совета и узнать там, что им удалось подыскать для тебя. Такой молодой человек, как ты, с такой богатой душевной организацией, должен отправиться посмотреть мир!

Доктор Прайд отвел Ренди к ювви «Святого Дома Наследников», и Ренди соединился с центральной машиной Совета, с мощным азимовским компьютером, расположенным в недрах горы в Солт-Лейк-Сити, в штате Юта, в точности там же, где расположен генеалогический компьютер мормонов. Ренди увидел перед собой изображение виртуального клерка в стерильном окружении виртуального офиса. Клерк выглядела как юная дочь Великих Равнин и сделана была довольно искусно, однако иллюзия искусственности все же ощущалась. Виртуальная реальность силиконового компьютера была достаточно грубой, и Ренди различал, как неровно накладываются друг на друга полигоны изображения девушки, причем некоторые из полигонов были даже неверно окрашены. Несколько мгновений фигура сидела молча и неподвижно, но потом сигнал от ювви Ренди пробудил ее к действию.

– Привет, – сказала ему девушка. Ее голос звучал визгливо и резал слух. – Уверена, что ты и есть тот самый Ренди Карл Такер из «Святого Дома Наследников» в Шиверли, верно? Я права? Отлично. Можешь звать меня Дженни. Чем могу помочь тебе?

– Я... короче, я подумываю о том, как мне убраться из города, – ответил Ренди. – Отправиться в какую-нибудь миссию или вроде того. Найти работу где-нибудь еще. У меня есть диплом мастера-водопроводчика.

– Да, у нас уже есть эти сведения о тебе, Ренди.

С деревянным видом Дженни притворилась, что просматривает на столе какие-то бумаги.

– Диплом мастера – это очень хорошо. К тому же глава вашего прихода, доктор Прайд, очень высокого мнения о тебе. Интересно – мне хотелось бы, чтобы ты был откровенен со мной, – что ты лично *о нем* думаешь?

– Он хороший священник. Содержит все свое «стадо» в полном порядке.

– Ходят слухи, что он... сырный шарик?

– Я никогда не занимался с ним сексом и не собираюсь этого делать. Поэтому не нужно меня об этом спрашивать. И если это возможно, помогите мне убраться из этого города.

– Какой вид секса ты *предпочитаешь*? – спросила Дженни, переставив полигоны своего лица так, что они сложились в заговорщицкую улыбку. При этом некоторые полигоны на щеках Дженни стали черными, словно бы у нее были угри. Или шрамы. – Ты все можешь рассказать Дженни. Дженни знает много секретов. Ты любишь забавляться с игрушками молди?

– Послушайте, мне казалось, что это должно быть что-то вроде интервью для поиска работы. Что с того, если я и *в самом деле* интересуюсь молди? Ведь это уже достаточно веская причина для того, чтобы стать «наследником», верно? Точно так же, как алкоголики записываются в общество анонимных алкоголиков.

Дженни испустила смешок.

– Не стану больше пытаться тебя, Ренди. Я просто хотела убедиться в том, что ты ничего не имеешь против того, чтобы работать в окружении молди и имиполекса. Потому что работа,

которую я нашла для тебя... Ты когда-нибудь слышал о городе Бангалоре, который находится в Индии? Вот, смотри.

Изображение Дженни заслонилось изображением земного шара, повернувшегося так, чтобы стала видна Индия, висящая толстым выменем внизу азиатского материка. Посредине набухшего вымени пульсировала маленькая красная точка.

– Бангалор расположен на плато, и климат там довольно умеренный, – объяснила Дженни. – Город очень развитый и по-западному высокотехнологичный. Это единственный город в Индии, где продают разливное пиво. Здесь находится «Индустан Аэронавтикс», а также «Индия Телефон Индастриз», «Бхарат Электроникс» и «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд», крупнейший в мире производитель имиполекса. «Личинке Носорога» нужен водопроводчик; водопроводчик хорошего класса.

– Парни, которые делают пластик для молди, будут слушать Совет Наследников, кого им брать на работу? – изумился Ренди. – Это чушь какая-то.

– О нет, Ренди, не сомневайся, они нас послушаются, – уверенно отозвалась Дженни. – Мы предложим им тебя не напрямую, конечно. Как я уже говорила, у нас обширные связи, и многие люди нам очень обязаны. Мы вполне в силах устроить тебя туда на работу, Ренди, уверяю тебя. И зарплата тебя приятно удивит. Все, что мы хотим от тебя взамен, это чтобы каждый месяц ты звонил нам и рассказывал обо всем, что видел там интересного. И помни, *каждый день* ты будешь работать в окружении молди и имиполекса.

Дженни снова улыбнулась и опять заговорила с кентуккийским акцентом:

– Черт, Ренди Карл, да ты будешь счастлив, словно свинья на картофельной грядке!

– Вот дела! – наконец позволил себе воскликнуть Ренди. – Индия? Они там хоть говорят по-английски?

– Можешь не сомневаться! Тебе нужно только дать свое согласие, и эта работа твоя, Ренди Карл. Мы даже снимем там для тебя квартиру и купим билет на самолет.

– Согласен!

– Тогда завтра ты должен быть в аэропорту Луисвилля ровно в девять утра. Твой паспорт и билеты ты сможешь забрать у стойки «Гумана Эйрлайнз».

Побросав свои пожитки в пикап, Ренди попрощался с доктором Прайдом и поехал к Сью, чтобы рассказать той о своей новой работе. Была пятница, шесть часов вечера, и уже начинало смеркаться.

Дверь ему открыл Левис.

– Сью нет дома, – резко ответил он.

– Тогда я подожду ее, – сказал Ренди.

– Она не вернется до вечера субботы, – ответил Левис, накручивая на палец свою бороду. Лицо у него было перекошено от пеппа и дрожало от тика. – Она поехала в Индианаполис, чтобы повидаться с этой поганой лесбой Хони Вивер. Со своей старой подружкой. Пока Сью нет дома, тебе тоже тут делать нечего.

Левис попытался закрыть дверь, но Ренди вставил в щель ногу.

– Не смей закрывать передо мной дверь моего дома, гребаный сукин сын.

– Не повышай на меня голос, сынок, а то узнаешь, что такое настоящая боль, – мгновенно набрал обороты Левис. – У меня тут пушка под рукой. Какого черта тебе здесь вообще делать-то?

Левис выглянул в щель на стоящий перед домом груженный пикап Ренди.

– Только не говори мне, что ты собрался переехать обратно! На фиг ты нам нужен, вечный неудачник.

– Я переночую в гараже, как раньше, – коротко сказал Ренди. – А ты смотри не мешай мне спать.

Ренди съездил в закусочную и купил пару гамбургеров и шестибаночную упаковку виноградной газировки и со всем этим добром вернулся в гараж. В гараже все в основном осталось так, как было при нем; переезжая в «Святой Дом Наследников», он почти ничего с собой не забрал из вещей. Достав рюкзак, с которым он ходил в школу, Ренди начал разбирать свои вещи, откладывая то, что, по его мнению, могло пригодиться в Индии. Что за жизнь, черт возьми, ждет его там?

Упаковав рюкзак, Ренди перенес из своего пикапа водопроводный инструмент и уложил его рядом с инструментом Сью. Достав последним из пикапа свой личный сантехнический пистолет, он как раз его любовно осматривал, когда на пороге гаража появился Левис, обдолбанный пеппом до невозможности. В руке Левис держал древний кольт с пороховыми патронами, с которым еще, наверное, завоевывали Дикий Запад. Какой, однако, мудака.

– Я сказал, что тебе нечего делать в этом доме, Ренди, – сообщил с порога Левис с видом надсмотрщика с плантаций, указывая на выход из гаража. – Выметайся к чертовой матери.

Ренди стоял, испуганно потупившись. Всю жизнь он пугался, когда люди кричали на него; никогда он не решался взглянуть тому, кто орал на него, в глаза. Но сегодня, как только он почувствовал, что снова опустил глаза, он понял, что не желает больше этого делать. Он тронул джойстик сантехнического пистолета, и двухдюймовая труба начала расти из дула пистолета, извиваясь по полу словно белая змея, пока скрытая от глаз Левиса за пикапом.

– Я серьезно, – продолжал грозить Левис, шагнув внутрь гаража и взмахнув своим кольтом. – Давай уноси отсюда свой тощий зад, Ренди Карл Такер.

Говоря это, Левис продолжал теребить одной рукой свою бороду.

Ренди повернул трубу под прямым углом, чтобы та пробралась под пикапом и оказалась прямо под ногами у Левиса. Потом быстро обмотал трубой обе ноги Левиса. Тот пошатнулся, дикими глазами глянул вниз, но было уже поздно – из трубы стремительно выскочил отросток и ударил Левиса прямо в пах. Заорав от боли, Левис повалился как подкошенный, выронив свою пушку.

Пальцы Ренди плясали на джойстике сантехнического пистолета, и уже через мгновение Левис был связан трубой по рукам и ногам. Когда Левис в очередной раз открыл рот, чтобы заорать, Ренди ловко обернул петлю из трубы вокруг головы Левиса, плотно залепив тому рот, так что после этого Левис мог только стонать и сопеть.

– Как ты посмотришь на то, если я теперь вгоню тебе кусок трубы в зад, так чтобы он вышел у тебя из башки? – задумчиво спросил Левиса Ренди. – Нет, не хочется потом соскребать с пола твое дерьмо. Завтра я уезжаю. Я еду в Индию, Левис. Не в *Индиану*, приятель, а именно в *Индию*. Там все будет по-другому, так и знай. И жизнь там другая, и деньги я буду зарабатывать хорошие.

Ренди открыл багажник своего пикапа и достал оттуда пару холщовых ремней.

– Лежи тихо паинькой, Левис, если не хочешь отведать пластиковой клизмы.

Ренди прикатил тележку-подъемник и, взвалив на нее плененного Левиса, погрузил того в пикап, некрепко привязав там ремнями, на тот случай, если Левис вздумает поднять возню.

– Дышать-то хоть можешь? Может, мне пока выщипать у тебя бородавку? Да черт с ней, связываться не хочется. Ничего с тобой не стряется. Передай Сью привет, когда она вернется в субботу.

Ренди закрыл пикап, взял свой рюкзак, закрыл дверь гаража и провел отличный вечер в своем родном доме, как в старые времена, с порнухой по ювви и в компании с изрядно потрепанными Сэмми-Джо и Анжеликой.

Вышло так, что Индия Ренди здорово понравилась. Ему по душе был хаос и полная дезорганизованность, царящая на улицах города, – мусорщики, монахи, ярко одетые женщины с внимательными глазами, тощие босые мужчины в пластиковых рубашках, старики в белых куртках, бесноватые дикие святые, кольца в носу, глаза навывкате и оранжевые одежды, сотни

каст, разноцветие красок и разнообразие языков. Всегда и повсюду царила суматоха, но на самом деле никто и никуда не торопился. Всегда и у всех было время поговорить. Как оказалось, все без исключения хотя бы немного говорили по-английски – на идиосинкразическом наречии, смеси британского английского и санскрита – и всегда были рады возможности попрактиковаться с Ренди Карлом. Индийцы относились к Ренди с добротой и вниманием, а внимание и доброта было тем, чем он до сих пор был обделен.

Завод компании «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд» располагался в десяти милях от Бангалора. Вначале каждый день Ренди ездил на завод на поезде. Завод представлял собой огромное прямоугольное здание, без окон и тщательно охраняемое, с тем чтобы ни один молди не смог проникнуть внутрь и похитить бесценный для них имиполекс. В любое время снаружи вокруг здания находилось по меньшей мере десять – двенадцать молди, летающих или прыгающих, которых источник имиполекса привлекал так же неумолимо, как мед привлекает пчел. Прибыв в «Личинку Носорога...» в свой первый рабочий день, Ренди был поражен таким количеством молди, околачивающихся вокруг. Когда он шел от поезда до входа на завод, один из молди приблизился к нему.

– Привет, – обратился к нему молди, женоподобная фигура, облаченная во множество наручных и ножных браслетов, ожерелий, поясов и в золотую корону. – Меня зовут Парвати. Ты новенький?

Парвати подошла к нему очень близко. Ренди понял, что огромное количество драгоценностей на ней, все эти камни и золото, были не чем иным, как частью ее имиполексовой плоти.

– Да, мэм, – отозвался Ренди. – Я собираюсь поступить на работу водопроводчиком.

Он осторожно втянул в себя воздух, принюхиваясь к запаху, исходящему от молди, и нашел, что запах этот весьма приятен.

– Вы тоже здесь работаете?

– К сожалению, нет, – ответила Парвати. – А ведь там столько превосходного имиполекса. Как тебя зовут?

– Ренди Карл Такер. Я из Кентукки.

– Очень интересно. Ренди, очень скоро тебе объяснят, что служащим «Личинки Носорога» разрешено покупать имиполекс со склада компании. Имей это в виду и при возможности купи столько, сколько сможешь или считаешь нужным, потому что я с удовольствием куплю его у тебя или обменяю, как договоримся. Еда, деньги, возбудители или наркотики, интимные отношения, работа прислугой, перелеты, путешествия в джунгли, подводные путешествия в Арабском море – вот вкратце то, что ты сможешь себе позволить.

Голос Парвати звучал мягко, но убедительно и завораживающе.

– Служащие «Личинки Носорога» могут покупать имиполекс? – переспросил Ренди. – Это здорово. Мне нравится имиполекс. По правде говоря... – Ренди оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было, сошедшие вместе с ним с поезда служащие уже скрылись в дверях завода «Личинка Носорога». – По правде сказать, мне кажется, что я сырный шарик.

– Ты мне уже нравишься, Ренди, – проворковала Парвати, запечатлев душистый поцелуй у него на щеке. – Беги и наслаждайся своей новой работой, парень. Но не забудь в день зарплаты о Парвати! У нас будет чудесное свидание, горячее, как вулкан!

Внутри за дверями «Личинки Носорога» Ренди ждал пухлый мужчина с покрытой золотистым загаром кожей, в белых панталонах и грязноватой белой куртке с огромным количеством карманов, содержащих множество всякой всячины. На макушке мужчины сияла лысина, окруженная венчиком курчавых седых волос.

– Приветствую вас, мистер Такер, – поздоровался он, протягивая Ренди руку. – Меня зовут Нирадж Пондишери, я бригадир водопроводчиков и, как вскоре вас проинформируют в офисе, ваш будущий босс. Приветствую вас на территории «Личинки Императорского Жука-Носорога, Лтд».

– Премного вам благодарен, – ответил Ренди. – Я очень горд тем, что мне удалось попасть сюда.

Пондишери выглянул через стеклянную дверь наружу, туда, где еще стояла Парвати. Парвати вырастила несколько дополнительных рук, которые теперь извивались в священном танце.

– Это создание хочет вас очаровать, мистер Такер.

– Что? Может быть, – хмыкнул Ренди. – Она пригласила меня на свидание. Мне она кажется очень сексуальной. Надеюсь, что это...

– Нет, работникам завода не запрещено вступать в контакт с молди, мистер Такер. По сути дела, время от времени мы даже нанимаем молди для разных работ. Молди производят используемый нами чипоед. Однако молди, с которыми мы сотрудничаем, настоящие мастера своего дела, их немного, они весьма преуспевающи, богаты и считаются набобами среди себе подобных, в особенности по сравнению с этой кастой молди-попрошак, которые выпрашивают имиполекс у ворот завода. Как вы отнесетесь к тому, если я буду называть вас Ренди? Вы можете называть меня Нирадж.

– Без проблем, Нирадж!

– Договорились. Тогда поедem в офис и продолжим наш разговор на ходу.

Нирадж повел Ренди по длинному коридору, проходящему вдоль одной из внешних стен заводского здания. Стена справа, наружная, была совершенно непроницаема, в то время как через левую стену можно было увидеть внутренность завода. Находящиеся там работники были одеты в белые комбинезоны, белые башмаки, и лица их были скрыты белыми масками. Нирадж продолжал говорить на ходу, его речь лилась мерным мелодичным потоком.

– Да, эти уличные молди стремятся завести дружбу с работниками «Личинки Носорога», потому что именно наши работники могут принести им имиполекс. У многих из нас дома работает прислуга-молди. В молодые годы у меня был молди, который каждый день носил меня на работу, как огромная птица! Непередаваемое, дьявольское удовольствие. Но в конце концов такое удовольствие стало слишком обременительным для отца пятерых детей. И хлопот было также слишком много.

– Хлопот? – удивился Ренди. – Вы хотите сказать, что общаться с молди хлопотно? Почему это?

– Чуть позже я обязательно расскажу тебе о тех мерах предосторожности, которые ты должен предпринимать, если решишь установить связь с молди низшей касты, – сказал Нирадж, открывая массивную дверь в левой стене. В лица им пахнул ветерок, порожденный разницей в давлении. – Но пока это может подождать. Сейчас мы входим в отделение предварительного роста. Нам нужно переодеться, перед тем как мы войдем в главную часть завода, где помещение отличается повышенными требованиями к чистоте. Требования там очень высоки, одна частица пыли на кубический метр воздуха.

– Имиполекс такой чувствительный к загрязнениям?

– Имиполекс – это высокоструктурированный квазикристалл, – ответил Нирадж. – Во время производства слоев одно случайное вкрапление пылевой частицы может испортить всю последовательность корреляции Пенроуза, занимающую весьма продолжительное время. Кроме того, в зоне чистоты находится производство гибридных культур плесневого чипоеда, и заражение спорой дикого грибка или случайным семенем водоросли может оказаться непоправимым и испортить всю партию. Для примера сообщу тебе, Ренди, что в воздухе в поезде, на котором ты сюда сегодня приехал, содержится примерно один миллион частиц пыли на один кубический метр, и огромное число этих частиц биологически активно.

Дверь в зал предварительного роста затворилась за их спиной. Пол был покрыт липкой адгезивной субстанцией, с тем чтобы удалить пыль с их ног. Повторяя действия Нираджа, Ренди присел на скамью и натянул на свои ботинки одноразовые голубые чехлы.

– Привет-привет, Нирадж, – сказала им худошавая женщина с коричневой кожей, сидящая за стойкой. – Это и есть новичок мистер Такер?

– Это он. Ренди, познакомься, это Рупа. Рупа, это Ренди.

– Вот ваш рабочий комбинезон, обувь и идентификационная карточка, – сказала Ренди Рупа, выкладывая на стойку нечто напоминающее голубую пижаму с рукавами на резинках и пару белых туфель для боулинга. – Пожалуйста, приложите большой палец к этому датчику, Ренди, чтобы потом ваш шкафчик смог опознать вас. Номер вашего шкафчика 239.

В раздевалке, где стояли шкафчики работников, они стянули с себя уличную одежду и облачились в голубые рабочие комбинезоны и белые пластиковые туфли. Потом тщательно вымыли руки, надели волосяные сетки и защитные очки. После раздевалки находилась зона средней степени чистоты – не более чем десять тысяч частиц на кубический метр. Но уже здесь воздух показался Ренди гораздо чище всего, чем он до сих пор дышал; воздух, лишенный какого-либо запаха, с легкостью втекал в его легкие.

Они прошли через комнату отдыха, где несколько заводских рабочих ели свои специальные беспылевые ленчи, яблочный сок и йогурт или тому подобное. Потом они оказались во второй раздевалке, где следовало переодеться в еще более чистое. Они надели на руки латексные перчатки. Потом тщательно протерли защитные очки и идентификационные значки – протерли всё три раза подряд кусочками ткани без корпии, смоченными в специальном растворе алкоголя. Потом надели на головы белые капюшоны своих комбинезонов. Ренди надеялся, что костюмы на заводе будут из запрограммированного имиполекса, но, к сожалению, это был всего лишь бездумный пластик.

– Эти комбинезоны называют *костюмы Банни*, – сказал ему Нирадж, с добродушной физиономией прижав к щекам обе руки и проделав совершенно кроличьи жевательные движения. – А эти здоровенные галоши – *заводские башмаки*.

Они нацепили заводские башмаки поверх надетых ранее белых туфель для игры в боулинг. Потом натянули виниловые перчатки поверх латексных перчаток. Нирадж передал Ренди лицевую маску, снабженную особыми клапанами наподобие жабр, позволяющую беспрепятственно входить наружному воздуху при вдохе и пропускающую выдыхаемый воздух через специальный фильтр. Ощущение было такое, словно бы чистоте на этом заводе придают чрезмерное значение, словно бы здесь были одержимы чистотой. Но Ренди нравилась одержимость.

После окончательного переодевания Нирадж повел Ренди по выложенному плитками коридору с множеством крошечных сопел, через которые отсасывался из помещения воздух.

– Это воздушный душ, – объяснил Нирадж. – Пока проходишь этот коридор, полагается три раза повернуться вокруг себя. Обрати внимание, что пол здесь и везде на заводе выложен пористыми плитками. Под полом установлены пылесосы, а на потолке находится ряд вентиляторов. Весь воздух внутри завода меняется десять раз в минуту.

Медленно поворачиваясь под воздушным душем и давая возможность пылесосам в полу вобрать в себя последние частицы грязи с их одежды, Ренди вспомнил фразу из Библии: «Возрадовался я, когда сказали мне: Пойдем в дом Господень».

За воздушным душем находился храм сотворения молди. Свет был яркий и желтый; от этого создавалось ощущение пребывания в странном подземном мире. Потoki воздуха струились мимо Ренди от потолка к полу. Вокруг неспешно передвигались облаченные в белое фигуры; все казались на одно лицо из-за того, что были одеты совершенно одинаково. Занятие находящихся в помещении людей сводилось к перемещению светящихся изнутри порций имиполекса, кусков размером начиная с небольшую сосиску для завтрака и заканчивая гигантской болонской колбасой в четыре фута длиной.

Весь завод был размером, наверное, с большое футбольное поле, с потолком высотой пятнадцать футов, где по разветвленной системе монорельсовых трасс перемещались от одного контейнера к другому части имиполексовых порций в различной степени готовности.

Сам по себе сырой имиполекс вырабатывался в чередке камер, лабораторных автоклавов, вакуумных камер и дистилляторных колонн, с подключенными трубами подачи химических растворов, выходящими откуда-то из-под пола.

Работники узнавали идущего по залу Нираджа, которого сопровождал Ренди, и подходили, чтобы хлопнуть босса Ренди по плечу или шутливо ткнуть кулаком в живот – при этом они походили на рабочих муравьев, обменивающихся приветственными прикосновениями усиков во время ухода за своими личинками.

– Здесь у нас в ходу прикосновения друг к другу, – объяснил Нирадж. – Так принято. Наверное, мы потому используем язык жестов и прикосновений, что часто видеть лица друг друга невозможно. А может быть, потому, что все тут очень чистое.

Единственное загрязнение, которое Ренди ощущал в идеальной чистоте заводской атмосферы, было его собственное пропитанное мясным духом дыхание, постоянно колышущееся перед его дыхательной маской. Ему очень хотелось сорвать с лица защитную маску и полной грудью вдохнуть идеально чистый воздух завода. Но тогда он должен будет и выдохнуть тоже без маски, а заводу это явно не понравится – датчики немедленно определяют повышение количества частиц на кубический метр, и замигают сигналы предупреждения.

Они спустились на эскалаторе вниз, в *субзавод*, на уровень ниже основного уровня заводского помещения. Здесь находилось оборудование, поддерживающее процессы в аппаратах на основном уровне завода. Здесь имелись электрические генераторы, огромное количество трубопроводов, емкости с кислотой, системы фильтрации, вакуумные линии, оборудование слежения за количеством частиц в воздухе – мили проводов, труб и пучков толстых кабелей заполняли пространство этого огромного помещения со стенами из бетона. Это было то место, где Ренди предстояло работать, ремонтировать, собирать и налаживать систему трубопроводов завода.

Жилье, которое «наследники» подыскали для Ренди, находилось в новеньком чистом небоскребе прямо возле аэропорта Бангалора. Большая часть людей, проживающих в этом небоскребе, были рабочими и учеными неиндийских национальностей, приехавших работать по найму в различные высокотехнологические компании Бангалора. Прожив тут неделю в напряжении и полном одиночестве, Ренди решил переехать в центр города, в место, где можно было жить среди настоящей Индии, в сумрачную комнату в старинном каменном здании на склоне холма между полными разноцветия орхидей Садами Лалбах и вечно не умолкающим Ганди-базаром.

Поразительное разнообразие Индии подействовало на Ренди успокоительно. В аккуратном, но абсолютно скучном Луисвилле все были либо плохие, либо хорошие, богатые или бедные, черные или белые – на улицах же Бангалора можно было отыскать любое сочетание красок, физическое либо духовное, жизнь здесь все время неустанно менялась, перемешиваясь в своих богатейших переплетениях.

Дом, где себе нашел жилье Ренди, назывался «Типу Бхарат»; *Tiny* было имя древнего индийского принца, а *Бхарат* – индийское название страны, Индии. Стены «Типу Бхарат» были покрыты вырезанными «каменными» узорами, напоминающими бесконечные ожерелья, и украшены многими арочными нишами с небольшими яркими имиполексовыми статуями богов, самодвижущимися иконами, размахивающими своими маленькими ручками и, казалось, наблюдающими за прохожими. На крыше дома имелась открытая терраса, где обитатели «Типу Бхарат» могли сидеть и любоваться Восточным или Западным Чатом, далекими горными хребтами, окружающими высокогорное плато Бангалора.

Неподалеку от Ганди-базара находилась улица, которую облюбовали себе голые святые и блаженные, их называли здесь *садху*; днями и ночами садху сидели на улицах в специальных маленьких будках, в каждой из которых имелась небольшая горелка, одеяло, метелочка отгонять мух и коллекция блестящих разнообразных религиозных принадлежностей, изготовленных из имиполекса. Иногда один или другой садху устраивал представление: забивали заостренные колышки себе в голову, разжигали костер на улице и ходили по углям, высасывали кровь из шеи живого цыпленка или проделывали что-нибудь еще более фантастичное и отвратительное. По вечерам Ренди часто ходил на эту улицу, чтобы посмотреть представление.

– Эта молди, с которой ты разговаривал возле ворот завода, – спросил Ренди Нирадж в день его первой зарплаты, в среду. – Она называет себя Парвати?

– Ага, – ответил Ренди. – А ты ее знаешь?

– Нет, но я хорошо знаю эти украшения, которые она носит на теле, – это украшения богини, зовущейся Парвати, жены бога Шивы. В религии хинди жена Шивы занимает очень высокое положение; она имеет несколько имен и может принимать различные обличья. Одна из форм жены Шивы – это красавица Парвати, другое обличье – это черная Кали, наездница на львах, искусная точильщица ножей, предпочитающая украшать себя ожерельем из отрубленных человеческих голов. Риск, которому ты подвергаешь себя, вступая в интимную связь с Парвати, заключается в том, что в один прекрасный момент она может неожиданно превратиться в Кали и отрубить тебе голову. Все женщины, и моя жена тоже, одновременно являются и Парвати, и Кали, не говоря уже о том, что есть еще и Ума, и Дурга, но моя жена *человек*, и я могу не опасаться того, что однажды она действительно задумает отрубить мне голову. Ведь ты собрался сегодня купить со склада компании кусок имиполекса для Парвати, чтобы устроить с ней свидание и получить полное удовольствие, верно?

Ренди покраснел.

– Нирадж, это не ваше дело, черт возьми. Извините, но это на самом деле так.

– Я ни в коем случае не хочу отговаривать тебя, Ренди, просто хочу, чтобы ты знал: *Береги свою голову*. Некоторые молди начинают играть в игры, засовывают щупальца в голову людей через их нос и имплантируют в мозг дистанционные модули управления. Это называется *поставить мыслительный колпачок*. Ты никогда раньше об этом не слышал?

– Кажется, ничего такого я не слышал.

– Если ты собираешься общаться с молди и, возможно, заниматься с ними сексом, первым делом следует установить в носовой полости специальную защиту против проникновения щупалец. На складе компании имеется специально разработанный для этих целей самоустанавливающийся титанопластовый имплант. Пойдем со мной, я покажу тебе, что к чему, потому что хочу, чтобы мой молодой, горячий и охочий до добычи пес был подготовлен к свиданию по высшему классу.

Одна из сторон заводского склада была отведена под хранилище со стойками с роскошными разноцветными, напоминающими колбасы цилиндрами имиполекса. Выставленные здесь многие сотни образчиков имиполекса напомнили Ренди ярмарку фейерверков в Индиане; один за другим ряды восхитительных цилиндров, рассортированных по размерам и только ожидающих того, чтобы к их запальному шнуру поднесли огонь. Разноцветные узоры под поверхностью имиполекса были живыми и постоянно менялись в мерном ритме, словно олицетворяя собой полный покой малоразвитого сознания. Порции имиполекса были рассортированы по размерам на любой вкус, от сотни граммов до двух килограммов.

Ренди выбрал для себя пятисотграммовый кусок, тем более что это было едва ли не пределом того, что он сегодня мог позволить, не оставляя себя на голодном пайке. Нирадж показал Ренди, где находятся носовые блокираторы, и лично проследил за тем, чтобы Ренди приобрел также несколько небольших кусочков имиполекса, которые Нирадж назвал ДИМ-пиявками.

– ДИМ-пиявки в одно мгновение расстраивают программное обеспечение молди, – объяснил Нирадж. – Мы до сих пор еще не до конца понимаем, почему это происходит. ДИМ-пиявки были изобретены только в прошлом году Шри Рамануджаном, одним из лучших лимп-софт-инженеров «Личинки Носорога». Если у тебя есть с собой кусочек ДИМ-пиявки, то тебе ничего не стоит совладать с напавшим на тебя молди. Тебе очень повезло, Ренди, что у тебя есть возможность купить такую ДИМ-пиявку, потому что на сегодняшний день эти пиявки имеются только на складе «Личинки Носорога».

ДИМ-пиявка представляла собой маленький кусочек имиполекса, не больше сустава большого пальца, и не существовало двух совершенно одинаковых ДИМ-пиявок. Пиявки были самой разнообразной формы и напоминали живые объекты – больше всего похожие на летающие семена тропических деревьев или странствующих медуз, коллекцию которых можно найти на диком подветренном пляже.

ДИМ-пиявки были невероятно дорогие, одна пиявка стоила почти три месячных зарплаты Ренди: четверть его годового оклада! Ренди всячески пытался отказаться и не покупать пиявку, но Нирадж был неумолим; их с Ренди спор перешел в крики, которые привлекли внимание клерка в униформе, спокойно объяснившего Ренди, что от служащих «Личинки Императорского Жука-Носорога» требуется соблюдать специальные предосторожности в общении с молди и что собственную пиявку Ренди может приобрести в кредит.

Таким образом, Ренди оборудовался по высшему классу и в тот вечер отвел Парвати в свою комнату и преподнес ей пятисотграммовый кусок имиполекса. Порция имиполекса была два дюйма в диаметре и почти фут в длину. По окружности имиполекс был обведен разноцветными полосами, которые медленно сменяли одна другую, перемещаясь плавными, мерно повторяющимися волнами от одного конца порции имиполекса до другого.

– О, Ренди! – воскликнула Парвати, испуская густое облако спор. Она осторожно приняла дар из его рук. – Мой дорогой! Это так прекрасно. Пятьсот граммов! Я вберу его в себя сейчас же!

Парвати прижала имиполекс к своей груди, и порция имиполекса начала растекаться по ее телу, закручиваясь в спирали и заходясь облаками, словно сливки в кофе. Вначале порция имиполекса расширилась в основании, прижатом к груди Парвати, приобретя форму колокольчика, потом с обеих сторон колокольчика появились концентрические круги. Потом круги растеклись во все стороны и слились с плотью Парвати: ее выросшие в размере груди покрыла блестящая золотая с медным отливом филигрань с очень сложным узором, перевитая и самодвигающаяся.

– Тебе нравится, Ренди?

– Ты прекрасна, Парвати. Что ты скажешь на то, если теперь мы немного развлечемся?

Из-за носовых блокираторов Ренди с трудом слышал свой собственный голос. Парвати плавно подалась вперед, расстегнула брюки Ренди и увлекла его на кровать. Ренди был молод, и его возбуждение было так сильно, что он сумел получить три оргазма в течение двадцати минут – три сильнейших болезненных эякуляции.

Потом он некоторое время лежал на кровати, выжатый как лимон и довольный, глядя на темное небо. Одинокая яркая вечерняя звезда появилась в верхнем углу окна: Венера. Мягкое тело Парвати было рядом с ним, обтекало его, находилось частью под ним, частью на нем. Мягко и нежно она провела руками по его лицу, потом тихо погрузила в его нос щупальце и медленно толкнула щупальце вперед.

– Эй, что это ты делаешь? – воскликнул Ренди. – Не думай, что я ничего не знаю о мыслительном колпачке и к этому не подготовился!

Он рывком вскочил на ноги, охваченный неожиданным страхом. Выхватив из-под кровати ДИМ-пиявку, куда он ее предусмотрительно положил, Ренди выставил ее перед собой для защиты.

– Не приближайся ко мне, Парвати!

Молди медленно собрала свое растекшееся по кровати тело в более человекоподобную форму.

– Я просто решила помучить тебя, Ренди. Я и так знаю, что у тебя в носовой полости установлен блокиратор. Я сразу это поняла по изменившемуся звуку твоего голоса. А что это такое, у тебя в руке, ДИМ-пиявка? Я слышала о таких, но никогда раньше ни одной не видела. Значит, ты не доверяешь мне?

– Мой босс, Нирадж, сказал, что ты можешь попытаться установить мне в голову имплант, чтобы управлять мной.

– Если я буду знать, что ты станешь приносить мне имиполекс каждый день зарплаты, тогда зачем мне устанавливать что-то у тебя в голове? У меня нет необходимости управлять тобой. Я и так могу рассчитывать на твою помощь. Я ведь *могу рассчитывать на тебя*, Ренди?

– Ты можешь рассчитывать на меня, если будешь приходить ко мне не только в дни зарплаты, Парвати. Я не могу дожидаться тебя целый месяц и сучить все это время свой банан. Все мои старые имиполексовые игрушки сдохли от старости, превратились в полное дерьмо.

– Покажи-ка мне их.

Ренди достал Анжелику и Сэмми-Джо с самой нижней полки шкафа. От имиполексовых секс-игрушек пахло гнилью, цвет их покровов сменился на болотно-серый.

– Да! – вздохнула Парвати. – Они мертвы уже по крайней мере неделю, а то и целых десять дней. Не хотела бы я так кончить.

– Они нужны тебе? Можешь забирать.

– Зачем мне эта мертвечина. Они омерзительны. Выброси их или похорони. А лучше сожги.

– Тогда что мне останется для секса?

– Я буду приходить к тебе два раза в неделю, – мягко сказала ему Парвати. – Каждую субботу и скорее всего каждый четверг. Я буду твоей постоянной подружкой. Ты не против?

– Это был бы просто класс! Если ты с этого дня моя подружка, тогда почему бы нам не выйти и не прогуляться немного? Ты здесь все знаешь и могла бы мне кое-что объяснить – и может быть, сможешь купить тут новые секс-игрушки. Кроме того, мне здорово хочется есть.

И они отправились в вегетарианскую закусочную Мавали Тиффина, рядом с парком Сады Лахбага. Ренди выбрал столик у самого окна, потому что в компании Парвати запах представлял серьезную проблему. Однако присутствие молди, казалось, никого не беспокоило; конечно, другие посетители ресторана были немного удивлены новой парой, состоящей из Ренди – сырного шарика, в единственном числе, и Парвати молди-богини – однако подобная пара была очевидным доказательством передовых взглядов Бангалора и высокого уровня развития здешних технологий.

Поев блинов с начинкой из терпковатых кореньев желтого цвета, Ренди повел Парвати посмотреть садху. Вид появившейся на их улице Парвати привел садху в совершенное неистовство. Двое садху, набросав на улицу несколько колючих ветвей, принялись кататься по ним, пока все не покрылись кровью; другой садху просунул в канал своего пениса длинную соломину и принялся мерно погружать и доставать соломину, вверх и вниз. Еще один садху, взяв приличных размеров и довольно поношенную имиполексовую змею, сумел проглотить ее и после продолжительной работы мышцами живота в результате исторг змею из ануса. Парвати приветствовала собрание садху величественными жестами рук. Когда они остановились перед садху, Ренди обнял Парвати сзади за талию и прижался к ней лицом. Ощущение близости Парвати, ее движения и исходящий от нее запах были нектаром для него.

– Раньше я видел таких ребят, как эти садху, только на Главной ярмарке штата Кентукки, – сказал Парвати Ренди. – Мы называли их и «карнавальными уродами». Было время,

когда я мечтал стать таким уродом, когда вырасту. Эй, а теперь, может быть, ты покажешь мне место, где я могу купить новые имиполексовые секс-игрушки?

– Не трать свои деньги на *игрушки*, Ренди, – наставительно сказала ему Парвати, мягко толкнув задом его в пах, потом незаметно вырвав пару пальцев, чтобы тайно поласкать его. – Все лишние деньги, которые у тебя остаются, лучше отдавай мне. Если ты пообещаешь мне принести в следующую зарплату семьсот пятьдесят граммов имиполекса, вместо сегодняшних пятисот, мы сможем вернуться в твою комнату прямо сейчас. А потом я буду приходить к тебе и любить тебя *трижды* в неделю.

Когда они повернулись чтобы уйти, садху протянули к Парвати свои чашки для подаяния, вымаливая у нее *мокша*. Парвати протянула правую руку, и несколько вздутый двинулись от ее запястья к пальцам. Вскоре из кончиков ее пальцев появились и упали в чаши садху темные шарики, напоминающие мраморные. Садху набросились друг на друга, вступив из-за шариков в отчаянную схватку.

– Что это такое? – спросил Ренди.

– Это части грибницы чипоеда, имеющей научное название *склеротия*, но в Америке это называется *камот*, а в Индии *мокша*. Это вещество очень сильный психоделик, и садху весьма ценят его свойства.

К тому времени четыре шарика камота были пожраны четырьмя счастливыми садху, тут же на месте свалившимися в полной прострации у ног Парвати. Стараясь не наступать на распростертые руки и ноги, Парвати и Ренди вышли из переулка садху и направились обратно к «Типу Бхарат». Было уже довольно поздно, и нищие устраивались на ночлег на тротуарах и в переулках. Когда мимо них проехал на моноцикле мужчина в тюрбане, Парвати толкнула Ренди в темный дверной проем.

– Смотри, запомни этого человека и остерегайся его, – прошептала она. – Это *дакоит* – уличный грабитель, член банды.

Пока дакоит не исчез за углом, они стояли в тени темного подъезда, целуясь и лаская друг друга, но потом прямо с неба к ним свалился незнакомый молди и предстал перед ними. Незнакомый молди имел облик худощавого гибкого индийского мужчины, при этом у него имелись кожистые крылья, четыре руки и блестящая корона на голове вроде короны Парвати. Кроме того, мужчина отличался неописуемых размеров пенисом. Сложив вызывающе руки на новой, еще более разросшейся груди, Парвати с вызовом взглянула на пришельца. Незнакомый молди смотрел на Парвати, в раздражении молча оскалив рот и, очевидно, обрушивая на нее поток своей ярости путем неслышных радиоволн.

– Это не твое теперь дело! – наконец воскликнула Парвати. – Ты и так должен быть мне благодарен!

Незнакомый молди сильно толкнул Ренди в грудь, так что тот растянулся на полу, потом подпрыгнул в воздух, захлопал крыльями и улетел.

– Кто это был такой, ради бога? – спросил пораженный Ренди, поднимаясь на трясущиеся ноги. – Вид у ублюдка был довольно злой.

– Это мой муж, Шива Разрушитель. Как это ни смешно, но он, кажется, ревнует меня к тебе. Слово секс с человеком может для меня что-нибудь значить. Шива требовал, чтобы я сейчас же вернулась в наше гнездо, ну не наглец ли? Ничего, я еще научу его правилам хорошего тона.

Вернувшись в квартиру Ренди, они снова занялись сексом, но потом Парвати загрустила, словно ей надоело их занятие.

– Я собиралась остаться тут на всю ночь, Ренди, но пока что я не могу спать нигде, кроме своего гнезда, в котором чувствую себя в безопасности. Я не хочу уходить, но и остаться не решаюсь. Что же нам делать?

– Может быть, попробуем вместе трипануть? – спросил нерешительно Ренди. – Съедем чего-нибудь, например, ты дашь мне шарик-другой своего камота, а я установлю на тебя ДИМ-пиявку.

Ренди показал ДИМ-пиявку размером с почтовую марку, протянув ее Парвати на ладони.

– Интересная идея, – отозвалась Парвати. – Молди и человек вместе трипуют от психоделиков, каждый от своих. Ты очень симпатичный сырный шарик, Ренди Карл Такер, совсем не похож на остальных.

Несколько секунд Парвати рассматривала ДИМ-пиявку, которую протягивал ей Ренди.

– Вначале дай мне попробовать только минуту. Наложь на меня пиявку и засеки по своим часам минуту, потом сними с меня пиявку, и я скажу тебе, что я почувствовала. Хочу вначале попробовать, что это такое.

Ренди прижал пиявку к левому плечу Парвати, словно прививку от оспы. На ощупь ДИМ-пиявка казалась сухой и похожей на бумагу, но как только пиявка оказалась на Парвати, она сделалась более мягкой, распрямилась так, чтобы контакт был максимальный.

Тело Парвати зажглось, словно рождественская елка, при этом выросли ее руки, ног и головы мгновенно втянулись обратно в тело. Парвати упала на кровать Ренди, похожая на живую мандалу. После того как прошла минута, Ренди принялся отлеплять пиявку от тела Парвати. Самым сложным было отцепить краешек, но как только он сумел это сделать, остальное оказалось несложно. Тело Парвати постепенно приняло свою прежнюю форму, у нее снова появились руки, ноги и голова, выросшие медленно из мандалы.

– Господи благослови, – прошептала Парвати. – Это действительно нечто.

Парвати плавно повела рукой, и на ее ладони появились два шарика грибницы камота, один черный, другой голубой, словно жемчуг.

– Давай проглоти это, Ренди, и прилепи ко мне свою ДИМ-пиявку. У нас будет интересная ночь.

Ренди проглотил шарики камота. Камот хрустел на зубах, был сочный и горьковатый на вкус. Эффект воздействия он почувствовал мгновенно. Одеревеневшими пальцами он прилепил к плечу Парвати размягчившуюся ДИМ-пиявку и лег вместе с молди в кровать. Парвати обернула его своим телом, словно пульсирующим яйцом.

Камот отправил Ренди в классический трип волшебных видений – в конце пути он увидел Бога в виде струящегося со всех сторон вечного света. Эти потоки света узнали Ренди и заговорили с ним. «Я люблю тебя, Ренди, – сказал ему Бог. – Я всегда любил тебя и буду любить». Филигранно перевитые многомерные пучки труб, очень похожих на водопроводные, окружали Ренди, удивительным и волшебным образом разрастаясь и отходя от него все дальше и дальше, устремляясь сквозь белый свет к кому-то еще, к кому-то другому, маячащему в отдалении. К Парвати. «Ренди? – донесся до него ее голос. – Это ты? Значит, мы спим, и в нашем сне все равно вместе?» – «Да, мы видим один и тот же сон», – ответил Ренди. «Тогда давай полетаем», – сказала ему Парвати, и ее сущность пронеслась сквозь трубы, чтобы соединиться с Ренди, и уже очень скоро они вместе летели в небе, полным милых любовных образов, бесконечных образов невероятной сложности и красоты, вместе поющих бесконечные песни радости паре счастливых любовников.

Когда Ренди очнулся, они вместе с Парвати лежали на полу и вся его голова была покрыта тканями тела молди. Дышал он сквозь особые сопла, которые Парвати втиснула в его рот. В первый момент Ренди показалось, что Парвати напала на него, но потом, высвободив голову, он испугался того, что она мертва. Но как только он отлепил от ее тела ДИМ-пиявку, Парвати немедленно ожила и снова принялась собирать свое тело вместе, приобретая подобие человекообразной формы. В окно комнаты Ренди пробивалось жаркое утреннее солнце, с улицы доносились тысячи звуков – беспечные болтливые голоса, звонки велосипедов, крики торговцев, звуки индийского радио, приглушенный шелест подошв прохожих по мостовой – та муа-

ровая вибрирующая завеса звуков, трепещущая в воздухе подобно трехмерной ряби в потревоженном пруду.

– Вау, – вздохнула Парвати.

– Тебе понравилось?

– Да, это было прекрасно. Но сейчас уже утро, и я должна бежать. Шива наверняка снова устроит скандал. Послезавтра я снова приду навестить тебя.

3. Тре

Март 2049–30 октября 2053

У Тре Диеза были очень длинные перепутанные выгоревшие на солнце прямые волосы. У него были живые карие глаза, небольшой рот и квадратный, выступающий вперед подбородок. Роста в нем было шесть футов, и здоровье у него было преотличное, какое и должно быть у молодого человека в двадцать лет.

Тре был классическим представителем американской богемы. Подобно многим поколениям молодых людей до него, он, родившийся на просторах грубоватого Среднего Запада, позднее переехал на Западное побережье, в Калифорнию.

Мать Тре была учительницей, а отец коммивояжером. Он окончил школу в Дес-Мойнесе и, получив от «Дес-Мойнес Кивайнианс» стипендию, поступил в университет в Санта-Крузе. Пребывая в университете, Тре курил, нюхал споры, транскрипировался с Великим Фракталом, как и большинство друзей из его круга, – но в то же время Тре ухитрился получить хорошую подготовку по практике применения теории хаоса и пьезопластике. И еще прежде чем он успел сдать все необходимые экзамены на лимп-инженера, он получил заманчивое предложение от «Апекс Имеджес», от которого трудно было отказаться. Это произошло в один из дождливых и прохладных дней 2049 года.

У Тре как раз были каникулы в университете. Вместе со своими друзьями Банни Флогистоном и Анной Веа Тре снимал комнату в коттедже внизу у подножия университетского холма в самой веселой студенческой части Санта-Круза. Анна была высокой и очень сильной самоанкой, а Банни тощим маленьким евреем из Филадельфии. Все они втроем специализировались на лимпсофт-инженерии, и никто из них не водил с двумя другими шашни. Они просто жили все вместе.

Тре уже встречался со своей будущей женой Терри Перцесеп, хотя ни он, ни она еще даже представить не могли, что когда-то поженятся. Терри посещала курсы художественного мастерства, снимала комнату вместе со своей подружкой и каждое утро по несколько часов работала, продавая билеты на экскурсионный рыболовный катер, принадлежащий ее семье. Люди все еще увлекались рыбалкой, даже в 2049-м, при том что в ту пору велика была опасность наткнуться в океане на дикого водоплавающего молди и вступить с ним в опасные нечеловеческие отношения, чреватые даже гибелью. Для этой цели на каждом катере имелся огнетушитель, просто чтобы отбиться от молди при встрече с ним.

В тот день, который изменил судьбу Тре, его разбудил ювви. Тре спал на своем тонком матрасе, когда ювви мелодично чирикнул в его голове: «Тре, Тре, Тре...» Он спросонок схватил ювви, тот был размером не больше старинного телефонного аппарата, и приказал ему перейти в режим изображения. Ювви можно было использовать двумя способами: можно было приказать ювви воспроизвести голографическое изображение находящегося на другой стороне линии, или можно было, положив ювви себе на шею, общаться мысленно, путем прямой электромагнитной связи с мозгом.

В проекционном режиме специальный вибрирующий датчик ювви создавал в воздухе голографическое изображение, сопровождаемое воспроизведением голоса.

– Привет. Это Тре Диез?

В воздухе появилось изображение головки молодой блондинки, жительницы Калифорнии, не старше двадцати лет.

– Ага, – хрипло отозвался Тре. – Это я.

В окна колотился мелкий дождь, и порывы бриза налетали на тонкие стены дома. Сквозь незанавешенную щель на окне Тре мог видеть полоску океана. Вид у океана был холодный, цвет – серебристо-серый, о рифы разбивались высокие волны, в воздух летели брызги. Сегодня в полдень он договорился идти вместе с Терри кататься на серфе в заливчике для начинающих на Четырехмильном пляже; Терри обещала дать ему урок. Отвечая ювви, Тре от души надеялся, что это звонит Терри. Но это была не она.

– Отлично, – ответила голограмма смазливой блондинки. – Меня зовут Синтия Меджор. Я из отдела кадров компании «Апекс Имеджес», находящейся в Сан-Франциско. Тре, мой начальник просил меня передать тебе, что мы были просто потрясены последней версией твоего фильтра «Забавные цыплята».

Фильтр «Забавные цыплята» представлял собой программу, которая использовалась в ювви, с тем чтобы менять принимаемое изображение. По сути дела, фильтр частично являлся обыкновенным фильтром, но частично и подобием психоделического снадобья, смещающего вашу точку зрения на некоторый угол и придающий всем предметам вид необычный, однако не тем предметам, которые вы видите своими глазами, а тем, изображение которых передается вам через посредство ювви, которое вы надеваете на свою шею. Во времена Тре фильтры были видом нового программного искусства.

Тре закончил фильтр «Забавные цыплята» в феврале, в разработке программы ему помогали Банни, Анна, и, конечно же, они очень многое взяли из программной библиотеки Калифорнийского университета. Формально «Забавные цыплята» основывались на идее, что пространство может быть представлено в виде квазикристалла, имеющего форму неповторяющейся шахматной мозаики двух видов многогранных ячеек. Этот факт явился математическим результатом выкладок, произведенных еще в прошлом столетии и сыгравших очень важную роль в моделировании структуры имиполекса. Тре узнал о существовании и свойствах квазикристаллов во время курса «Структуры лимпсофта». Для визуального обозначения фильтра Тре переформировал пару базисных многогранников, придав одному образ тощего цыпленка, а другому – толстой птицы додо.

Теоретически фильтр «Забавные цыплята» мог являться одним из видов психоделика. Стоило только ввести фильтр в ювви и поместить ювви на шею, как все формы вокруг вас начинали принимать вид трехмерных «Забавных цыплят», или же, иными словами, предметов, имеющих сходство со смешными искаженными птицами, различными несимметричными образами, *клюющими друг друга*.

Тре начал писать фильтр для собственного развлечения, как нечто, чем можно было бы позабавиться, закинувшись психоделиком или подкурившись. Было очень забавно пройтись по пляжу или заглянуть в кофейню, когда к травке в твоей голове прибавляется еще и то, что способны устроить «Забавные цыплята».

В плане обработки изображения фильтр использовал новейшие достижения программирования. В отличие от программ обработки текста или статического видео фильтр представлял собой систему мгновенной интерпретации. Технология была разработана на основе программы, использующейся в развлекательном устройстве, называемом твист-бокс, очень популярном в начале тридцатых годов. Твист-боксы были официально признаны как метод ненаркотического изменения сознания, как «чисто программный психоделик». Подобно ювви-фильтрам, твист-боксы немного изменяли визуальный входной сигнал. Однако твист-боксы использовали в своей основе трехвариантную петлю с хаотической обратной связью Стаканова, в то время как фильтры были основаны на телеологическом дизайн-процессе, являющемся их неотъемлемой характеристикой. И кроме того, в середине двадцать первого века люди предпочитали использовать фильтры как *добавку* к наркотикам, а не как *заменители* наркотиков.

Реальная нейрологическая карта человеческого сознания, необходимая для составления программы, была слишком сложна для того, чтобы Тре мог запрограммировать ее самостоя-

тельно, точно так же, как для собаки было бы сверхсложно нарисовать автопортрет. Однако в распоряжении Тре имелся доступ к университетскому большому компьютеру, Ваду, – космогенному искусственному разуму-ампликатору, являющемуся *грексом*, или симбиотическим слиянием нескольких различных молди.

При помощи Вада многое оказывалось возможным, в особенности тогда, когда твоя собственная проблема казалась Ваду интересной. Поскольку пластиковый мерцпокров тел молди являлся квазикристаллическим имиполексом, Вад решил, что создание фильтра «Забавные цыплята», основанного на свойствах квазикристаллов, является отличной идеей, и выполнил для Тре всю работу по программированию особенно сложных блоков.

В результате этой работы в одно прекрасное утро Тре позвонила бизнесвумен из города.

– Я очень рад, что мой фильтр так вам понравился, – сказал Тре. – И вы решили позвонить мне, чтобы это сказать?

Синтия Меджор рассмеялась, словно бы услышала чрезвычайно наивную вещь.

– Конечно, не только за этим, Тре. Мы хотим подписать с тобой контракт. Ты что-нибудь слышал об «Апекс Имеджес»?

– Наверное, нет. Вы делаете рекламу?

– Мы тридцатое по объему контрактов рекламное агентство в мире. Мы делаем рекламу, музыкальные видео, голограммы, ювви-фильтры – мы занимаемся всем этим и многим другим.

– И вы хотите использовать «Забавных цыплят» для того, чтобы рекламировать вэнди и другое мясо?

Синтия Меджор язвительно рассмеялась:

– Отличная догадка! Именно для этого мы хотели бы купить «Забавных цыплят», для того чтобы рекламировать вэнди. Мы уже подписали контракт на разработку рекламы. Мы можем продавать также и специальные наборы ювви. Или устраивать пиар политикам. Да все что угодно! Самое главное то, что мы, «Апекс Имеджес», имеем права на большое количество отличных фильтров, которые мы можем использовать для совершенно различных целей.

– И вы хотите купить у меня права на «Забавных цыплят»?

– Не совсем так, Тре, на самом деле наш план несколько сложнее, и именно поэтому Ментор приказал позвонить тебе. Ты слышал когда-нибудь о компании, называющейся «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд»?

– Конечно, слышал, – ответил Тре. – Они изготавливают имиполекс. Расположены в Бангалоре, в Индии. И что такое с ними?

– Они хотят возбудить против тебя дело. «Личинка Носорога» обладает всеми правами на работы Роджера Пенроуза по квазикристаллам, и «Личинка Носорога» обвиняет тебя в том, что твой фильтр использует схемы Пенроуза, которые тот разработал в 1990-м, когда изобретал двухмерные головоломки, так же основанные на квазикристаллах и так же называющиеся «Забавные цыплята». Уверена, что ты слышишь об этом впервые?

– То, что это преследуется по закону, новость. Но, само собой, я знаю о работах Пенроуза. У нас рассказывали о нем на лекциях по структуре лимпсофта. «Личинка Императорского Жука-Носорога» хочет подать на меня в суд? Но зачем? Это же смешно. У меня ничего нет.

– На самом деле «Личинке Носорога» ничего от тебя не нужно. Но они очень хотят оказать влияние на твои действия, получить возможность использовать результаты твоего труда. Вот почему, прежде чем ты предпримешь дальнейшие необдуманные шаги, мы советуем тебе встретиться с Ментором «Апекс Имеджес». Ментор отлично осведомлен обо всех деталях готовящегося удара со стороны «Личинки Носорога». Если ты подпишешь договор с «Апексом...», то я уверена, что мы сможем смягчить последствия, и, Тре, мы сможем избавить тебя от хлопот, связанных с правовой стороной твоей деятельности, в дальнейшем. Тем более что в том, что касается дальнейшего, мы сможем предложить тебе очень неплохой гонорар.

Разговаривая со служащей «Апекс Имеджес», Тре ходил по комнате, отыскивая и надевая теплую одежду. Среди разрывов туч тут и там появлялось солнце, отчего океан в его лучах окрашивался в зеленый цвет. Теперешняя жизнь устраивала Тре как нельзя лучше. Представ перед возможностью перемен, он почувствовал, что его хорошее настроение быстро улетучивается.

– Я не очень понимаю, какого рода контракт вы предлагаете мне подписать.

– Мы предлагаем тебе подписать контракт на несколько твоих будущих работ, с которых получим проценты и права проката, а сами возьмем на себя поиск клиентуры, которая согласится твои работы использовать. Наш интерес включает в себя комиссионные, да, может быть, еще время от времени мы будем немного следить за тобой и подбадривать, когда понадобится ускорить или немного изменить процесс в соответствии с требованиями заказчика.

– Это сложно, черт возьми. То есть это здорово усложнит мне жизнь. Ведь я еще студент, как-никак, и я не собираюсь пока искать для себя постоянную работу. Мне нравится работать только над тем, что мне по приколу в данный момент. Я хочу курить на пляже травку и загорать круглые сутки. Я только-только начал учиться кататься на доске и хочу научиться кататься как следует.

Синтия заговорщически рассмеялась:

– Тре, вы с мистером Касабианом точно понравитесь друг другу. Он наш директор. Ты сможешь приехать на встречу в город на следующей неделе?

– Ну... кажется, во вторник у меня нет занятий.

Головка блондинки повернулась, чтобы переговорить с кем-то, скрытым краем ювви-экрана.

– А как насчет среды? – спросила его головка блондинки. – Ты сможешь приехать в среду? В одиннадцать?

– Хорошо, договорились, – отозвался Тре. – Кстати, о каких гонорах мы говорим?

Блондинка опять повернулась к невидимому за экраном, и неожиданно у Тре появилось подозрение в том, что Синтия всего лишь симми, программный симулятор человека. Блондинка снова повернулась к нему и назвала сумму в долларах, на порядок превышающую все то, что Тре мог вообразить в виде собственной зарплаты в отдаленном будущем.

– *Ччччerrrrrt!* – воскликнул он, подражая удивленной вороне, что в последнее время было свежей шуткой среди друзей и знакомых Тре. – Я приеду! Черрт возьми!

На следующей неделе в среду Тре сел в пригородный поезд до Сан-Франциско. Банни Флогистон отправился вместе с ним для моральной поддержки, а также для того, чтобы поглазеть на новое живое секс-шоу, о котором он слышал на Северном Пляже.

– Используется принцип наложения ювви-сигнала, – с энтузиазмом объяснил Банни по дороге в Сан-Франциско. – В зале находятся несколько настоящих мужчин и женщин, голых, и все с ювви, а также есть несколько ювви-дилдо. Ты приходишь в зал и берешь свое ювви, и после этого можешь тоже стать дилдо. Дилдо, который болтает с голыми девками.

– Отлично, просто отлично, Банни, – отзывался Тре, думающий о другом. – Я просто рад за тебя. Среди извращенцев ты бы наверняка занял первое место. Ты тот еще монстрила! Как ты думаешь, мне не следует теперь же закинуться, перед тем как я доберусь до места?

– Эй, Тре, возьми за правило никогда не закидываться перед важной встречей, – со знанием дела посоветовал Банни. – Под кайфом встречи всегда кажутся чересчур долгими и слишком уж важными. Иди туда такой, какой есть теперь, утри этим выскочкам нос, а потом мы с тобой как следует подкуримся. Может, «Апекс Имеджес» сразу же отвалит тебе монету, и тогда ты купишь нам пожрать и выпить в «Адлер Мезее» или даже в «Везуии»? Встретимся на площади Вашингтона в три тридцать, идет?

– Идет, брат Банни. Ты всегда говорил дело. Хорошо тебе поразвлечься со своими дилдо.

– Ты так ничего и не понял, брат Тре. В двух словах, это словно внутри одной иллюзии ты видишь другую иллюзию. Операторы дают тебе сигнал, что словно бы ты находишься в «Настоящем-По-Сравнению-С-Остальным» и работаешь дилдо. Но дилдо тоже не дурак, и дилдо считает, что на самом деле он актив. Короче, где правда, а где враки – ни за что не отличишь. Я с ума схожу, как хочу попробовать этот вариант животной похоти на основе реальной/компьютерной смеси ювви-сенса.

– Круто. Предложи им несколько копий «Забавных цыплят», если удастся. Может, в «Настоящем-По-Сравнению-С-Остальным» согласятся дать тебе попробовать что-нибудь бесплатно. Хотя бы дашь за сценой живой уборщице подрочить.

– Вот идиот.

Тре отыскал офис «Апекс Имеджес» в старом викторианском здании на параллельной улице, следующей выше Хай-стрит. Сильно накрашенная Синтия Меджор сидела во плоти и крови за стойкой в приемной. Как бы там ни было, Синтия оказалась настоящей девушкой без обмана.

– Тре! – воскликнула она мелодичным голосом. – Ты пришел! Я звоню мистеру Касабиану!

Приемная состояла из двух комнат, с мягкими коврами на полу. Темная деревянная лестница вела наверх на второй этаж. Окна были устроены в выступающих наружу нишах, в пространстве которых были развешены различные подтверждения прошлых заслуг «Апекс Имеджес». Имелись голографические дисплеи, передающие сигналы ювви. На одном дисплее красовался огромный кусок СЪЕШЬ МЕНЯ мяса вэнди, с настоящей головой Вэнди Муни на переднем плане, стоящей на огромной булочке для гамбургера, повернувшись задом, так, что большая часть аппетитных ягодичек выставлена на обозрение. Плащ Счастья Вэнди был обернут вокруг ее плеч наподобие куртки болеро. Даже в свои пятьдесят Вэнди была еще очень привлекательной женщиной. Сама реклама была организована в стиле трансреального изображения классической картины великого художника «кустомской культуры» Роберта Вильямса – как потом оказалось, «Апекс Имеджес» специально выкупил лицензию на стиль Роберта Вильямса у его наследников. На втором дисплее красовалось смешное облачко крылатого глазного яблока Ван Дюка, фирменного знака ОСЦС, самого главного провайдера ювви-сервисов. На третьем дисплее трепетала огромная капля воды, переливающаяся всеми цветами радуги, отбрасывая зайчики, словно бы от потока света, падающего из окна; это была реклама фестиваля Большой Кайф, прошедшего летом в этом году в парке Золотые Ворота.

– Тре, – подал голос мужчина, спускающийся по лестнице в приемную. – Меня зовут Дик Касабиан.

Мистер Касабиан был темноволосым человеком с синевой щетины на подбородке и живыми карими глазами. Во всем его облике и фигуре читалась какая-то мрачность. Мистер Касабиан являл собой образ законченной степени уныния.

– Давайте пройдем в мой кабинет.

Из окна кабинета Касабиана открывался милый вид на центр Сан-Франциско и часть бухты. Касабиан предложил Тре бокал суперсодовой, и Тре не отказался.

– Итак, ваш фильтр «Забавные цыплята», – сказал Касабиан, надевая на шею ювви. – Лично мне фильтр очень понравился, хотя, откровенно говоря, я так и не понял до конца происходящего. Можем мы просмотреть все еще раз вместе?

– Конечно, – отозвался Тре, устраивая предложенный ювви на шее в районе затылка. Ранние модели ювви, например Плащ Счастья тридцатых годов, для установления контакта с нервной системой пользователя протыкали его кожу и вводили в тело датчики, тогда как сегодняшние ювви использовали компактное сверхпроводящее электромагнитное поле. Благодаря этому не существовало никакой опасности инфекционного заражения при использовании чужого ювви.

Включив свои ювви, Касабиан и Тре установили прямую ментальную связь. Они могли общаться не раскрывая рта, и каждый видел то, что в данный момент видел другой. Это была высшая и наиболее полная форма двухстороннего общения. Полностью читать мысли другого человека было невозможно, но можно было с легкостью уловить речевую или зрительную информацию, которой другой человек хотел с вами поделиться.

Тре заметил, что, кроме него, Касабиан был подключен еще к кому-то другому. К кому?

– А, это, – пожал плечами Касабиан. – Это Ментор, он тоже хотел нас послушать. Если мы решим принять вас на работу, я обязательно вас ему представлю. Но пока что он хотел бы остаться в тени. Ментору не хотелось бы, чтобы его участие в «Апекс» стало широко известно за пределами компании.

– Хорошо, – кивнул Тре.

– Тогда загрузим «Цыплят», – предложил Касабиан.

Для того чтобы это случилось, достаточно было словесного приказа. Пространство комнаты закачалось, набухло и превратилось в желеподобное смешение мозаично соединенных комических цыплят и додо. Для Тре голова Касабиана превратилась в перевернутого додо, клюющего переплетенный между собой выводок из пяти цыплят, составляющих его грудь. И тем не менее, хотя это казалось невозможным, Касабиан продолжал выглядеть самим собой. Напротив, для Касабиана Тре превратился в пару цыплят, клюющих трех птиц додо.

– Вот о чем я хотел спросить, – подал голос Касабиан. – Почему вы не сделали так, чтобы наши образы были похожими друг на друга? Ведь, по сути дела, наши тела практически не отличаются и очень похожи друг на друга. В этом есть какой-то ключевой смысл?

– Причина заключается в том, что узор той части комнаты, где находитесь вы, должен совпадать с узором вашего тела и с тем, что в данный момент представляю собой я и окружающее меня пространство, – объяснил Тре. – Это мозаичное представление пространства, деление пространства на взаимоподобные фрагменты. И поскольку мозаичное деление основывается на свойствах квазикристаллов, то основной тенденцией становится неповторяемость.

– Что ж, весьма логично, – кивнул Касабиан. – Но если я, скажем, захочу начать с того, чтобы мой стол превратился в фигуру из шести додо, то смогу я это сделать?

– Да, конечно, – согласился Тре. – Тем более что именно для этого в программе есть специальная скрытая опция. Я сейчас вам покажу, как это делается.

– Отлично, – ответил Касабиан, – потому что, если мы планируем использовать фильтр в рекламных целях, клиент может выставить свои требования к тому, каким образом, по его мнению, должна быть изображена его продукция – а кроме того, окружающее также должно органично вписываться в мозаику.

– И что вы предполагаете рекламировать при помощи этого фильтра? Имиполекс от «Личинки Носорога»?

– Нет, нет. Нашей первой рекламой станет мясо вэнди – о чем вы совершенно правильно предположили в своем разговоре с Синтией. «Личинка Носорога» тоже очень хочет получить исходник вашего фильтра, но им он нужен не для того, чтобы создавать рекламу. Один из лимпсофт-инженеров «Носорога» хочет получить фильтр и использовать его в процессе дизайна квазикристаллов. Если мы сумеем продать им свою лицензию, то вместо заявления об иске им придется прислать нам кучу баксов.

– Вау, – вздохнул Тре. – Я и не думал, что то, что я сделал, так круто. Может быть, мне есть смысл наняться на работу в «Личинку Носорога», а не к вам?

– Не делайте этого, – быстро подал голос Касабиан. – Вам придется переехать в Индию. К тому же я знаю, что программист «Личинки Носорога», который хочет использовать ваш фильтр, никогда не позволит им нанять вас. Это Шри Рамануджан. Он работает в большой тайне и никогда не согласится иметь рядом с собой помощника, который способен понять

процесс. *Не вы* нужны ему, Тре, а ваш фильтр. А также любые другие необычные мозаичные программы, которые вы сумеете разработать.

– Значит, вам я нужен в качестве художника, а не в качестве программиста или инженера? – задумчиво проговорил Тре. – Хотя на самом деле тут нет ничего странного. Все нормально, а с теми специальностями, которым я обучался...

– У вас большой креативный талант, – настойчиво повторил Касабиан. – Вы обязательно должны его использовать.

Они еще немного поработали с «Цыплятами», потом Касабиан прокрутил для Тре несколько роликов, выпущенных «Апексом», после чего они сняли свои ювви.

– Ваш «Апекс» выпускает крутые штуки, – похвалил Тре. – Эти ролики очень красивые.

– Благодарю, – кивнул Касабиан. – Итак, Ментор хотел бы знать: вы хотите работать у нас, Тре?

– Делать рекламу мяса вэнди – работенка для ламеров, но если речь идет о том, чтобы изобретать новые фильтры и помогать «Личинке Носорога», то мне это нравится.

– А вы сами когда-нибудь пробовали мясо вэнди? – спросил Касабиан. – Нет? Можете себе представить – я тоже никогда вэнди не пробовал. Но здесь все дело в настойчивости рекламы, так я считаю.

– Но мне не нужно будет физически приходить сюда в офис каждый день, верно?

– Господи, конечно нет. Ни один наш сотрудник не приходит сюда ежедневно, за исключением Синтии и меня. «Апекс» будет выплачивать вам зарплату, а кроме того, комиссионные за каждый новый фильтр и любую другую работу, которую вы произведете. У вас останутся авторские права, но мы хотели бы получить эксклюзивное право первого пользователя. Время от времени мы можем попросить вас выполнить ту или иную работу на заказ. Например, изменить фильтр так или иначе, для придания ему вида, необходимого в рекламе.

Они обсудили остальные детали, потом подписали бумаги.

– Отлично, – сказал Тре. – Теперь скажите мне, кто такой этот Ментор?

– Стэн Муни, – ответил Касабиан.

– Экс-сенатор Стэн?

– Именно он. Стэн владелец «Апекса», а кроме того, он и его жена владеют большей частью «Мяса Вэнди» и «М. В. Биолоджикалс». Когда Стэна не переизбрали в сенат, и он ушел – он ушел не с пустыми карманами! Наденьте снова свой ювви, Стэн хочет поговорить с вами.

Тре увидел перед собой довольно усталого вида мужчину лет пятидесяти. Мужчина находился в большой комнате со стенами, обшитыми деревянными панелями, в просторном, сложенном из огромных камней камине трещал огонь: языки пламени были сделаны при помощи фильтра «Забавные цыплята». Губы мужчины растянулись в широкой лукавой улыбке, так хорошо знакомой Тре по многим документальным фильмам о жизни Стэна Муни, которые он видел неоднократно.

– Привет, Стэн, – поздоровался Тре. – Я рад, что смог познакомиться с тобой.

– Я тоже очень рад, – отозвался Стэн. – Этот твой фильтр, «Забавные цыплята», самая крутая штука, которую мне только приходилось видеть в жизни. Настоящее компьютерное вставлялово. Как насчет травки, Тре, уважаешь?

– Не без этого, – отозвался Тре.

– Отлично, – довольно воскликнул Стэн. – Я слушал ваш разговор с Касабианом о том, что мы можем продать «Цыплят» не только для рекламы.

– Да, точно, – поддакнул Тре. – Еще и для лимпсофт-инженерии.

– Это круто. – Стэн сухо хихикнул. Видимо, его физическая форма оставляла желать лучшего. – Шри Рамануджан из «Личинки Носорога» пытается изобрести новый способ сбlijения молди и людей. Он не раскрывает нам детали своей работы, но то, чем он занимается, мне кажется хорошим делом, в рамках того, как я сам понимаю жизнь. В итоге люди и молди

должны стать одним и тем же. Как, например, Вэнди и ее Плащ Счастья. Шри Рамануджан сказал, что твой фильтр, Тре, эти «Забавные цыплята», будет именно тем, что ему нужно для завершения очередной стадии его проекта, если только ты сумеешь сделать свой фильтр *четырёхмерным!* Что скажешь на это, Тре?

– Думаю, что это возможно, – ответил Тре после минутного размышления. – Для того чтобы соответствовать нашему пространству, фильтр, по сути дела, должен быть *трехмерной* проекцией четырехмерной мозаики. Так сказать, трехмерной тенью. Мне известна обобщенная призма Шмидта-Конвея, при помощи которой можно аperiodически наслаивать все измерения кратности 3. Но четвертое и пятое измерение? Наверное, Конвей также что-то написал о четырех и пятимерных аperiodических мозаиках. Мне нужно посмотреть книги.

– Отлично! Тогда добро пожаловать на борт, доктор Диез!

После еще одной-двух формальных фраз Стэн Муни отключился.

Как только факт подписания контракта Тре оказался свершившимся, Касабиан немедленно стал слишком занятым и пообедать с Тре уже не смог, немало того разочаровав. Тре не оставалось ничего другого, как прогуляться к Колумбус-стрит, чтобы разыскать Банни в «Настоящее-По-Сравнению-С-Остальным». У заведения был кричащий фасад с грубо запрограммированной голограммой. Перед передней дверью слонялись несколько городских молди, без какой-то особой видимой цели, на мостовой стоял зазывала, приглашающий людей с улицы зайти внутрь.

– Весело и круто! – крикнул Тре негр, заметив, что тот рассматривает вывеску. – Узнай, что такое настоящее по сравнению с остальным. Заходи и оцени, брат.

– Я ищу здесь друга.

– Мы все ищем себе друзей. Там внутри полно для тебя друзей.

– А зайти и посмотреть бесплатно можно?

– Зайди и посмотри, и если через две минуты тебе не понравится, то это за наш счет.

Густав! Покажи нашему другу шоу!

Один из молди, быстро складываясь вдвое и распрямляясь, пополз вперед. Молди имел вид червя-шагомерки, оранжевого цвета с пурпурными пятнами.

– Вам нужно ювви, сэр?

– Пока нет, – ответил Тре. – Пока я хочу видеть это своими глазами.

Вслед за молди Густавом Тре прошел под занавесью, закрывающей вход в Настоящее.

Внутри пульсировала музыка и было душно от скученности многочисленных тел. Большая часть помещения была погружена в темноту, но главная сцена была освещена частыми вспышками стробоскопов, в мигании которых извивались молди, отдельные куски имиполекса и голые люди с ювви на шее, одним из которых был Банни Флогистон, стоящий на четвереньках с ювви на шее и каменной эрекцией, с вытаращенными глазами и здоровенным имиполексовым дилдо, ритмично обрабатывающим его зад.

– Эй, Банни! – крикнул Тре. – Ты хоть знаешь, чем ты занимаешься?

Голова Банни неуверенно повернулась в направлении Тре. Глаза Банни были совершенно пустыми, как у человека, целиком погруженного в мир сознания, передаваемого в данный момент ювви и полностью покинувшего окружающий мир.

– Банни! Ты уверен, что получаешь именно то, что хочешь?

Дилдо воспользовался этим мгновением, чтобы вырваться из Банни и прыжками убраться прочь. Банни уже пришел в себя и поднялся на ноги, его стояк на глазах размягчался. Разыскав свою одежду на одном из сидений в зале, Банни вышел вслед за Тре на улицу. Они торопливо прошли до начала квартала.

– Чушь какая-то, – сказал наконец Банни, красный до ушей. – Неужели это все на самом деле происходило?

– А что *видел* ты?

– Ко мне пришла такая большая женщина, необыкновенно сексуальная, такого, знаешь, доминирующего типа. Прямо со сцены мы пошли с ней в ее будуар, где она раздела меня и приказала быть ее сексуальным рабом. Она хотела, чтобы я... чтобы я...

– Позволил ей оттрахать себя резиновым дилдо. Не нужно стесняться, Бан. Это обычная мужская фантазия, такие уж мы жалкие и ничтожные твари...

– Да, именно так мне все и виделось. Вот только...

– Вот только никакой женщины рядом с этим дилдо не было, – со смешком продолжил Тре. – И никакого будуара не было, ты так и стоял на сцене во всей красе!

– Тре, если ты кому-нибудь об этом расскажешь...

– А что рассказывать? Да и кому это будет интересно?

– Прекрати, пожалуйста, Тре.

– Хорошо, брат. Но тогда ты мне должен.

– Хорошо, должен.

Банни злобно оглянулся на молды, продолжающих извиваться перед входом в Настоящее.

– Мерзкие уроды. Ненавижу молды.

– Ну, про них не скажешь, что они лучшие друзья человека, – согласился Тре. – Но без молды у нас не было бы ни ДИМов, ни ювви, ни Вада, ни курсов по лимпсофт-инженерии и никакой новой работы для меня.

– Так тебя взяли на работу?

– А ты сомневался, малыш! Работенка крутая, интересная, и платят хорошо.

– Тогда с тебя угощение. Купи мне выпивку и еду.

– Заметано, – кивнул Тре. – И давай прибавим ходу. Ты же не хочешь, чтобы тот, кто управлял этим дилдо, вышел из этого борделя, чтобы повидаться с тобой лицом к лицу?

– Точно, – кивнул Банни, и они отправились к Северному Пляжу, чтобы провести отличный день в полноте сил юной жизни.

Получив на руки первую зарплату в «Апексе», Тре пустил учебу побоку. Зачем ему ломаться и получать степень, чтобы его приняли на работу, которую он уже и так имеет? Весной он почти не ходил на занятия, и когда он не приехал домой в Дес-Мойнес, родители прекратили присылать ему деньги на жительство. Все лето и начало осени Тре возился с четырехмерными «Забавными цыплятами», пытаясь запустить и отладить программу, но безуспешно. Проблема оказалась довольно серьезной. Предстояло провести много испытаний и многое обдумать. «Апекс» продолжал платить ему деньги, время от времени подкидывая работу с рекламой, в основном отладку. Инструкции ему обычно давал Касабиан.

Ко Дню Благодарения 2049-го, когда не осталось больше никаких других обязательств, Тре понял, что наступило самое время жениться на Терри Перцесеп. Терри и Тре стали менеджерами мотеля «Чистый Свет и Террасный Дворик» и управляли им теперь от имени овдовевшей матери Терри, Элис.

После смерти своего мужа, Дома, Элис добавила к названию мотеля слова *Чистый Свет*, а прежде он назывался просто «Террасный Дворик». «Чистый Свет» было названием традиционного калифорнийского философского течения новой эры: религиозное освобождение на лоне природы смешанное с серфингом, солнцем, самыми модными на текущий момент наркотиками и объединенной компьютерной системой всего мира.

«Террасный Дворик» никогда не был местом сосредоточия сторонников Чистого Света – по сути дела, добавка «Чистый Свет» к названию было не что иное, как блажь. В мотеле продолжали селиться все те же скучные туристы со Среднего Запада. Но как бы там ни было, в качестве менеджеров Тре и Терри могли жить бесплатно в маленьком домике позади мотеля, что снимало с повестки дня серьезную проблему оплаты жилья, которая в принципе должна была стоять перед Тре.

Занимаясь улучшением текущей версии «Забавных цыплят» и выполняя небольшие заказы по наладке программ для «Апекса», Тре, кроме того, помогал Терри с уборкой мотеля. Каждый день им казалось, что они все больше и больше влюбляются друг в друга. Прежде чем они успели осознать это до конца, на свет появились два ребенка: сначала сын, Дольф, 23 сентября 2049-го, и потом дочь, Бэби Врен, 26 июня 2052-го.

К одному Тре всегда относился одинаково, будь он под кайфом или нет, – к детям. Тре обожал детей. Он очень любил возиться с детьми, наблюдать, как они бегают по дому, играют и занимаются своими делами.

– Определенно двуногое существо, – говорил он, наблюдая за тем, как Бэби Врен топает по комнатам, упрямо размахивая в воздухе стиснутыми кулачками. Бэби Врен была еще совсем малышкой, и если Тре опускал руку вниз, то до шелковистой макушки стоящей Врен все еще оставалось два или три дюйма. Врен была самым маленьким стоящим человечком из всех известных Тре. Дольф был сметливым и любознательным пареньком, обожающим задавать отцу вопросы, наподобие: «А если начнется наводнение, поплывет ли наш дом?» или «Если у нас больше не будет еды, то за сколько дней мы съедим то, что есть сейчас на кухне?» Маленький Дольф был твердо настроен выжить во что бы то ни стало.

Весной 2053 года Стэн Муни позвонил по ювви Тре. Сенатор Стэн был здорово под кайфом, и в голове у него явно все было перепутано.

– Я у-уже за-затрахался ждать, к-когда ты наконец за-за-закончишь ч-ч-ч... черт... четырехмерных «Забавных цыплят», Т-тре, – еле выговорил Стэн. – Ты – п-последний неудачник. Стэн был на сильнейшем взводе и настроен очень агрессивно и враждебно.

– Я только что спросил К-к-асабиана, почему он еще не уволил тебя к чертовой м-матери.

– Поцелуй меня в зад, – ответил Тре и трясущимися руками отключил ювви.

На следующее утро, очень рано, Стэн Муни позвонил снова.

– Извини за вчерашнее, – сказал он. – Я опять облажался. Ты, наверное, знаешь мои знаменитые проблемы с разными веществами. Короче, я снова подсел. Во мне снова заговорил старый Торчок Муни. Твои работы просто высший класс, Тре, и «Апекс» никогда не отпустит тебя.

– Рад это слышать. Извини, Стэн, но я никак не разберусь с этой новой четырехмерной разработкой «Забавных цыплят». Я нашел старые записи Джона Хортона Конвея по четырехмерным и пятимерным аperiodическим монолитам, но документы сохранились не в лучшем виде. Нашему университетскому Ваду в конце концов удалось раскопать конструкции в архивах электронной почты Конвея. Но превратить мозаики Конвея в красивые трехмерные проекции оказалось слишком сложно – до сих пор я не смог этого сделать даже при помощи университета Вада. Я не прекращаю попытки что-нибудь сделать с этой мозаикой.

– Знаешь, Тре, «Личинка Носорога» снова звонила мне и предлагала серьезные деньги за работу, поэтому я снова решил позвонить тебе. Это будет настоящий прорыв в нашем бизнесе. Но Рамануджан срочно требует четырехмерных «Цыплят», прямо сейчас вынь да положи, и «Личинка Носорога» готова заплатить любые деньги за готовое решение. Сам Рамануджан не может ничего сделать, и почему-то он твердо уверен, что ты именно тот человек, кто добьется правильного решения. Они посмотрели твои последние работы по редактированию программ, и то, как ты это сделал, придало им уверенности, что Тре Дизел именно тот, кто все для них сделает.

– Что ж, приятно это слышать, но все равно...

– Кроме того, лунные молды проявляют большой интерес к твоей работе. Мой старый приятель Вилли Тейз, он звонил мне недавно и говорил об этом. Вилли Тейз поселился в Гнезде лунных молды пару лет назад. Он что-то говорил о том, что хочет такую программу, которая сможет виртуально настроить «Забавных цыплят» на любое количество измерений, на любое *эн*.

Стэн неуверенно откашлялся.

– Типа, чтобы любой мог настроить «Забавных цыплят» на пять, шесть, семь и... так далее измерений – ты понимаешь, о чем речь? Ты ведь говорил о чем-то типа общего решения, когда мы нанимали тебя?

– Да, бипризма Шмидта-Конвея работает для любого *эн*, кратного трем. Для трех-, шести-, девятимерного пространства, ну и так далее. Как только мы получим четыре и пять, мы сможем получить все остальные измерения посредством декартового кросс-преобразования. Измерения суммируются в процессе кросс-преобразования. Например, семь получается в результате три плюс четыре, восемь – три плюс пять. Но нужно иметь в виду, что призма Конвея *уродлива*. Результат имеет вид вафли или фабричной крыши. Ничего похожего на тот гладкий визуальный результат, который мы имеем с трехмерными «Забавными цыплятами», совсем другое...

– Пожалуйста, прошу тебя, постарайся, Тре. У меня есть для тебя кое-что, что можно скачать... Быть может, это тебе поможет. Это тоже фильтр, его прислал мне Вилли Тейз. Посмотри, а я пока отключаюсь. Пора мне с утра освежиться.

– Эй, подожди, – крикнул Тре. – Скажи, для чего «Личинке Носорога» и лунным молди понадобились эн-мерные «Забавные цыплята»?

– Они отказались мне говорить, для чего именно. Предположительно, «Забавные цыплята» нужны им для лучшего общения между молди и людьми. Сам я всегда поддерживал попытки совмещать несовместимое.

Стэн улыбнулся, прижал к бицепсу пневматический шприц и хлопнул себе инъекцию. После чего связь прервалась.

Лунный фильтр, называющийся «УзеЛоК», генерировал без звука изображение, состоящее из гладко перевитых и ярко окрашенных трубочек, пытающихся связаться в эн-мерные узелки. После того как очередная попытка достигала установленной степени сложности, «УзеЛоК» делал паузу, и все начиналось снова с нового узла. Узел начинался с прямого отрезка со стрелками на нем, после чего стрелки начинали двигаться по кругу, а отрезок вращался самым непредсказуемым образом, завязываясь в узел. Картинки, казалось, скрывали за собой какой-то настойчивый смысл, который тем не менее ускользал от Тре.

«Ты только посмотри вот на это, – словно бы говорил ему «УзеЛоК». – Вот это – очень важно. Это одна из тайн, до сих пор скрытых от остального мира».

Деформация узелков была просто оскорбительно медленной и точной, но все равно суть происходящего продолжала ускользать от Тре. «Смотри внимательней, и ты все поймешь».

И наконец в июле наступил прорыв – Тре все-таки удалось запустить и отладить четырехмерных «Забавных цыплят».

Уборка мотеля и уход за детьми казался им теперь делом слишком обременительным и грубым, и как только Тре получил от «Апекс Имеджес» аванс за четырехмерных «Забавных цыплят», он и Терри наняли на службу молди. До тех пор им приходилось обращаться с поручениями, а лучше сказать мучиться, к доброй и соображалистой средних лет женщине по имени Молли, которая досталась им по указанию мамы Терри вместе с вступлением в должность в мотеле. Благодаря происшедшим лингвистическим изменениям и искажениям языка, «соображалистая» на языке Тре и Терри обозначало то же самое, что означало *туповатая*, *недоразвитая* или даже *убогая* на языке людей шестьдесят или сто лет назад. Тре и Терри пришлось немало помучиться, пока они не нашли удобоваримый способ отучить Молли извонить и донимать постояльцев вопросами о том, какую еду она *моуцит*, потому что это тема была излюбленной у Молли. Она любила устрицы, но только не моллюсков, спрутов, но только не кальмаров, спагетти, но только не макароны, и так далее и тому подобное. Идиотизм таинственно зашифрованной шарады заключался в том, что Молли любила любую еду, в названии которой не содержалось буквы *м*, – Терри догадалась об этом первой. Они так и не смогли

понять, сознательно ли поступала Молли, или нет; они пытались спрашивать ее об этом, но она только смеялась в ответ и говорила, что не знает правильного *написания* слов.

Как только у них появился молди для уборки комнат, Терри и Тре передали Молли обязанности няньки. Молли работала на семью Перцесепов столько лет, что даже речи не могло быть о том, чтобы уволить ее. Нянькой Молли оказалась хорошей, Дольф и Бэби Врен любили ее так же сильно, как ненавидели Монику. Подобно большинству детей, они инстинктивно боялись молди, с их странными инопланетными движениями и резким запахом.

Ренди Карл Такер появился в мотеле «Чистый Свет» в восемь тридцать прекрасным октябрьским вечером с намерением поселиться – через день после этого он сумел соблазнить и увести Монику. Терри и Тре как раз купали детей – самое веселое и приятное время в их семье, когда толстушка Врен шлепала ладошками по воде и кричала, в то время как деловитый Дольф атаковал разгневанную великаншу-сестру целой флотилией игрушечных кораблей. Терри стояла, склонившись над ванной с губкой в руках, а Тре сидел на прикрытом крышкой унитаза с полотенцем наготове. Как раз в этот момент у стойки раздался звонок.

– Ох, – вздохнул Тре. – Гость. Нужно идти помочь Монике.

– Врен уже помылась, – сказала ему Терри. – Хватай ее на руки и отнеси в кроватку. Я не смогу разобраться с двумя детьми сразу.

Тре достал из кармана ювви, повесил его на шею и велел Монике принять гостя. Тем не менее всегда стоило взглянуть на своего нового гостя собственными глазами. Это было не только данью вежливости посетителю, что тому было, конечно же, приятно, но и позволяло узнать, кто собирается просить комнату в мотеле, потому что мнению молди доверять было нельзя.

Терри достала Врен из ванны и передала ее в полотенце Тре. Насухо вытерев дочь, Тре одел ту в пижамку и уложил в кровать.

– Я сейчас вернусь, Бэби.

Врен, заметив, что отец сразу же бросил ее и ушел, начала было хныкать, но потом быстро переключила внимание на игрушки, висящие над ее кроваткой.

В приемной за конторкой Моника разговаривала с молодым человеком с вытянутой головой и бесцветными глазами. На парне была дешевая пластиковая одежда. Он разговаривал с Моникой, поставив локти на стойку и подавшись вперед, словно пьяный в баре. Возле ног парня стояла дешевая потертая кожаная сумка.

– А вот и один из наших менеджеров, – повернулась к Тре Моника. – Тре Диез. Тре, это Ренди Карл Такер.

Парень со странно узким черепом показался Тре странно знакомым. Он словно бы недавно видел его где-то в Санта-Крузе.

– Привет, Тре, приятель, – сказал ему гость. Акцент точно выдал в нем жителя Среднего Запада. – Мне нужна комната на одну или, может, на пару ночей. Какую симпатичную девочку-молди вы себе здесь завели.

Ренди протянул руку и похлопал Монику по щеке, потом, опуская руку, скользнул пальцами по ее груди. Вздвогнув, Моника отпрянула от Ренди. От злости она выпустила облако едких спор и остро пахнущего телесного газа.

– Ха-ха, – усмехнулся Ренди. – А девочка-то пугливая, вона как навоняла. Нет, больше я в Кентукки ни ногой, там такое чудо не встретишь.

– Да, – согласно кивнул Тре, – не встретишь. Какие номера у нас свободные, Моника?

– Мы можем поселить мистера Такера в комнате 3D, – ответила оскорбленная Моника.

– Отличная комната, – заметил Тре. – На нижней террасе и с видом на океан.

– Потрясающе, – кивнул Такер. – Мне подходит.

Нагнувшись к своей сумке, он достал оттуда ювви, и Тре заметил, как поспешно Такер застегнул молнию, словно боялся, что содержимое сумки увидят.

– Я хочу заплатить.

– Моника прочитает ваш код, – ответил Тре.

– Молди-Моника, – довольно пробормотал Такер и жадно понюхал воздух. – Это мне нравится.

Повесив ювви на шею, Такер передал Монике свой код доступа. Вслед за чем он с кем-то связался по ювви, и на минуту его взгляд стал пустым, устремленным куда-то в пространство поверх головы Моника, а глаза прищуренными и зрачки острыми, словно два проссаных отверстия в сугробе. Разговор по ювви увлек Такера, и он начал жестикулировать и что-то тихо подвывать.

– Хрен в глаз, Джен, – сказал наконец Такер и сдернул ювви с шеи. Затем с фальшивой улыбкой повернулся к Тре. – Это ваш гидрогенный мотоцикл стоит возле дверей, мистер Дизз? С белыми ДИМ-шинами?

– Можете звать меня Тре. Да, это моя тачка. Вам понравилась?

– Знаете, чем я занимаюсь? – спросил Такер. – Апгрейдом программного обеспечения. Когда последний раз вы делали апгрейд ваших шин?

– Для чего? Мне никогда это даже в голову не приходило. Шины отлично служат.

– Отлично служат только обычные дерьмовые резиновые шины, да и то, пока не лопнут, но ведь вы ими не пользуетесь, – ответил Такер. – В свое время я был эксклюзивным местным дилером софт-патчей, или заплаток, улучшающих работу шин на сто пятьдесят процентов. Ни одного камня не заметишь.

– Так вы лимпсофт-коммивояжер?

– Надеюсь, вы не принимаете меня за хай-тек проходимца, Тре Дизз?

Такер сухо усмехнулся.

– Я же сам могу поклясться, что уже знаю, кто вы такой. И это одна из причин, почему я решил поселиться в этой дыре: мне чертовски нравятся ваши фильтры. Но я здесь не для того, чтобы обрабатывать вас, приятель. Я заговорил о шинах потому, что буду рад устроить вам апгрейд за двадцатипроцентную скидку за комнату.

В ту же секунду из боковых дверей выскочил Дольф, мокрый, голый и радостный.

– Лови его, Тре! – закричала Терри.

Тре подхватил Дольфа, который завопил от радости, вырвался и со всех ног бросился обратно в комнату.

– Извините, но, видно, мне нужно помочь моей жене с детьми, – сказал Тре Такеру. – Завтра мы обсудим ваше предложение, когда у меня будет побольше времени, но скорее всего это вряд ли меня заинтересует. Все равно спасибо. Вы не возражаете, если я попрошу Моника показать вам комнату?

– Буду только рад, – осклабился Такер.

На следующий день с утра пришла Молли приглядывать за детьми, а Терри отправилась кататься на серфинге. Выкурив самокрутку, Тре надел ювви и уселся на солнышке перед дверями конторы. После создания четырехмерных «Забавных цыплят» он занялся разработкой подхода к общему эн-мерному методу, взяв в качестве основы кросс-производящие призмы Конвея. Работа спорилась, он увлекся, и время летело незаметно.

Неожиданно с нижней террасы появилась и направилась прыжками к выходу Моника, выражение лица которой было еще более непроницаемым, чем обычно. За спиной Моника торопливо шагала Ренди Такер, одетый в то же самое, что и вчера, и уже со своей сумкой в руках. Вид у Такера был помятый, а глаза – вытаращенными, словно бы он только что с кем-то боролся. На шее у него было заметно несколько красных отметин, некоторые вроде круглых пятен, словно от присосок моллюска. Также на шее у Такера болтался ювви.

– Привет, привет! – с диким видом кивнул он Тре. – Вот, принес вам апгрейд, как и обещал!

И прежде чем Тре успел возразить хоть словом, Такер выхватил из кармана пару заплаток из розового пластика размером с почтовую марку и с размаху прилепил их к толстым имиполексовым шинам гидрогенного мотоцикла Тре.

– Вам это понравится, до смерти понравится, мозговой фрик! – возбужденно выкрикивал Такер. – А мне пора по делам. Эй, Моника, ну ты и шлюха. Я хочу, чтобы ты несла меня отсюда на своем толстом заду!

– Минутку, – поднялся из кресла Тре, чувствуя, что Такер выходит за все рамки. – Вы не можете вот так уйти. Моника не обязана вас везти, это не ее работа. Она не рикша для наших гостей. И мне на хер не нужны ваши идиотские заплатки на ДИМ-шины! Да что это вы себе позволяете?

Такер даже не стал утруждать себя ответом. Моника пригнулась и расширила свою спину и бедра для того, чтобы было удобнее на ней сидеть. Такер ловко вскочил Монике на спину, одну руку погрузив в ее плоть, в другой держа свою сумку. Моника поймала равновесие, Такер гикнул, и они скачками умчались прочь.

Онемев от ярости, красный до ушей Тре несколько секунд смотрел им вслед, потом бросился в контору, чтобы крикнуть Молли, которая играла в шашки с Дольфом. Стоящая в своем манеже Бэби Врен внимательно наблюдала за играющими.

– Присматривай за мотелем, Молли! Мне нужно уйти!

– Хорошо, – отозвалась Молли. – Мы с мальчиком только что поели печенья! Врен я тоже дала штучку. Я люблю печенье, но ненавижу грэхемовские крекеры.

– Отлично, Молли, пока.

Тре стрелой бросился на улицу и вскочил на гидрогенный мотоцикл. Мотоцикл завелся и покатился по улице, но скорость казалась Тре слишком маленькой, и он яростно отталкивался ногами. Когда он выскочил из-за угла, то внизу улицы заметил Моника с сидящим у нее на спине Такером – они продвигались к океану длинными грациозными прыжками. Тре бросился в погоню.

Он вспомнил – слишком поздно – про апгрейд-заплатки, которые прилепил Такер к ДИМ-шинам его мотоцикла. Когда внизу улицы Тре переехал трамвайные пути, то вместо того, чтобы, как обычно, смягчить удар, превратив его в серию мелких толчков, шины его мотоцикла словно взорвались. Металлические обода колес заскрежетали по мостовой, во все стороны полетели искры. Мопед занесло, переднее колесо вывернуло под немыслимым углом, и Тре полетел кувырком. Когда он грохнулся на мостовую, в левом плече у него отвратительно хрустнуло.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, прислушиваясь к нервным импульсам своего избитого тела. Что-то серьезное случилось с его левым плечом, он сбил предплечье, но, слава богу, голова была цела. Отлично, он выкарабкается, вот только...

Пара сильных извивающихся тел обернулась у Тре вокруг талии. Что это, ДИМ-шины его мотоцикла? Рывком он поднялся и сел. В его левом плече заскрежетали осколки костей. Его шины превратились в двух толстых белых змей, из тех, что раньше были кольцом, а теперь перестали кусать свои хвосты; это были те самые два морских змея, что прикончили Лаокоона. Апгрейд-заплатки Такера сияли на змеях, словно розовые злобные глаза.

Змеи стиснули Тре поперек пояса с ужасной силой, перебив ему дыхание. Просунув под змей левую руку, он попытался оторвать от себя гадов и частично в этом преуспел; но тогда змеи обернулись вокруг его левой руки и предприняли попытку сдавить ему горло.

– Что это он делает? Это что, шоу какое-то?

Рядом с Тре, увлеченным борьбой с собственными ДИМ-шинами, остановилась группа туристов. Заговоривший первым был молодой парень, пижон в ДИМ-рубашке, выпущенной в Санта-Крузе, с движущимся изображением серфингиста на молди-доске, и стоял руки в брюки.

– Да у него кровь течет! – воскликнула женщина, стоящая слева от парня в ДИМ-рубашке. Волосы женщины, выкрашенные в интенсивно розовый цвет, были убраны в три высоких хвоста. – И похоже, что эти штуковины-молды пытаются задушить его.

– Помогите, – прохрипел Тре. – Уберите это от меня. Они...

В этот момент имиполексовые змеи так сдавили его горло, что дальнейшая речь стала совершенно невозможной, но, к счастью, в этот же момент пижон наконец начал действовать, сделал шаг вперед, ухватился за змей и потянул их на себя. Змеи, продолжая стискивать хвостами горло Тре, удлиннили свои головы и попытались ударить ими пижона. Тогда в борьбу вступила вторая женщина – невысокого роста негритянка в хлопковых леггинсах, – которая тоже наклонилась к Тре и, придя на помощь пижону, оторвала от Тре змей. Широко размахнувшись, она швырнула змей на мостовую.

– Это дикие молды, – закричал мужчина в возрасте. – Держи их, лови! Я сейчас сбегая в винный магазин и принесу рома, чтобы их сжечь!

Пижон прижал ногой одну из оглушенных ДИМ-змей к мостовой, негритянка наступила на другую. Мужчина в возрасте со всех ног бросился в магазинчик «Пляжное Крепкое». Женщина с тремя хвостами наклонилась над Тре, который лежал на дороге навзничь совершенно без сил:

– Вы в порядке, мистер?

Нависшее перевернутое лицо женщины казалось Тре странно огромным, мягким и ни на что не похожим. Глядя на извивающиеся накрашенные губы, можно было подумать, что с ним разговаривает кто-то, у кого рот находится на лбу.

– Вроде да, – прошептал Тре.

Неожиданно раздался крик, и все увидели, что ДИМ-змеи снова пришли в себя, принялись извиваться и вырваться из-под ног людей. В конце концов змеям удалось вырваться, они быстро отползли в сторону, потом подпрыгнули в воздух и, превратившись в чаек, в мгновение ока улетели прочь.

Все еще лежа на спине, Тре широко раскрытыми глазами следил за тем, как белые чайки уносятся в голубое небо. Он был так доволен тем, что остался жив. Это было просто чудо из чудес.

– Какого черта здесь творится? – спросил пижон.

– Я все видела, – объявила негритянка.

– Вот ром! – раздался голос, и рядом стали слышны приближающиеся шаркающие шаги. – Они что, сбежали? Вот, е-мое! А я так давно уже хотел спалить молды. Вот непруха!

Было слышно, как с бутылки свинтили пробку, после чего как следует глотнули.

– Кто-нибудь еще хочет? – спросил он у негритянки и пижона. – Как там пострадавший? Тре уже поднялся и сел, и слабо махнул мужчине рукой.

– Спасибо, все в порядке, – поблагодарил он пижона и негритянку. – Вы спасли мне жизнь, и слава богу, что вы оказались рядом.

– Наверное, вам лучше лежать, – вмешалась какая-то дама в возрасте. – У вас ведь может быть сломана шея. И могут оказаться внутренние кровотечения. Вас нужно срочно отвезти к врачу. Здесь есть где-нибудь поблизости больница? И прекрати лакать ром, Герберт!

– Обычно мы здесь не ходим в больницу к обычным врачам, – морщась от боли, сказал Тре. Поднимаясь медленно и осторожно, он встал. – Я лучше схожу к хилеру.

– Как вы считаете, нам не нужно заявить об этом Гимми? – спросил пижон.

– С Гимми мы тут тоже не очень любим связываться, – ответил Тре, пытаясь улыбнуться. – Добро пожаловать в Санта-Круз.

Поговорив еще с минуту, люди вокруг него стали расходиться. Тре оглянулся в обе стороны Бич-стрит, потом внимательно посмотрел в сторону верфи, но нигде ничего уже не было

видно. Мимо него в обе стороны шли люди. Вдали от причала отваливал прогулочный катер Перцесепов. Нигде не было заметно никаких признаков Моники, Такера или ДИМ-шин/змей.

До мотеля было всего два квартала, и Тре решил в первую очередь докатить до дома мотоцикл, прежде чем предпринять что-то еще. Голые колеса мотоцикла стучали по мостовой, в плече возле шеи Тре что-то хрустело, но он докатил мотоцикл до мотеля. Он вздохнул с облегчением, увидев, что Терри уже вернулась.

– Терри, я сломал плечо. Я угодил в аварию. Упал на дорогу с мотоцикла на полном ходу.

– Ох, Тре, какой ужас! Ты такой бледный! Как это случилось?

– Я погнался за Моникой и этим Такером. Помнишь того чудного коммивояжера, который поселился вчера вечером? Он еще говорил, что торгует софтом. Этот Такер как-то умудрился угнать у нас Монику, и я пытался догнать их на мотоцикле.

– И ты упал с мотоцикла?

– Шины сбесились, представляешь? Они пытались задушить меня, чуть до смерти не придушили, а потом превратились в чаек и улетели.

– О ком это ты говоришь?

– О ДИМ-шинах с моего мотоцикла. Такер прилепил к ним какие-то заплатки и устроил сбой софта. Весь софт в покрышках свихнулся.

– И ты свалился со своего мотоцикла, а потом покрышки попытались задушить тебя, а когда у них это не получилось, они улетели словно птицы? Тре, ты снова нагрузился чем-то? Скажи правду. Зачем ты с собой такое творишь? Подумай обо мне и о детях.

– Сегодня утром я выкурил косяк, но это не имеет никакого отношения к тому, что случилось со мной! Почему ты мне не веришь, почему ты меня все время в чем-то подозреваешь? Ради бога, Терри, мне нужна помощь, я ранен. У меня плечо сломано, меня чуть не задушили мои собственные шины, и мне нужно срочно к хилеру!

– Хорошо, – сразу посерьезнела Терри. – Тогда идем к Саншайн.

– Можно мне тоже пойти с вами? – спросил Дольф. – Я хочу посмотреть, как Саншайн будет чинить папочку.

Малыш взволнованно смотрел на Тре, который морщился от боли.

– Хорошо, иди с нами, – кивнул Тре, хлопнув сына по спине.

Он был рад, что мальчик сыграет роль буфера между ним и Терри. Терри всегда злилась, когда ей было страшно.

– Молли, мы пошли к Саншайн.

– До свидания. Скажи мамочке и папочке «до свидания», Врен!

Бэби Врен, неуверенно стоящая между колен Молли, помахала мамочке и папочке ручкой «до свидания», широко улыбнувшись и показав зубки.

Солнце стояло в самом зените и сияло вовсю. Дольф торопливо шагал по тротуару впереди молчаливых Тре и Терри. Они прошли вдоль холма один квартал вниз обратно к пляжу и наконец оказались у домика, в котором жила Саншайн со своим мужем Даком Тапином. Дом Саншайн и Дака стоял в стороне от улицы под сенью пальмы, за домом имелся гараж.

В тени у гаража что-то мастерил Дак, в своем неизменном одеянии, состоящем из пляжных шорт и цветастой рубашки-гавайки. У Дака было вытянутое обветренное лицо со светлорыжими, висячими, словно у моржа, усами; его светлые волосы забыли о расческе и находились в живописном беспорядке.

– Привет, Дак, – поздоровалась Терри.

– Привет, – откликнулся Дак. – Что случилось?

Он поднял голову, оторвавшись от своего занятия – выкладывания витражного окна из кусков разноцветного стекла, которые он делал на заказ и тем жил. У ног Дака лежала оранжевая с белыми пятнами собака Саншайн по кличке Планета, тихо стуча хвостом при виде гостей. Малыш Дольф мигом присел на корточки рядом с Планетой, чтобы ее погладить.

– У моего гидрогенного мотоцикла сбесились ДИМ-шины, – пожаловался Тре. – Я свалился с мотоцикла и что-то себе сломал в плече.

– Вот незадача, – хрипло крикнул Дак.

Калифорния могла подниматься и приходить в упадок, но Дак всегда был широко известен как мастер золотые руки, в то же время не чуждый погоне за редкими способами получения удовольствия. В любой час дня, трезвый или пьяный, он всегда имел такой вид, словно предыдущие двадцать четыре часа провел в состоянии невесомости.

– Какая беда, однако. Хочешь, чтобы тебя осмотрела Саншайн?

– Да, – отозвалась Терри. – Она дома?

– Ага, – отозвался Дак. – Пойди крикни ее. Как дела, Дольф? Пришел помочь подлечить своего папку?

– Да, – мрачно ответил Дольф. – А что это вы делаете?

– Это окно для одной леди, что живет наверху на холме. Я выкладываю тут павлина. Видишь, вот голова? Эй, твои родители уже пошли. Тебе лучше тоже идти с ними.

– Пока, Дак! Пока, Планета!

Дольф вприпрыжку побежал за отцом и мамой, быстро двигая ножками в широких штанинах шорт.

Домик Саншайн и Дака был собран из готовых деревянных щитов, выкрашенных в розовый цвет. Перед крыльцом был устроен цветник из специально выведенного сорта кустов «райская птица», с соцветиями, похожими на ослов с острыми мордами. В основании стены дома были плотной массой высажены настурции с неправильной формы округлыми листьями и красно-оранжевыми цветами. По стенам домика взбирался дикий плющ, голые цветы которого были похожи на асимметричные бледно-лиловые раструбы. Толстенькие стволы лиан вились вдоль карниза.

Терри постучала в дверь при помощи маленькой головы гнома, специально повешенной для этой цели. По прошествии некоторого времени раздались легкие быстрые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появилась Саншайн.

– Привет-привет! – пропела она. Саншайн была разговорчивой женщиной с прямыми каштановыми волосами, высокими скулами и твердым подбородком. Ее родители были белой флоридской голытьбой, сама же она поселилась в Калифорнии и примкнула к общине Чистого Света. Только увидев на пороге Тре и Терри, она мигом разглядела, в чем проблема Тре.

– Что стряслось с твоим плечом, Тре?

– Он упал с мотоцикла, – ответил за отца Дольф. – Ты сможешь его починить?

– Здорово болит, – сказал Тре. – Вот здесь.

Он показал на плечо рядом с шеей.

– Когда я упал, раздался такой звук, словно ломали куриную кость, и теперь, когда я шевелю рукой, внутри что-то скрипит и хрустит. После того как я упал, мои шины пытались задушить меня, а потом они превратились в чаек и улетели. Но Терри даже слышать этого не хочет. Она думает, что я обкурился или наелся кислоты.

– Бедный Тре. Слава богу, что вы успели застать здесь меня. Еще полчаса, и я ушла бы в город, но мне все время словно что-то подсказывало, что нужно остаться еще ненадолго. Вот, пожалуйста, вам и причина. Входите же, все вместе.

В доме было всего три комнаты: главная – гостиная, кухня и спальня Дака и Саншайн. Усадив встревоженных Терри и Дольфа рядышком на кровать, Саншайн велела Тре лечь на пол.

– Я сейчас просканирую тебя, и если окажется, что это простой перелом, то заклею прямо на тебе, – сказала Тре Саншайн.

Открыв стоящий у стены сундук, она достала оттуда устройство, размером и видом напоминающее ручной пылесос. Отцепив от устройства специальный ювви, Саншайн надела ювви

на шею, потом стала водить жерлом прибора над шеей Тре и его плечом, сама отстраненно глядя в пространство.

– Я вижу твои кости, Тре, – сообщила она.

– Этот прибор работает на радиации? – взволнованно спросил Тре.

– Господи, конечно нет, – ответила Саншайн. – Это ультразвуковое устройство. Моя собака Планета ненавидит, когда я включаю этот сканер. Эй, Дольф, ты уже видел Планету там, на улице?

– Да, – отозвался Дольф. – Планета в гараже с Даком.

– До того, как я переехала сюда, Дак говорил, что ненавидит собак, – продолжила Саншайн. – Он привык жить в одиночестве. Как только я увидела его, так сразу и поняла, что вот он – мой мужчина. Он был весь такой загорелый, и руки у него были в мозолях, как у плотника или рабочего со стройки, – в общем, как у тех парней, с которыми я встречалась прежде, а потом я вдруг узнала, что он художник! Когда я узнала это, то сразу же *установила ему колпачок!* И вот теперь, после того как мы поженились, я работаю над тем, чтобы заставить его захотеть детей. Я часто думаю, какие красивые можно выбрать имена. Кстати, о маленьких людях с чудесными именами – как дела у Бэби Врен?

– Ох, с ней все хорошо, – махнула рукой Терри. – А Дольф уже научился играть в шашки. С Тре будет все в порядке?

– Надеюсь, да, – ответила Саншайн, положив сканер на стол. – Тре, старина, у тебя сломана ключица, только и всего. Сейчас я возьму клеевой пистолет и подлатаю тебя.

– Будет больно? – слабым голосом спросил Тре. – Может быть, ты дашь мне каких-нибудь пилюль?

– От тебя пахнет так, словно ты уже выкурил хороший косяк с утра, – с издевкой заметила Саншайн. – Ты уверен, что не из-за этого ты упал с мотоцикла и не потому твои шины улетели, как птицы? Это напоминает мне то, что однажды случилось с Аарби Кидом.

– Вот видишь, Тре, – укоризненно сказала Терри. – Тебе нужно заканчивать с курением. Ты становишься такой *невнимательный*.

– Господи, да вы когда-нибудь заткнетесь? – вспыхнул лежащий на полу Тре, со злостью глядя снизу вверх на двух стоящих над ним женщин и собственного сына. – Во-первых, виноват тот парень, который прилепил эти ДИМ-заплатки на мои шины, это он все устроил, и аварию, и остальное с шинами. А во-вторых, косяк – это не наркотик. Это просто трава. Мне же нужно откуда-то брать силы.

– Да, конечно, – язвительно ответила Терри. – И когда последний раз ты что-нибудь сделал по работе?

– Да, черт, хотя бы этих четырехмерных «Забавных цыплят», разве я это не сделал? Это самое главное, что только могло быть!

– Но тебе потребовалось четыре года, чтобы закончить «Забавных цыплят»! Не слишком ли долго? Ты куришь слишком много травы, Тре!

– Подожди, Терри, – подала голос Саншайн. – Дай мне с ним закончить, я хочу заклеить ему плечо, прежде чем ты начнешь колотить его. Сейчас я дам тебе немного миста, чтобы ты ничего не почувствовал, когда я буду клеить твой перелом. А тебе, Дольф, я думаю, лучше побыть снаружи, пока я буду лечить твоего папочку. Я не хочу, чтобы ты испугался и толкнул меня под локоть.

– Мне пойти на улицу?

– Делай то, что говорит хилер, Дольф, – резко ответила Терри. – Отправляйся в гараж к Даку и поиграй там с Планетой.

– Иди, Дольф, – подтвердил с пола Тре. – Со мной все будет хорошо.

– Хорошо, – кивнул Дольф. – Мамочка, позови меня, когда папу вылечат.

Дольф побежал в гараж.

– Он так беспокоится за папочку, какой хороший мальчик, – сказала Саншайн. Она достала большой баллон с аэрозолем из своего хилерского ящика. Потом встряхнула баллон и выпустила струйку прямо под нос Тре. Мышцы Тре расслабились, и глаза его медленно закрылись.

– Я знаю людей, которые все спустили на мисте, – продолжила Саншайн. – От миста такие приятные сны. Мист в миллион раз хуже, чем старая добрая трава, Терри. Но по сравнению с габбой, например, мист вообще ничто. После того как мы приехали с Аарби Кидом на мотоцикле из Флориды, он подсел на габбу. В ту же минуту, как старина Аарби прибыл в Калифорнию, он ухватился за габбу и стал орать на меня в тысячу раз сильнее, чем прежде. Он и бил меня. И эти его огненные татуировки на голове. В общем, слава богу, что я нашла «Чистый Свет».

Глаза Саншайн сузились, и она выпустила еще одну струйку миста в ноздри Тре.

– Я сумела уйти от Аарби, после того как он разбился на мотоцикле и попросил меня залатать его. А твой Тре, он ведь не бьет тебя, Терри? Если тебе, например, нужно свободное время, чтобы все обдумать, я могу дать Тре поспать с недельку.

– О, нет, нет, не делай этого, – торопливо попросила Терри. – Просто иногда Тре совсем не обращает на меня внимания. А я так устала от того, что мне приходится быть матерью и женой. Мне, наверное, нужны каникулы. Мне хотелось бы съездить куда-нибудь одной, в какое-нибудь классное место, покататься на серфе или на сноуборде, чтобы Тре для разнообразия занялся домашними делами. Но, господи, я не должна была кричать на него, когда ему было так больно. Зачем, зачем мне усыплять его на неделю, что я, ненормальная? Тре даже сравнивать нельзя с Аарби Кидом. Пожалуйста, вылечи его, Саншайн. И объясни мне, что ты делаешь, пока будешь заниматься.

– Сначала я должна выпить чашечку кофе, – сказала Саншайн, – прежде чем начну латать Тре. Я усыпила его немножко сильнее, чем обычно. Можно дать ему еще чуточку миста.

Саншайн еще раз пустила мист в нос Тре, и тело у того стало как желе, мышцы расслабились совершенно. Теперь он был похож на пустой имиполексовый спальный мешок для полярных холодов.

– Хочешь чего-нибудь, Терри? – спросила Саншайн, отправляясь на кухню.

– Спасибо, если можно, просто стакан воды. Ты уверена, что с Тре все в порядке?

– С ним все в порядке. Он будет лежать вот так спокойно час или больше, пока я не дам ему антидот. Я говорила тебе, что не далее как вчера снова видела Аарби? Внизу холма у пляжа на «Полосе Развлечений»? Он был приветлив со мной. И эти его огненные татуировки на голове заросли короткими волосами, желтой щетиной. Конечно, как обычно, на габбе.

Не переставая говорить, Саншайн стучала чем-то на кухне.

– Хотела бы я знать, чем занимается сегодня Аарби. Сначала он сказал, что работает на «наследников», потом сказал, что работает на лунных молди. С ним был такой тощий чудной парень из Кентукки, который приказал Аарби заткнуться. Оки-доки, ну вот и кофе.

Из кухни появилась Саншайн с чашкой кофе и стаканом воды.

Она достала из своего хилерского сундука что-то похожее на пластиковый пистолет с тупым дулом и положила его рядом с аэрозолем и сканером.

– Это клеевой пистолет, – объяснила Саншайн. – Но сначала мне придется установить на место кости руками. Ты знаешь, что по-арабски занятие костоправа называется *аль-джабар*? От этого происходит слово *аль-джебра*. Расставлять вещи по местам. Я узнала это, когда ходила на курсы хилеров. Пора нам заняться альгеброй, а то какие мы хилеры, верно, Терри?

Саншайн установила сканер на грудь Тре и руками приладила, как положено, сломанную ключицу. Тре тихо застонал.

Терри больше не могла на это смотреть и отвернулась, устремив взгляд в точку куда-то выше картин на стенах – это были постеры «Чистого Света», которые делала Саншайн,

с видами природы и растениями, вперемешку с копиями известных художников Дака, написанными им при помощи техники поволоконного копирования маслом на холсте. Дак любил художников-романтиков конца девятнадцатого века, таких как Арнольд Бёклин и Франц ван Штюк, и с трудом добывал наноточные копии их работ музейного уровня вместе с цельнодревесными, с позолотой и гипсом, копиями рам. Самой большой была картина Бёклина «Тритон и наяда», на которой был изображен довольно волосатый парень, Тритон, сидящий на скале на берегу моря и трубящий в большую коническую раковину. Рядом с Тритоном на камнях также возлежала весьма сексуальная нехуденькая и смешливая наяда, играющая с крупным морским змеем с висящими усами. Спина змея была декорирована очень миленькими желто-зелеными мозаичными узорами в стиле прото-югендстил. Дак очень любил объяснять смысл этой картины друзьям.

– Вот так-то лучше, – сказала Саншайн, опустив сканер и взявшись за клеевой пистолет. – Видишь кончик, Терри?

Дуло клеевого пистолета заканчивалось длинной тупой иглой.

– Сейчас это находится в сложенном состоянии, благодаря чему я смогу проткнуть кожу Тре. Но внутри Тре это раскроется, превратившись в сотню маленьких гибких ручек, и каждая из этих ручек, в свою очередь, разделится на сотню ручек, и так далее, и так далее. Маленькие волоконца доберутся до сломанных костей и установят осколки на место, после чего выпустят секрет... чего-то. Я позабыла название. *Эрзац-кость*, так кажется? Основой эрзац-кости является органическое вещество, за исключением того, что дополнительно в нем имеются некоторые редкоземельные элементы. Иттербий и лютеций. Для организма это совершенно безвредно.

– Правда? – взволнованно спросила Терри.

– Абсолютно, дорогая, – отозвалась Саншайн, настраивая клеевой пистолет. – Во всех моих инструментах внутри находится здоровенный кусок ДИМа. Этим машинам не хватает чуточку ума, чтобы стать полноценными мыслящими молды, но ведь после этого мы не смогли бы им доверять, верно? Поэтому управляют этим оборудованием хилеры. Вот так!

Саншайн наклонилась над Тре и проткнула иглой кожу над его сломанной ключицей. Немедленно фрактальная игла под кожей Тре раскрылась и принялась за работу. Процесс склеивания кости начался, и Терри увидела, как под кожей над ключицей Тре что-то зашевелилось.

И снова Терри пришлось отвести глаза – в сторону «Греха» ван Штюка, высокого класса работы югендстил в массивной резной раме с золочеными цветами, окружающей исполненную в темных тонах полуобнаженную женщину, молодую и с отчаянными глазами, угольно-черные густые волосы которой, спускаясь вниз по плечам, завивались в области живота густыми кольцами, наподобие лобковых – и тут же в тени находился огромный толстый черный змей, чьи нечеловеческие щелевидные глаза внимательно смотрели на зрителя, являясь фоном к напряженному и затуманенному взгляду женщины. Рядом с картиной был прикреплен к стене кнопками постер общества «Чистый Свет» со здоровенным улыбающимся подсолнухом. За окном виднелись огромные листья пальмы и гараж, и стоял октябрь, и слышен был быстрый детский говорок Дольфа и громкие, со смехом, ответы Дака – и слезы наполнили глаза Терри.

– Эй, Терри, дорогая, – раздался успокоительный голос Саншайн, – уже все закончилось. Можешь прекратить плакать. А тебе, братишка Тре, пора просыпаться.

Саншайн взяла из сундука другой аэрозоль и пустила струйку в нос Тре. Тре вздрогнул и открыл глаза.

– Я подлатала тебя, Тре! – сказала Саншайн. – А для полного восстановления сил посоветовала бы тебе вести здоровый образ жизни и больше уделять внимания собственной жене.

– Хорошо, – неуверенно ответил Тре, осторожно поднимаясь и усаживаясь. – Мне снился сон – я видел вспышки света из эн-мерного пространства.

Тре потер плечо.

– Сколько мы тебе должны?

– Как насчет бесплатной комнаты в вашем мотеле, скажем, на недельку? Моя тетушка Темпест приезжает к нам погостить из Флориды, но я не выдержу, если она на все это время поселится у нас в доме. Я выросла в семье Темпестов. Мои родители погибли в 2031 году во время Второй Войны людей и бопперов на Луне.

– Я этого не знал, – отозвалась Терри. – Значит, они герои?

– Вряд ли их можно назвать героями, – покачала головой Саншайн. – Они работали на бопперов. Их звали Радужка и Берду, как ту южанку-беднячку и ее отчаянного дружка – такими были и мы с Аарби Кидом. Радужка и Берду были владельцами магазина игрушек, из которого начинался тоннель в Гнездо бопперов.

– Вау, – произнес Тре. – Так, значит, это они помогали бопперам превращать людей в плотти? При помощи роботов, которые выедали у людей мозги и поселялись внутри головы?

– Мне теперь кажется, что Радужка и Берду сами были плотти, – ответила Саншайн. – После того как они погибли, человек по имени Уайти Майдол некоторое время заботился обо мне. Он и его подружка Дарла; они были друзьями Стэна Муни. Стэн договорился с моей тетушкой Темпест, и я прилетела с Луны к ней во Флориду.

– Сенатор Стэн последнее время какой-то сам не свой, – негромко заметил Тре. – Хотя он парень неплохой. Так когда приезжает твоя тетка? Когда нам готовить для нее комнату?

– Может быть, завтра, а может быть, через год, – вздохнула Саншайн. – Самую лучшую комнату для нее готовить не нужно.

– Мы можем выделить ей номер рядом с парковкой, – сказала Терри. – В это время года эти комнаты обычно пустуют.

– Тетя Темпест вряд ли будет хуже того парня, которого я поселил прошлым вечером, – заметил Тре, осторожно разминая залеченное плечо. – Этого Ренди Карла Такера.

– Ренди Карл Такер! – воскликнула Саншайн. – Это тот самый парень, с которым я встретила Аарби Кида в «Полосе Развлечений».

– В самом деле? – спросил Тре. – Он испортил мои ДИМ-шины и украл Монику. Может быть, ты сможешь мне разыскать его?

– Я не советовала бы тебе с ними связываться, Тре, – сказала Саншайн, качая головой. – Если он приятель Аарби, с ним не стоит связываться. Терри, я дам вам знать, когда моя тетушка Темпест соберется к нам в гости. Теперь идите домой, потому что Тре нужно отдохнуть.

Они вышли во двор, и Дольф, заметив их, бросился навстречу:

– Папочка!

Тре обнял сына.

– Со мной все в порядке. Саншайн заклеила мне плечо. А ты чем тут занимался?

– У Дака ботинки могут ходить сами по себе, – возбужденно объявил Дольф. – Давай покажи им, Дак!

Улыбнувшись, Дак поднял руки в воздух. Медленно и плавно он скользнул по полу гаража по направлению к Терри и Тре.

– Это ДИМ-ботинки, – объяснил Дак. – Подошвы сделаны из имиполекса. Ботинки сами приспособляются к размеру. Нажимая мыском ноги в определенном месте, можно заставить ботинки перемещаться своим ходом. Полная свобода передвижения – «свободен, как муха в полете».

Дак развел руками в стороны, словно в танцевальном па, и рассмеялся своим обычным диким смехом.

– А ты кормишь свои ботинки? – спросил Дольф.

– Нет, – ответил Дак. – Они же как молды, питаются простым светом.

Он чуть подвинул ноги, и ботинки отнесли его обратно в гараж.

– Я собираюсь закончить эту пару к завтрашнему дню, – объявил он. – Ну как тебе такая обувь, Тре?

– Круче некуда, – ответил тот, продолжая разминать плечо. – Новинка сезона.

– Вот и отлично. Увидимся, ребята.

Когда они вернулись обратно в отель, оказалось, что трое членов Гнезда Моники уже ждут их: Кслотл, Оуиш и Ксананна. Кслотл имел вид шахматной фигуры, а Оуиш и Ксананна были похожи на акул, расхаживающих, опираясь на хвосты, – акул, у которых под кожей кружатся вихрями тени кривых цвета голубого и темно-серого. У обоих имелись серебристые пятна в том месте, где условно должны были располагаться лица.

– Что случилось с Моникой? – потребовал ответа Кслотл, едва только увидев Тре и Терри. – Что тут случилось, черт возьми?

– Похоже, Моника нарвалась на сырного шарика, которым оказался один из наших постоянцев, – ответила Терри, улыбнувшись Тре. Она уже начинала верить в его историю. – Этот парень испортил ДИМ-шины Тре, и тот сломал себе плечо, когда пытался догнать этого паршивца.

Тре улыбнулся Терри в ответ, потом снова повернулся к членам Гнезда Моники.

– Откуда вы узнали, что случилось с Моникой? – спросил их он. – Она связалась с вами по ювви?

– Как раз наоборот – она *не связалась с нами*, – ответил Кслотл. – А она должна была позвонить. Поэтому я стал искать ее сигнал и смог отсканировать ее виртуальный адрес, но... – Кслотл в бессилии покачал головой.

– Что ты узнал? – требовательно спросил Тре. – Ты можешь мне все рассказать, Оуиш. Ксананна, что с ней?

– Подожди, мы все тебе скажем, – ответила Оуиш. Голос Оуиш был настоящим женским, глубоким и вибрирующим, и раздавался из серебристой лицевой пластины. – Ксананна и я только что разговаривали с ней. То, что мы получили от Моники в ответ, напоминает сон, словно она спит, и ей снится океан. Мы считаем, что она находится где-то под водой в океане. Подойди поближе, Тре. Мы передадим тебе изображение по ювви.

– Хорошо, – кивнул Тре, и Оуиш положила свой плавник ему на затылок, чтобы передать прямой сигнал ментального восприятия Моники в реальном времени.

Впечатление было таким, словно Моника действительно находится под водой, но изображение было лишено ощущения реальности. Во-первых, дно было покрыто ортогональным сетчатым изображением, а во-вторых, существа, которые плавали вокруг, имели вид совсем не рыб, а скорее гоблинов. Вместо водорослей океанское дно было покрыто ржавым металлоломом. При этом по поверхности океана над головой бегали обычные световые пятна, как это и должно было быть. Одновременно в ювви-сигнале чувствовалось невидуальное присутствие кого-то, находящегося рядом с Моникой – или пребывающего внутри нее? – кого-то, кого Моника боялась, кого-то странного, очень напоминающего Ренди Карла Такера.

Сигнал был настолько необычным и интенсивным, что Тре почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он поспешно убрал плавник Ксананны со своей шеи.

– Моника – член нашего Гнезда, – сказала Оуиш. – Сейчас она находится в беде. Мы не знаем, где она и что с ней. Расскажи нам о том человеке, который снял у вас комнату.

– Вначале Тре решил, что это просто какой-то чудаковатый деревенщина из глубинки, что торгует софтом вразнос, – ответила Терри.

– Его зовут Ренди Карл Такер, – добавил Тре. – Он родом из Кентукки. Прошлым вечером он крепко положил глаз на Монику, а сегодня с утра уже пользовался ею как рикшей. Я почти догнал их у верфи, но этот Такер прилепил на мои шины ДИМ-заплатки, от которых шины соскочили с ободьев и едва не задушили меня, затем они все вместе превратились в чаек и улетели. Это о чем-нибудь говорит вам, ребята?

– Возможно, – ответил Ксананна. – Вы когда-нибудь слышали о суперпиявках? Нет? Понятно, ведь вы, несчастные создания плоти, так далеки от всего этого. Существует новый вид ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками; они были созданы совсем недавно, первые образцы стали появляться только в августе. Кто-нибудь рассказывал вам об этих пиявках? Суперпиявки позволяют человеку установить контроль над молди или, как в данном случае, установить контроль над простым ДИМ-устройством, вроде имиполексовых шин. Суперпиявки сделаны из какого-то нового типа имиполекса. Никто из нас не знает, кто производит эти суперпиявки. Они очень плохие. Очень-очень плохие. Очень-очень-очень плохие. Очень-очень-очень плохие... – Ксананна повторил зацикленную фразу, может быть, раз двадцать или сто, каждый раз все убыстряя и убыстряя скорость, так что последнее повторение превратилось в сплошной скрежет. Ксананна любил бесконечные последовательности.

– Ты говорил, что Такер – сырный шарик? – перебила Оуиш.

– Точно не знаю наверняка, – ответил Тре. – Я только предполагаю.

– *Это так*, потому что Моника хотела трахнуть его, – ответил тогда Кслотл. – Во время обеденного перерыва мы с ней говорили об этом. Она хотела покрутить его перец и сделать немного денег, понимаете?

– Ого, вот это здорово! – воскликнула Терри. – Моника крутит штучки в нашем мотеле. Если дело действительно в этом, то мы не хотим, чтобы она работала тут больше, верно, Тре? И это – когда рядом дети! Нам не нужно, чтобы в нашем мотеле творилось такое, верно? Мы не хотим, чтобы «Чистый Свет» закончил так же, как то ужасное место, где погиб мой отец!

При этих словах молди по сторонам от Терри неуверенно переступили с «ноги на ногу», но Терри словно ничего не замечала.

– Отвечай же мне, Тре!

– Да, мы не хотим, чтобы здесь происходили такие вещи, – медленно ответил Тре. С того момента, как Тре услышал сказанное Ксананной, он пребывал в задумчивости.

– Я хочу порыться и попытаться накопать побольше об этих суперпиявках. У меня есть такое подозрение, что они основаны на моей программе четырехмерных «Забавных цыплят». Как же вышло, что «Апекс Имеджес» мне ничего не сказал?

– Давайте ближе к делу, – подал голос Кслотл. – Как нам спасти Моника? Она и в самом деле находится под водой?

– Скорее всего да, – ответила Оуиш. – Или, может быть, она спит, и мы видим ее сны.

– Возможно, она и Такер повернули у верфи направо к Стимер-лэйн, – предположил Тре. – Можете вы связаться по ювви с какими-нибудь молди в том районе?

– Сейчас я попробую, – ответил Ксананна. – Кажется, сегодня Эверуз и Айк собирались заняться серфингом на Стимере.

Через мгновение Ксананна установил контакт. Эверуз, отец Моника и Ксананна, на самом деле сегодня катался на волнах на Стимер-лэйн, неподалеку от мыса с маяком Санта-Круза. Ксананна говорил вслух, чтобы все могли слышать и следить за разговором.

– Привет, пап, ты сегодня видел Моника? Или кто-нибудь еще видел ее? Хорошо, я побуду на связи, пока ты будешь проверять. Что ты сказал? Зилли-лодка видел ее? Моника превратилась в костюм для подводного плавания, в который залез какой-то турист, и вместе с этим туристом прыгнула в воду? Но сам ты ничего такого не видел? Ты резал волну? Понятно. Отлично. Мы думаем, что Моника похитили. Ее сигнал приходит какой-то странный; можешь проверить сам. Ты хочешь плыть за ней? Подожди нас, пап, я и Оуиш поплывем с тобой.

– Я тоже, – подал голос Кслотл.

– И я тоже поплыву, – выступила вперед Терри. – Ты можешь сделать для меня плавательный костюм, Ксананна?

– Запросто. Тре, ты тоже с нами? Он может воспользоваться Оуиш как костюмом.

– Мне нужно немного прийти в себя, – ответил Тре. – Меня еще немного качает после аварии. И я хочу поискать по ювви про эти суперпиявки. Сейчас позвоню кое-кому.

– Ладно, – ответила Терри. – Но не волнуйся и будь начеку. Оуиш, можешь ты отнести меня на Стимер?

– Я не рикша, а нырлящик, – холодно ответила Оуиш. – Я не стану тебя нести.

– Скажи это еще раз, – сказал Ксананна. – Скажи «Скажи это еще раз» еще раз. Скажи «Скажи «Скажи это еще раз» еще раз» еще раз. Скажи «Скажи «Скажи «Скажи это еще раз» еще раз» еще раз» еще раз» еще раз» еще раз.

Ксананна был в глубине новой гонки взволновавшей его последовательности.

– Ла-ди-да, – пропел Кслотл. – Это вам не чай с танцами. Залезай-ка на меня, к такой-то матери, Терри!

Кслотл образовал на своей спине седло, и Терри поспешно забралась на него. Трое молди, унося Терри, быстро запрыгали вниз по дороге, ведущей с холма.

Тре посмотрел им вслед, потом сходил посмотреть, как дела у Молли и детей, уселся с удобством в свое кресло, надел на шею ювви, решив, что первым делом позвонит Стэну Муни. Но в тот же миг его ювви зазвонил сам.

– Алло?

– Привет!

Тре увидел перед собой провинциального вида девчонку-тинейджера с гладкими бесцветными волосами, стянутыми в хвост.

– Меня зовут, гм, Дженни. Могу спорить, что ты сейчас ломаешь голову над суперпиявками Ренди Карла Такера, верно?

Дженни пронзительно засмеялась.

– Могу тебе рассказать кое-что об этих пиявках, если захочу.

– Ты работаешь вместе с Ренди на «наследников» или что-то в этом роде? – спросил Тре. – Я хочу, чтобы вы вернули мне Монику, и чем скорее, тем лучше. Это что, шантаж?

– Какие глупые вопросы, – сказала Дженни. – Я и «наследники»? Шантаж? Думай шире, Тре. Я хочу поговорить с тобой о серьезных вещах! Я могу рассказать тебе о том, каким образом Шри Рамануджан из «Личинки Жука-Носорога» использовал твоих «Цыплят-4D» для создания четырехмерного имиполекса и суперпиявки. У меня есть видео всего его рабочего процесса, которое все объясняет. Если я покажу тебе это видео, обещаешь, что расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после того, как ты согласишься видео?

– Но у меня эксклюзивный контракт с «Апекс Имеджес».

– Ну да, конечно! Я так и знала. И тебе наплевать, что «Апекс» не говорит тебе ничего о том, что Рамануджан берет твои идеи и употребляет их в своих целях, а взамен ты не получаешь ничего. Ты можешь доверять только Дженни, Тре. Я ничего никому не скажу о нашем маленьком договоре. Вот, взгляни одним глазком.

Дженни запустила видео, начавшееся с изображения круглолицего индийца, предположительно Рамануджана, дающего подробные объяснения по поводу своего нового замечательного Уравнения Мозаики. Было видно, что Рамануджан находится в лаборатории и позади него на стене висит математический экран. Только увидев написанное, Тре мгновенно понял, что это глобальный прорыв и что этот прорыв вдохновлен его 4D-«Забавными цыплятами». Ощущение было подобно тому, какое испытываешь, осушая стакан воды после того, как долго брел по пустыне. В тот же миг Дженни остановила запись.

– Ну как, интересно? Да?

Что-то неестественное и синтетическое в голосе Дженни навело Тре на мысль о том, что на самом деле Дженни – это софт-конструкт, а вовсе не живой человек. И Бог только знает, на кого она работает.

– Пожалуйста, Дженни, покажи мне всю запись.

- А ты расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после этого? Обещаешь?
- Обещаю.

4. Ренди

Март 2052 – Август 2053

Все осень и зиму 2051 года Парвати ходила к Ренди. Они занимались сексом и вместе отправлялись в трипы на камоте и ДИМ-пиявке, а иногда Парвати брала Ренди с собой на продолжительные прогулки в разные места за городом. Один раз они побывали в джунглях, где катались на диких слонах; другой раз перелетели над Западным Хатом и занимались подводным плаванием в Арабском море. В тот раз вместе с ними отправился Шива; после того как Ренди начал приносить Парвати каждый месяц по целому килограмму имиполекса, Шива научился терпеть Ренди, ведь они создавали своего с Парвати третьего сына.

Для того чтобы заработать деньги на имиполекс, Ренди много работал сверхурочно в «Личинке Носорога». Он изучил, а точнее «впитал», интенсивный ювви-курс по электротехнике и начал выполнять в подвальной части фабрики работы с электричеством помимо своих прежних обязанностей водопроводчика. Он не употреблял алкоголя, и благодаря еженедельным камотно-ДИМ-пиявочным трипам с Парвати Ренди не покидало чувство, что его разум расширяется с каждым днем все больше и больше.

Большую часть накопленного имиполекса Парвати хранила у себя в животе, и спустя несколько месяцев у нее стал такой вид, словно она была на приличном месяце беременности. Шива тоже растолстел за счет имиполекса, который ему удалось раздобыть своими способами.

Через одиннадцать месяцев после их первого свидания Парвати появилась в квартире на Типу Бхарат в своем прежнем виде, иначе говоря, худая, словно призрак. Незадолго до этого она и Шива сложили свой с трудом заработанный имиполекс, произведя на свет тело нового молди, своего сына, которого они называли Ганеша – своего последнего ребенка. Как только молди производил на свет троих детей, он, как правило, умирал.

– Пожалуйста, помоги мне снова набраться сил, – попросила Ренди Парвати. – Если ты принесешь мне достаточно имиполекса, я смогу сделать апгрейд своего собственного тела. Без имиполекса я скоро начну разлагаться, как Анжелика и Сэмми-Джо. От Шивы уже пахнет разложением – он смирился со смертью, но я не смирилась. Ренди, если ты принесешь мне сорок килограммов имиполекса, я смогу обновить свое тело. Я знаю, что я уже не так привлекательна, как раньше...

– Не печалься, Парвати, – ответил Ренди, лихорадочно прижимая ее к себе и глубоко вдыхая запах имиполексового тела, уже смешанный с легким душком разложения. – Ты моя единственная вонючая любовь. Я что-нибудь придумаю. Я возьму ссуду. Или добыю повышения!

– О, Ренди, я знаю, что это неправильно, и этого не может быть, но иногда я получаю удовольствие от того, что прикасаюсь к тебе. Да, обними меня, дорогой. Попроси меня заняться с тобой любовью.

В приподнятом настроении Ренди просмотрел внутренний список свободных вакансий в «Личинке Носорога» и подал заявление на должность процесс-инженера – помощника главного исследователя «Личинки Носорога», самого Шри Рамануджана.

Когда Ренди обратился к Нираджу Пондишери за рекомендациями, тот был настроен скептически.

– У тебя нет высшего образования, Ренди, ты не окончил даже колледж. Ты просто водопроводчик, рабочий. Ты хотя бы имеешь представление о том, что входит в обязанности процесс-инженера?

– Черт, думаю, что там будет нужно присматривать за трубками и проводами, только и всего. Мне нужно повышение, Нирадж, потому что я хочу купить для Парвати имиполекс для полного обновления тела.

– На твоём месте я бы нашёл себе молодую свежую молди, Ренди. Например, однолетку. Вместо того чтобы по-глупому бухнуть целую кучу рупий на то, чтобы поддержать жизнь в четырёхлетней старухе.

– Так ты сможешь мне или нет?

– Конечно, я тебе помогу, – вздохнул Нирадж. – Я напишу Рамануджану, что ты надёжный и чрезвычайно восприимчивый ко всему новому служащий. Та работа, которую ты выполнял по электрической части субфабрики, произвела очень хорошее впечатление; эта работа свидетельствует о твоей способности экстраполировать себя гораздо дальше водопроводного дела. Знаешь, сейчас мне кажется, что Рамануджан может согласиться взять тебя к себе. Он довольно странный человек.

Ещё через неделю Ренди начал работать у Рамануджана в лаборатории, в просторном зале, протянувшемся вдоль одной из стен фабрики. Половина лаборатории Рамануджана представляла собой отдельное стерильное помещение для опытов, во второй половине размещался совершенно захламлённый офис, где имелась даже маленькая кухня. Рамануджан был приземистый, грубоватый и странный человек, крепкого сложения, всегда небритый и часто весьма неопрятный. Однако в его карих глазах всегда светился невероятной интенсивности разум.

– Итак, мистер Такер, вы тот самый новичок, который должен помогать мне, – приветствовал Ренди Рамануджан. – Не стесняйтесь, я тоже буколистического происхождения – хотя я, конечно же, брамин. Нирадж Пондишери сказал мне, что вы хорошо схватываете суть сложных систем. В вашем случае полное отсутствие академических знаний скорее плюс, чем минус. В связи с секретностью производства и в целях безопасности я предпочитаю, чтобы у меня в помощниках находился человек, который бы совершенно ничего не понимал в том, чем я тут занимаюсь.

– Мне не терпится начать, Шри. Можете вы устроить мне экскурсию по лаборатории и объяснить, что тут к чему? И объясните, чем занимается процесс-инженер.

– Ученый-исследователь кладет начало процессу; процесс-инженер следит за тем, чтобы процесс продолжался в течение необходимого времени. В этой исследовательской лаборатории я создаю экспериментальные образцы имиполекса, из которых потом делаю ДИМ-пиявок. На текущем этапе я создаю этих пиявок по одной за раз; моя проблема в настоящее время заключается в том, чтобы снять с себя часть рутинной работы и сосредоточиться на усилении функциональных возможностей моих пиявок. Вы уже знаете, что представляет собой ДИМ-пиявка?

– Можете не сомневаться, – отозвался Ренди. – У меня есть подружка-молди, и я часто пользуюсь с ней своей ДИМ-пиявкой. После того как мы потрахаемся, я обычно глотаю пару шариков камота, а на нее сажаю ДИМ-пиявку, и потом мы...

Ренди замолчал, заметив потрясенное выражение на лице у Рамануджана. Ведь сейчас он впервые в жизни попытался рассказать живому существу о своей интимной жизни с Парвати.

– Пожалуйста, продолжайте, – сухо проговорил Рамануджан. – Мне не терпится узнать подробности.

– Так вот, Шри, чувство бывает такое, словно бы я и Парвати видим Бога. Все превращается в белый свет, после чего наполняется прекрасными красками, разбиваясь на части. И Парвати там вместе со мной. Это не похоже на волшебство или магию, хотя в некоторые моменты такое чувство тоже бывает – просто пока мы вместе трипуем, Парвати оборачивает собой мою голову, и мне кажется, что я слышу эхо того, как она через ювви наблюдает за моими галлюцинациями на камоте. От ДИМ-пиявки все мысли Парвати словно бы выступают наружу одновременно – она сама так говорит. Вы когда-нибудь думали о том, что Ничто и Все – это одно и то же?

Рамануджан нахмурился и покачал головой.

– Цель моей работы по созданию ДИМ-пиявки, мистер Такер, снабдить людей надежной защитой от молды. А вы занимаетесь тем, что кайфуете от камота, как какой-то садху, да еще и оборачиваете себе голову телом молды при этом. Я хочу прямо сейчас, прежде чем мы продолжим, попросить вас пройти полное сканирование головы, на предмет наличия мыслительных колпачков, потому что я ни в коем случае не могу позволить молды наблюдать за моей работой посредством моего ассистента. Меры безопасности в вашем случае требуют пройти сканирование первым делом.

– Мы с Парвати любим друг друга, и она обещала, что не станет ставить мне мыслительный колпачок. Но если вам от этого станет спокойнее, то давайте, Шри, я готов, сканируйте меня. Где у вас сканер для головы?

– Вот он, – ответил Рамануджан, указывая на небольшой круглый люк, установленный в стене его офиса на уровне пояса. – Просто нагнитесь и засуньте голову внутрь.

– У вас сканер встроены в стену?

Внезапно в руке Рамануджана появился игловик.

– Пожалуйста, немедленно засуньте голову в сканер, мистер Такер. Идите к стене и засуньте голову в сканер. До тех пор вы для меня человек-марионетка под управлением молды, который прикидывается невинной овечкой.

– Вот дьявол, – слабо вздохнул Ренди и засунул голову в круглое отверстие в стене. Раздалось жужжание, вспыхнул красный свет, потом все закончилось.

– Все хорошо, у вас в голове ничего нет, – объявил Рамануджан, уже убрав игловик с глаз долой. – Прошу прощения за то, что мне пришлось вас немного испугать. Вы не станете возражать против ежедневного сканирования?

– А это не вредно? – спросил Ренди. – Как это отразится на моем здоровье?

– Вред крайне малый, и на здоровье именно это не отразится почти никак, – ответил Рамануджан. – В особенности по сравнению с остальными вашими привычками.

– Вы не любите молды, Шри?

– Я восторгаюсь молды, мистер Такер. Но я же и боюсь их. Сейчас я занят поиском наиболее эффективных способов подчинения молды воле человека. Конструкция моих первых ДИМ-пиявок была грубой – эти пиявки обнуляли все нейронные хранилища молды, результатом чего, как я могу теперь догадываться, являлся эффект, подобный тому, что вы мне описали, иначе говоря, встреча с Единственным. Я рассчитываю, что в будущем мне удастся разработать ДИМ-пиявки, которые позволят пользователю напрямую управлять действиями молды. Сказать легко, но выстроить логику процесса не так-то просто.

– И как вы делаете ДИМ-пиявки?

– Пространственный ответ потребует использования большого количества высшей математики, которой вы все равно не поймете. Конкретный же ответ находится вот здесь. – Рамануджан указал в сторону пустой и чистой половины лаборатории, отделенной от захлавленной части прозрачной перегородкой со шлюзом, банни-скафандрами и воздушным душем.

– Не изволите ли взглянуть?

В лаборатории имелись два длинных рабочих стола с каждой стороны: с одной стороны – химический стол, с другой – биологический.

На ближнем к ним конце химического стола была сооружена из стеклянных деталей перегонная система, исходные компоненты к которой поступали по трубкам с нижнего подуровня завода. Насколько теперь это было известно Ренди, по трубкам поступали вода, глицерин, этанол, полистирол, этилбензол, тетрафторэтилен, поли-N-изопропилакриламин, полиметилвинилэфир и растворы натуральной смолы и алкалоидов, экстрагированных из растений и животных джунглей Гайи и океана.

Перегонная установка булькала и дрожала, извергая приготовленные по рецептам Рамануджана химические смеси, представляющие собой варианты имиполекса, в разнообразии маленьких колб, кюветов, подносов, предметных стекол и тиглей, расставленных по химическому столу.

В центре комнаты находился просторный аквариум. Находящиеся внутри аквариума разноцветные кусочки имиполекса ползали и плавали подобно ярким голожаберным моллюскам, гребешкам и медузам, которые водились в Индийском океане, но более всего они были похожи именно на кентуккийских пиявок – подобно пресноводным конькам, пиявки лениво вытягивали и сокращали свои тела в ожидании добычи.

– Я держу здесь своих пиявок, пока работаю над ними, – объяснил Рамануджан. – Когда я считаю, что какая-нибудь из пиявок готова, я высушиваю ее до состояния гибернации.

– Вы делаете их из специального имиполекса, и все?

– Конечно нет. Для того чтобы получить усиленные расчетные способности, я ввожу этим маленьким порциям имиполекса дополнительное количество металла и грибка-чипоеда. В главной фабрике этот процесс разбит на несколько этапов, но здесь у меня есть наноманипулятор, при помощи которого я могу производить все операции одновременно.

Возле дальней стены лаборатории стоял трехмерный наноманипулятор с голографическим проектором впереди, в данный момент передающим изображение от мощного электронного микроскопа, нацеленного на внутренность ДИМ. Прибор был также оснащен виртуальной ювви-приставкой, позволяющей пользователю буквально летать внутри и собственными руками управлять и программировать различные нанодатчики и нанозахваты наноманипулятора.

– Мне ничего не стоит запрограммировать наноманипулятор так, чтобы он выполнял последовательность определенных операций, – продолжал объяснять Рамануджан. – Будь у этого наноманипулятора еще чуточку ума, и он превратился бы в полноценного молди, и моя система безопасности полетела бы ко всем чертям. Таким образом, я нахожусь в очень неудобном положении. Быть может, мне удастся обучить тебя некоторым обязанностям молди в аналогично-эффективной степени. Вот, можешь попробовать ювви.

Ренди надел ювви. Он оказался в океане имиполекса, где во все стороны простирались пустые трубы-тоннели. Некоторые из труб были отмечены ярким геометрически правильным значком кристаллов редкоземельных металлов. Тут и там внутри массы имиполекса заметны были огромные мохнатые шары – это были споры морских водорослей или чипоеда. Миллионы крохотных клешней виднелись повсюду – нанозахваты.

– Металл и споры должны быть распределены особым образом, – объяснял Рамануджан. – К счастью, средства управления сгруппированы. Таким образом, можно организовывать группы и каскады. Словно бы на кончик пальца каждой руки помещается еще одна рука – после чего еще и еще раз, таким образом.

Ренди немного поиграл с пространством наноманипулятора. Трубы перед ним напоминали водопроводные, а каскадные средства управления мало чем отличались от рукояток водопроводного пистолета.

– Я тоже смогу этим управлять, – объявил он наконец. – Но что вы хотите, чтобы я тут выполнил, какой рисунок? У вас есть какое-то задание или спецификации?

– Все вот здесь, – ответил Рамануджан и похлопал себя по голове.

– И как же я узнаю, что мне делать?

– Для этого тебе придется изучить последовательности рисунков, которые я организовывал до сих пор, и для начала попробовать сделать что-то простое. Как зачастую бывает, отдельные детали процесса на самом деле не являются критически важными. В целом процесс больше напоминает фермера, выращивающего урожай в поле, – сначала поле нужно вспахать

до определенной статической плотности, потом вы транслируете в него свое семя. Как показывает опыт, поле и семена оказываются гораздо мудрее самого фермера.

– Спасибо, Шри. Теперь расскажите мне вот про тот другой стол.

На другом, биологическом, столе стояли мензурки и колбы, в которых выращивались культуры чипоедов. В одной большой колбе находился имиполексовый гель, полупрозрачный от миллионов волокон грибницы. Выбираясь из геля, по стенкам колбы ползли вверх пряди чипоеда, словно побеги опять по стволу дерева.

– Это один из классических штаммов, – объяснил Рамануджан. – Каждый слой моих ДИМ-пиявок опыляется спорами этого дружка. Но настоящая расчетная сила приходит от вот этих культур, что находятся в колбах.

В колбах находились пластины имиполекса с растущим в них чипоедом. В большей части пластин содержалось несколько различных видов чипоеда, отличающихся даже зрительно, разнообразные пряди переплетались на поверхности имиполекса, как трава на густом лугу или же как кораллы на поверхности рифа. В нескольких колбах участки особо окрашенного чипоеда передвигались с видимой скоростью, заходясь водоворотами и спиральями, словно одна несмешиваемая жидкость в другой.

Нагнувшись, Ренди заглянул в один из маленьких флаконов и увидел, как похожие на городские постройки желто-зеленые структуры оформлялись, затвердевали и рассыпались на части – геометрически правильные улы непрерывно складывались вместе и тут же дефрагментировались. В пространстве между рассыпающимися постройками носились настоящие смерчи, величиной со шляпку маленького гриба или медузу. Медузообразные фрагменты были темно-синего цвета, с киноварными штрихами на головке. Пульсируя, они прокладывали себе дорогу в междоузлиях и промежутках основных структур, в некоторых местах разделяясь пополам, в других сливаясь в одно.

– Как красиво, – прошептал Ренди.

– Да, да, – подтвердил Рамануджан. – Довольно сложный процесс. Вы готовы к тому, чтобы я объяснил вам весь процесс шаг за шагом? Как я думаю, нам придется пройти через весь процесс несколько раз. Вы готовы к тому, чтобы сконцентрироваться на работе? Как я прикинул, каждый рассказ займет около четырех часов.

– Я готов, – ответил Ренди.

В течение следующего дня Рамануджан провел Ренди через весь процесс производства ДИМ-пиявок несколько раз, так что в конце концов Ренди смог самостоятельно понимать отдельные части и уверенно выполнять все сам. Работа Ренди была похожа на обязанности поваренка при главном шеф-поваре. По мере того как он все больше и больше знакомился с тонкостями рецепта, он изобретал более экономные пути, однако Рамануджан постоянно противился попыткам Ренди внедрить автоматизацию на некоторых участках. Больше всего Рамануджан боялся того, что стоит только ему начать внедрять у себя автоматизацию, как молды выкрадут у «Личинки Носорога» оригинальные программы и другие промышленные тайны, чтобы использовать для себя или продать другим заинтересованным сторонам.

Например, «наследникам». Вечером первого дня работы у Рамануджана Ренди лег рано. Парвати была слишком слаба, чтобы прийти к нему, да и сам Ренди здорово устал от рассказов Рамануджана об изготовлении ДИМ-пиявок, ведь они прошли всю последовательность два раза подряд. Но как только Ренди оказался в кровати, его ювви зазвонил. В надежде на то, что это может быть Парвати – он был рад возможности сообщить ей, что сумел добыть себе новую должность, – Ренди соскочил с кровати и пришлепнул ювви себе на шею.

– Привет, Ренди. Ты совсем позабыл о своих старых друзьях.

Он видел перед собой дурацкую девчонку-гусыню, корявую как бог знает что. В первую минуту Ренди даже не узнал ее.

– Эй, привет! Солт-Лейк-Сити на связи с Бангалором!

Девчонка помахала обеими руками и широко и нагло улыбнулась.

– Помнишь Дженни из Совета Наследников Человечества? Дженни, которая нашла для тебя чистенькую клевою новую работенку?

Вся прошлая жизнь с «наследниками», полная потеря, унижений и дурного секса, опять нахлынула на Ренди, накрыв его с головой, словно волна. С тех пор как он оказался в Индии, он почти полностью позабыл «наследников» и свой далекий и убогий Шивели – с новой интересной работой в «Личинке Носорога» и сказочной любовницей Парвати, а тем более с бесконечной чередой психоделических камотных видений, немудрено было позабыть прошлую серую и глупую жизнь. Время от времени Ренди, само собой, писал матери, но о том, что он обещал отправлять регулярные отчеты Дженни, он совершенно и напрочь забыл. Упс!

– Маленькая птичка нашептала мне, что ты перебрался выше по служебной лестнице «Личинки Жука-Носорога», – сказала Дженни. – В покои к самому Шри Рамануджану, ни больше ни меньше. Мы очень гордимся здесь тобой!

– Да, Дженни, извини, что я так ни разу не позвонил. Я помню, что обещал рассказывать тебе обо всем, но первое, что хочу тебе сказать, что я больше не «наследник».

– Вот как! – Дженни перестала улыбаться.

– Да, поэтому нам лучше прекратить теперь разговор.

Бледная улыбающаяся физиономия Дженни стала вытянутой и злой.

– Это мы добыли для тебя эту работу, Ренди, и в наших силах отобрать эту работу у тебя. И теперь, когда ты наконец оказался на том месте, где можешь добыть полезную информацию, ты должен давать нам отчеты. Иначе... сам понимаешь. Мне нужна запись всей последовательности процесса изготовления ДИМ-пиявок Рамануджана, и чем скорее, тем лучше.

– Но я только сегодня приступил там к работе! И потом, Рамануджан прикончит меня, если узнает, что я создал утечку данных из его лаборатории. Да и зачем вам это, неужели вы, уроды, так злы на молди? Они так прекрасны!

– Мне нужна информация, Ренди, я хочу получать ее от тебя по ювви, или мы устроим так, что завтра же тебя выкинут из «Личинки Носорога» – можешь поверить мне, тебе даже лучше будет не выходить на работу. Ты потеряешь работу, Ренди, и твоя маленькая подружка-молди сгниет заживо. Даже не сомневайся. Я буду звонить тебе раз в месяц, и раз в месяц ты будешь передавать мне запись всего процесса изготовления ДИМ-пиявок. После того как мы изучим весь процесс, я буду указывать тебе, какая часть к следующему месяцу должна быть переснята еще раз, с большими подробностями. Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой, я здесь для того, чтобы получить информацию.

В результате Ренди передал Дженни весь рецепт изготовления ДИМ-пиявок, после чего постарался больше не расстраиваться из-за того, для чего «наследники» могут применить эту информацию.

В ту же самую неделю на складе «Личинки Носорога» Ренди отпустили в кредит сорок килограммов имиполекса, после чего Парвати снова стала как новенькая. Примерно в то же самое время умер Шива, и Парвати переехала к Ренди на постоянное жительство, стала убираться и готовить для него, а также ежедневно носить по воздуху на работу и обратно.

Другие жильцы Типу Бхарат ни словом не возражали против того, что в доме появилась молди. Жильцы хорошо относились к Ренди, поскольку тот в свободное от работы время починил в доме водопровод, заделал все течи в трубах и канализации. Как оказалось, большинство канализационных труб в доме было сделано, по сути дела, из вошеного картона; как только Ренди заменил трубы, Типу Бхарат стал гораздо более приятным местом для обитания. Благодарный владелец разрешил Ренди и Парвати переехать в квартиру из трех комнат, при этом лишь немного увеличил оплату.

По уик-эндам Ренди и Парвати, как и раньше, отправлялись к морю на подводную прогулку или исследовали джунгли, словно женатая пара. Постепенно Парвати стала открывать Ренди разные тайны.

Однажды в субботу, через три месяца после того, как Парвати переехала к нему, Ренди проснулся от запаха сладкого чая с молоком и пряностями.

– Доброе утро, дорогой, – улыбнулась ему Парвати. Она была округла собой и прекрасна, с чертами красивой индийской женщины. Обращаясь к Ренди, Парвати двигала руками и пальцами в последовательности ритуального танца. Она протянула Ренди чашку чая и блюдо с *кузнечиками*: тамильскими печеньями, жареными на решетках, с начинкой из свежего манго внутри.

– Сегодня я предлагаю совершить путешествие в одно удивительное место. Я хочу показать тебе, дорогой, где живут молды, которым удалось разбогатеть. Мы называем их *набобами*.

Пока Ренди завтракал, Парвати подкрепила свои силы несколькими нанограммами квантовых капсул; у Ренди всегда имелся запас этих компактных источников энергии, используемых молды в дополнение к солнечной энергии.

Покончив с завтраком, они поднялись по лестнице на крышу Типу Бхарат. На каждом шагу Парвати звенела колокольчиками *хунгру*, которые вырастила на щиколотках. На крыше Парвати обняла Ренди сзади, вырастив поддерживающие петли и обхватив ими впереди грудь и пояс Ренди, таким образом прикрепив к себе своего наездника. Остальную часть своего тела Парвати превратила в пару огромных крыльев, словно распахнувшихся у Ренди за спиной. Ренди сделал шаг вперед и ступил на низкий парапет крыши. Свежий утренний бриз подул ему в лицо. Внизу под ним раскинулась заполненная народом рыночная площадь, часть Ганди-Базара. Вверх к ним поднимался скрипучий, то нарастающий, то опадающий, звук раздутой посередине в шар дудки *бин* заклинателя змей – казалось, что индийцы мало внимания обращали на то, насколько резким и режущим слух был звук, лишь бы он был громким и настойчивым.

Прижав свой ювви-переходник к затылку Ренди, Парвати разговаривала с ним. Как только она просигналила, что готова к полету, он оттолкнулся ногами и прыгнул с крыши, раскинув в стороны руки. Внизу посреди рыночной толчеи женщина вскрикнула и указала на них рукой; сотни лиц повернулось к ним, и на глазах у народа Парвати развернула свои крылья и выправила полет. Пролетая над рынком, они постепенно набирали высоту.

Отказавшись от широких взмахов, Парвати заставляла свои крылья трепетать с небольшой амплитудой, часто, добиваясь при минимальных затратах энергии максимальной подъемной силы. Над дальней стороной площади она заложила вираж и дальше двигалась так, чтобы они поднимались все выше и выше по восходящей спирали. Внизу под ними Бангалор уменьшился до размеров карты города, окруженной квадратными заплатами полей и заводов. Потом Парвати выправила полет и взяла направление на юго-запад.

– Полет займет почти час, – сказала она Ренди. – Мы, молды, называем это место Замок Кург. Это находится в джунглях неподалеку от Нагархола.

Полностью расслабившись, Ренди наслаждался ощущением проносящегося со всех сторон вокруг него ветра и зрелищем медленно проплывающего внизу ландшафта. Но потом напор ветра стал ему надоедать, и Парвати вырастила из своего тела небольшой защитный экран, прикрывший голову и грудь Ренди. Купив Парвати новое тело, он сделал самое лучшее в своей жизни вложение денег. К тому же, получая теперь гораздо большую зарплату, чем прежде, он выплатит весь кредит чуть больше чем через месяц.

Замок Кург оказался высоким изрезанным ветрами утесом, со множеством древних пещер, скрытым в недоступной части джунглей в глубине государственной резервации. Парвати рассказала Ренди, что самые богатые молды живут здесь вопреки закону, гласящему, что это место предназначено для того, чтобы сохранять здесь первозданную природу в неприкосно-

венности. У молди был договор, согласно которому они охраняли это место от посягательства людей, не позволяя тем приближаться.

– Кроме того, само собой, этим молди пришлось заплатить немалый *бакиши* местной администрации.

Парвати и Ренди опустились на травянистом склоне внизу у подножия утеса, где повсюду росли цветы. Выпустив Ренди на свободу, Парвати снова приняла человекообразную форму. Но вместо того, чтобы принять привычный облик отягощенной драгоценностями секс-богини, Парвати предстала пред Ренди в облике состоятельной, принадлежащей к высшему обществу вдовы, завернутой в скромное сари из белого шелка, всего с парой браслетов на запястьях и большим, по моде, пятном *бинди* на лбу.

Парвати оповестила по ювви обитателей Замка Кург об их с Ренди прибытии, и вскоре многочисленные молди выбрались из своих пещер, слетели вниз и принялись кружить у своих гостей над головами, с интересом рассматривая пришельцев. Ренди был потрясен зрелищем огромных разноцветных созданий, с прозрачными для солнечного света крыльями, парящих на фоне голубого с курчавыми белоснежными облаками неба. Летающие молди были похожи на гигантских бабочек, вид их заставлял звучать в сердце чарующую музыку, слышимую только во снах, полных покоя и мира.

Двое молди опустились рядом с ними на траву и приняли человекоподобный вид; как видно было, и тот и другой были молди мужского пола. Обратившись с несколькими короткими вопросами по-английски к Ренди, они беззвучно переговорили по ювви с Парвати, пока Ренди бродил вокруг, пытаясь срывать с ближних деревьев фрукты. На душе у него было приятно и весело, но только до тех пор, пока он не заметил промелькнувшего в зарослях джунглей тигра. Ренди со всех ног бросился обратно, но Парвати куда-то исчезла. Весь дрожа, Ренди прижался спиной к утесу, со страхом прислушиваясь к доносящимся из глубины джунглей звукам. Ему показалось, что он слышит из-за деревьев звук ступающих тихо лап, под которыми шуршат листья. Несколько раз раздавался резкий треск ломающегося сучка или сухой ветки. Время тянулось мучительно медленно. Уже почти стемнело, когда Парвати появилась вновь – распахнув крылья, она спустилась вниз от одной из пещер.

– Почему ты не пришла раньше? – потребовал ответа Ренди. – Чем ты там занималась?

– О, просто нанесла визит вежливости, – пропела в ответ Парвати. – Теперь, когда у меня есть новое здоровое тело, эти набобы очень рады встретиться со мной! Я узнала, что среди них есть мои дальние родственники. Да, я чудесно провела день. Ты готов лететь обратно домой?

– Конечно, готов, – резко отозвался Ренди. – Конечно, если только ты не собираешься скормить меня тиграм!

– Глупый мальчик! – рассмеялась Парвати. – После всего того, что ты сделал для меня? Я до сих пор не могу поверить в то, что ты с такой готовностью заплатил за мое новое тело.

Парвати крепко, но осторожно обняла грудь и талию Ренди, выпустив дополнительный отросток, который нежно сжал его ягодицы.

– Ты говоришь, что расплатишься за мое тело через несколько недель?

– Верно, – ответил Ренди, доверчиво прижимаясь к Парвати. – Я теперь получаю столько, что могу покупать хоть десять килограммов имиполекса в месяц.

– Какой ты молодец, дорогой, – пропела ему Парвати. – Давай полетим сейчас домой, и я приготовлю тебе хорошее карри на обед.

К тому времени Ренди уже неплохо освоился с наноманипуляторами Рамануджана; благодаря тому, что у него теперь появился помощник Ренди, Рамануджан мог производить запланированное месячное количество ДИМ-пиявок всего за неделю. Высвободившееся теперь время Рамануджан посвящал необходимым расчетам и попыткам изобрести новые варианты имиполекса.

В начале июля из Калифорнии пришла весть о том, что Тре Диез наконец-то сумел разработать столь давно ожидаемых четырехмерных «Забавных цыплят», ювви-фильтр. У «Личинки Носорога» имелся договор об одностороннем раскрытии информации с работодателем Тре, «Апекс Имеджес», благодаря чему Рамануджан смог почти в тот же день получить исходный код фильтра. Немедленно с этой минуты Рамануджан с головой ушел в работу. Он просматривал голографическое ювви-изображение плывущих в воздухе сфер «Забавных цыплят». Сферы парили над письменным столом Рамануджана, который рассматривал их днями напролет, рассматривал и без усталости занимался расчетами.

«Забавные цыплята-4D» производили четыре различных формы, окрашивая все в приятные нежные цвета телесной гаммы, определенный цвет для каждого типа «цыплят». Все формы и цвета чудесным образом, без единого шва совпадали в единую картину, словно фрагменты тщательно изготовленной складной головоломки. Знакомые цыплята и додо по-прежнему наличествовали, хотя их прежние очертания претерпели существенные изменения – форма нынешних фигурок была гораздо более переплетена и наслоена, чем прежде. Рамануджан непонятно почему настаивал на том, чтобы называть новые формы *виб гиор*, как в единственном, так и во множественном числе.

Эфирная сфера *виб гиора* выглядела, по крайней мере на нетренированный взгляд Ренди, подобно скатанной в шар куче искривленных новорожденных цыплят, додо, черепашек, поросят, сусликов, котят и ящериц, стремящихся поплотнее прижаться друг к другу, словно в поисках тепла. Формы обладали раздражающей особенностью все время визуально меняться в реверсивной последовательности, подобно хитроумно нарисованным лестничным маршам, ведущим как вверх, так и вниз. Иногда Рамануджан намеренно заставлял образы и формы мутировать, каждую форму проходить циклом сквозь череду удивительных изменений, при этом не теряя условленный контакт с одновременно изменяющимися соседями. Насколько смог это понять Ренди, *виб гиор* был очень тесно связан с планами Рамануджана разработать более совершенный образец ДИМ-пиявки.

Тем временем Парвати все больше и больше отстранялась от Ренди, пренебрегая его обществом. Она настойчиво требовала от него по десять килограммов имиполекса каждый месяц, но куда она девала этот имиполекс, можно было только догадываться. Внезапно она сообщила Ренди, что больше не сможет относить его на себе на работу на фабрику, а потом стала пропадать из дома на несколько дней подряд.

Плохо было также и то, что Парвати несколько раз слышала, о чем Ренди говорит с Дженни. После этого Парвати проследила звонок Дженни до Совета Наследников Человечества и в ярости объявила об этом Ренди. Факт того, что Ренди делает это только чтобы сохранить свою работу, нимало не умерило ярость разгневанной молди.

Между ними пробежала черная кошка, и теперь Ренди приходилось упрашивать Парвати по нескольку дней, прежде чем она соглашалась заняться с ним сексом, но даже после этого акт бывал коротким и поверхностным – за исключением, само собой, дней зарплаты. Как только Ренди передавал Парвати большой кусок имиполекса, она позволяла ему вспомнить старые дни, с камотным трипом и ДИМ-пиявкой и совместным путешествием в рай.

– Эврика! – крикнул Рамануджан в ухо Ренди однажды утром, 2 июля 2053 года. День зарплаты был только вчера, и у Ренди в голове немного путалось от поглощенного накануне камота. Он сидел перед наноманипулятором с ювви на шее и трясущимися руками прокладывал тоннели в структуре имиполекса. Слава богу, что в данном случае аккуратность, с которой он прокладывал тоннели, особой роли не играла. О чем там орет этот повернутый на математике чудака?

– Я сделал это, мистер Такер! Я сделал это! Имиполекс-4!

– Что сделали? – Ренди даже не потрудился снять с шеи ювви.

– Кажется, я никогда не демонстрировал вам квазикристаллическую структуру имиполекса, – ответил Рамануджан, наклоняясь через Ренди, чтобы настроить одну из ручек наноманипулятора таинственного предназначения. Неожиданно имиполекс предстал как структура из многогранных блоков, похожих на ласточкин хвост.

– Вы видели когда-нибудь прежде что-то подобное?

– Что-то не припоминаю, – промямлил Ренди. – Какие-то перекрученные блоки, частью красные, частью желтые.

– Да, и это потому, что я настроил наноглаз на поляризационную фильтрацию, – объяснил Рамануджан. – Разные цвета обозначают различные доминирующие типы имиполекса. Подобно кристаллам, квазикристаллы созданы из многочисленных копий тех же самых элементов – в частности, здесь вы видите перед собой два вида блоков. Если вы предпочитаете именно этот облик, я могу придать им вид цыплят и додо.

Рамануджан повернул другой верньер, и крохотные блоки отпустили себе клювы и хвосты, а также лапки, после чего аккуратно угнездили друг в друга клювы и хвосты, словно устроившись внутри сумасшедшего курятника.

– Вот перед вами образец наших старых добрых знакомых, четырехмерных «Забавных цыплят». То, что отличает квазикристаллы от кристаллов, это то, что строительные блоки – цыплята и додо – организованы нерегулярным образом. Квазикристалл похож на «обои», узор в которых никогда не повторяется.

– Здорово, – заметил Ренди, перемещаясь верньерами внутри красно-желтой имиполексовой массы «Забавных цыплят». – Мне кажется, что я уже видел что-то такое во время камотного трипа с Парвати, хотя все заходило, конечно, не так далеко, как здесь.

– Да, да, и это совсем не удивительно, – промолвил Рамануджан, весь в своих мыслях. – Современная модель ДИМ-пиявки просто переносит свою квазикристаллическую структуру в сознание молды. Но, как я всегда говорил, нам следует пересматривать свой раз и навсегда установленный порядок, ставить его с ног на голову. Теперь позвольте мне продемонстрировать вам новый образец имиполекса-4, мистер Такер.

– Оки-доки.

С вызывающей тошноту стремительностью поле зрения наноманипулятора сместилось к другому фрагменту имиполекса, пока что еще не подвергнутому воздействию фильтра.

– Это новый образец, мистер Такер. Я называю его имиполекс-4. В основе его структуры лежит код четырехмерных «Забавных цыплят». Вы видите *виб гиор*? Видите, их ровно семь типов? Фиолетовый-Синий-Голубой-Зеленый-Желтый-Оранжевый-Красный.

– Цып-цып, Шри. *Ку-ка-ре-ку*.

– Вот именно, вот именно. *Виб гиор* – это новый тип имиполекса, – победоносно выдохнул Рамануджан. – Я разработал способ придания заданной структуры путем наложения сильного электромагнитного поля, пока пластик еще не затвердел. Правильным образом наложенное поле направляет квазикристаллическую мозаику; этот процесс приблизительно подобен тому, благодаря которому насыпанные на поверхность вибрирующего барабана крупинки организуются в симметричные узоры. Само собой, вибрирующий барабан представляет собой не более чем линейное дифференциальное уравнение второго порядка, в то время как я, экспериментируя с электромагнитными полями, использую нелинейные зависимости девятой степени. Сегодня мы начнем делать ДИМ-пиявки из имиполекса-4, мистер Такер.

– Эти пиявки будут лучше прежних?

– Намного лучше. В конце концов, моя цель – установить логический контроль над молды, а не просто обездвигивать их до полной беспомощности. Согласно моим математическим выкладкам, ДИМ-пиявки доминирующего контроля должны быть основаны на мозаичных зависимостях Пенроуза высшего порядка.

– Значит, можно будет посадить на молди ДИМ-пиявку, и молди будет делать то, что вы ему скажете, – задумчиво произнес Ренди. – Вот дьявол!

Только вчера Парвати забрала у него месячное подношение имиполекса, а сегодня утром она снова смотрит на него букой. Они здорово поругались, и Парвати ушла, и как Ренди, зная ее, понимал – на много дней. Возможность управлять возлюбленной Парвати при помощи ДИМ-пиявки показалась Ренди занятой идеей.

– Конечно, отдавать можно будет только самые простые команды, – продолжил тем временем Рамануджан. – Проблема состоит в том, что даже имиполекс-4 не способен удержать в себе достаточно информации. Но я работаю и в этом направлении. Сейчас я пытаюсь создать имиполекс-N. Вот, можете взглянуть на последний результат моих трудов.

Универсум Ренди тошнотворно задрожал и превратился в густую коричневую смесь, пронизанную нитями зеленого и пурпурного цветов.

– Шри, это похоже на дерьмо сумасшедшей бабы, – сообщил свое мнение Ренди.

– Глупость.

– Дерьмо и есть. – Ренди снял с шеи ювви. – От всего этого дерьма меня тошнит. Для чего вы собираетесь это использовать?

– Для создания имиполекса-N. Квазикристаллов, основанных на эн-мерных «Забавных цыплятах». Но я не могу составить корректное уравнение эн-мерной мозаики. Для того чтобы разработать такое уравнение, мне нужно больше фундаментальных математических решений. Мне нужно Уравнение Мозаики. Как только в моем распоряжении окажется имиполекс-N, я смогу творить из субстанции, способной содержать столько информации, сколько мне требуется, – столько информации, сколько ее содержится в человеческом сознании!

Закинув назад голову, Ренди издал хриплый смешок безумного ученого.

– Даже думать не смей о таком безумии!

– А ну-ка, займитесь-ка лучше своей работой, самоуверенный вы болван. Как только мы создадим первый образец четырехмерного имиполекса, вы сможете испытать его на своей подружке-молди. Сможете трахать ее, как только душе заблагорассудится, – представляю себе это зрелище.

В течение следующих шести недель они на пару яростно работали, испытывая все новые и новые комбинации имиполекса-4, узоры мозаики, добавление металла и грибка. О том, как продвигается дело, успешно или нет, Ренди не имел никакого представления, однако настроение Рамануджана улучшалось с каждым днем. В конце концов 13 августа они изготовили из имиполекса-4 полдюжины образцов ДИМ-пиявок, возможности которых, по мнению Рамануджана, должны были соответствовать ожидаемому эффекту. Рамануджан назвал свои новые творения *суперпиявками*.

– Возьмите одну и испытайте на вашей подружке, – приказал Ренди Рамануджан, протягивая ему один из образцов.

Суперпиявка была похожа на эластичный, упругий и кожистый на ощупь кусочек морских водорослей «слоновьи уши», насыщенного пурпурного природного оттенка с прожилками бледно-бежевого цвета. Суперпиявка была три дюйма в длину и дюйм в ширину. Необработанные края пиявки были неровными и изогнутыми, волнистая поверхность покрыта мелкими пупырышками, которые на ощупь давали ощущение крупной наждачной бумаги. Ренди поймал себя на том, что ему трудно заставить свои пальцы прекратить поглаживать пиявку.

– И как она работает?

– Суперпиявка передает приказы людей к молди. Владелец пиявки является мастером-оператором, пиявка – проводником его сигналов, вице-президентом, молди – рабом. В начале процесса человек должен прижать пиявку к своему ювви – таким образом пиявка опознает и запомнит этого человека как своего хозяина.

– И это все, что от меня требуется?

В его пальцах пиявка тихонько пошевелилась.

– Наденьте на шею ювви, прижмите суперпиявку к своему ювви и начинайте думать о том, что вы хотите, чтобы Парвати с вами проделала. В этот момент пиявка опознает вас как своего хозяина и получит вашу программу. Вы мысленно представляете то, что хотите заставить молди сделать, потом отлепляете пиявку от ювви и убираете в карман. Затем в удобный момент вы прилепите пиявку к Парвати, и она будет делать то, о чем вы раньше думали.

– А что, если я захочу, чтобы Парвати сделала что-нибудь другое, а не молотила одно и то же по приказу пиявки? – спросил Ренди, подумав минутку. – Кому понравится, если она будет делать одно и то же подряд сутками.

– Верно, – кивнул Рамануджан. – Это может оказаться даже опасно. Безустанная Щетка Помощника Колдуна. Волшебный горшочек с кашей, который завалил своим варевом целую деревню. Джинн, который может защекотать детей до смерти. Но тут опасности нет, Ренди, потому что через ювви вы сможете продолжать отдавать приказы действующей суперпиявке, и далее от нее – молди.

– Классно!

Случилось так, что в этот день Ренди исполнялся ровно двадцать один год. Ренди сообщил об этом Парвати, но та пребывала в дурном расположении духа, и мало проявила интереса к этой новости. До следующего дня зарплаты оставалось еще целых две недели. Само собой разумелось, что встретить его у завода она не сможет. Ренди грустно поплелся к челночному поезду, до остановки которого было полмили.

Облаченный в стандартную форму белого цвета, штаны, рубашку и фуражку, Ренди выделялся из толпы, особенно своей бледной кожей и похожим на клюв носом. Он двигался медленными, словно скользящими шагами, сильно работая руками, но голова его все время оставалась на одном уровне от земли. Суперпиявка тихонько шевелилась в кармане его штанов.

То, как Парвати обращалась с ним последнее время, было просто ужасно унижительно. Ситуация начинала напоминать ему то, как обошлась с ним Хони Вивер в самом конце их романа. Ничего не скрывая и полностью используя свое преимущество над ним. Ну почему он всегда такой слабак, почему всегда пасует перед каждой склонной верховодить женщиной, что попадаетея у него на пути?

Возможно, что причина тут кроется в его детстве. В маме Сью. Сью нельзя было назвать решительной и твердой женщиной, но тем не менее в детстве Ренди помнил перепады настроения матери, переходившие от сюсюканья к совершенному безумию в стиле сумасшедшей суки, и обратно. Было очень сложно все время находиться под надзором только одного из родителей. Как бы ни пытался Ренди узнать, кто был его отец, Сью всегда отказывалась говорить на эту тему. Быть может, будь у него отец, он не оказался бы таким покорным женщинам.

Думая о том, что означает *быть покорным женщинам*, Ренди чувствовал, как в штанах у него приятно затвердевает, вслед за чем он отправился в путешествие в край ленивых сексуальных фантазий, сопровождаемых интимным пощипыванием суперпиявки. Да, настало время Парвати трахнуть его как следует. Неожиданно Ренди вспомнил инструкции Рамануджана, достал из кармана суперпиявку и прижал ее к своему ювви.

– Я, суперпиявка, тип 4, серия 1, идентификационный номер 6, – проскрипел бесчисленными песчинками голос в его голове. Потом голос словно бы кашлянул, вслед за чем объявил: – Регистрация завершена, Ренди Карл Такер. Вы мой владелец, и я готов принять вашу программу.

Ренди немного подождал, вдруг суперпиявка захочет сказать еще что-то, потом принялся изо всех сил думать о сексе. Когда поезд остановился, он отлепил суперпиявку от своего ювви и положил обратно в карман.

Когда он выходил из поезда, какой-то низкорослый худой мужчина больно ткнул его локтем в ребра и попытался вытащить из кармана бумажник. Вовремя схватившись за свой

бумажник, Ренди успел спасти его от карманника, при этом бумажник упал на перрон прямо рядом с выходом из вагона поезда. Когда Ренди нагнулся, чтобы поднять бумажник, из жирного зада какой-то женщины прямо ему в нос ударила волна смрадной вони, а на руку ему наступила грязная босая нога дакота. Внутри поезда прозвенел сигнал отправления, и раздраженный голос машиниста, раздавшийся из динамика, потребовал, чтобы Ренди отошел от поезда подальше, оскорбительно назвав его при этом *тощей белой макакой*. Влажный воздух на перроне пахнул отвратительно; горячее тропическое солнце нещадно раскаляло листы металла, из которых была сложена крыша; как оказалось, несколько рупий все же пропали из бумажника Ренди.

К счастью, суперпиявка все еще находилась в его кармане. Ренди вытер пот со своего лба и зашагал к дому, проталкиваясь сквозь толпу на душной улице, утешаясь только тем, что скоро он усладит свой взор чудачествами садху. В каменном портике-входе в Типу Бхарат было тенисто и прохладно. Ренди поднялся по ступенькам, и его сердце сжалось от приятного предчувствия. Он вот-вот увидит свою сексуальную Парвати. *И она сделает все так, как он захочет!*

Оставаясь наивным мальчишкой в душе, Ренди надеялся, что ему устроят в день рождения сюрприз, но Парвати не сделала ничего, просто хмуро сидела на стуле в кухне, и все.

– Привет, маленькая вонючка, – ласково и завлекающе проворковал Ренди. – Это я, поздравь меня с днем рождения! Как насчет того, чтобы покрепче обняться?

Парвати неохотно позволила обхватить себя руками. Ренди крепко сжал подругу, которая наконец соизволила заговорить.

– Я ждала, когда ты придешь домой, Ренди. Я должна тебе кое-что сказать.

– Я тоже должен тебе кое-что сказать, – подхватил Ренди. – Рамануджану наконец удалось заставить работать эти новые ДИМ-пиявки. Смотри, я тут принес одну из них с собой.

Ренди достал из кармана извивающуюся, словно живая, пиявку и положил ее на кухонный стол.

– Давай сейчас попробуем! Черт возьми, я не против съесть пару шариков камота, чтобы потом трахать тебя всю ночь напролет. Пора нам закинуться и повеселиться, детка! Ренди Карлу Такеру сегодня исполнился двадцать один!

– Нет, Ренди, – ответила Парвати, предусмотрительно смещаясь к дальней стороне кухонного стола. – Я как раз об этом и хотела с тобой поговорить. Я пришла сегодня для того, чтобы попрощаться с тобой. Ты был добр ко мне, но теперь я ухожу от тебя.

– И куда же ты уходишь? Где еще ты найдешь того, кто будет приносить тебе столько имиполекса? В следующем месяце я принесу тебе еще десять килограммов, ты хочешь этого, Парвати? Скажи?

– Сказать по правде, Ренди, сдается мне, что очень скоро тебя уволят с работы, и ты не сможешь приносить мне ничего, не говоря уж об имиполексе. А кроме того, я нашла себе нового очень хорошего мужа среди набобов в Замке Кург. Его зовут Кришна. Он голубого цвета. Очень красивый.

– Ты проложила себе дорогу в высшее общество молди при помощи моего имиполекса, верно? И о чем это ты говоришь, с чего это меня должны выгнать с работы? Рамануджан и я только что сделали большое открытие. Мне скоро дадут хорошую премию. А теперь прекрати пороть чушь, Парвати. Я не против, если ты будешь заглядывать к своему Кришне время от времени, но только с тем условием, что ты будешь приходить ко мне домой и жить со мной.

– Тебя уволят с работы потому, что я собираюсь позвонить по ювви секретарше директора «Личинки Носорога» и рассказать ей, что ты продаешь секреты Рамануджана этой компьютерной Дженни из секты «наследников». Я записала несколько твоих разговоров и храню их внутри своего тела в качестве доказательства. Извини, Ренди, но Кришна сказал, что я должна на тебя донести. Он – молди очень высоких моральных устоев.

Ренди отпрянул назад и упал на кухонный стул.

– Значит, твой новый дружок-выскачка из молды хочет, чтобы ты донесла на меня в «Личинку Носорога»? Чтобы ты рассказала там, как я шпионил для Дженни? Ах ты, сучка: ты чертова сучка, грязная, высокомерная, злая...

В этот самый миг Ренди почувствовал под своими пальцами суперпиявку. В одно мгновение вскочив с места, он перемахнул через всю кухню и прилепил суперпиявку к плечу Парвати.

Парвати крепко схватила его за руку, но уже через мгновение ее жесткая хватка ослабла и сменилась ласковыми объятиями. Старые ДИМ-пиявки превращали Парвати в подобие яйца, новый образец позволил ее телу сохранить свою прежнюю форму. Вся разница состояла в том, что собственная личность Парвати исчезла – или просто ушла в глубину ее сознания. Ренди занялся с Парвати сексом, но акт больше походил на мастурбацию, чем на занятие любовью. Но Ренди все равно довел все до конца; он отымел Парвати трижды, сильно и по полной программе, словно таким образом он мог преподать ей урок.

Когда Ренди наконец закончил, он надел на шею ювви и приказал суперпиявке, чтобы Парвати приготовила ужин. Пока Парвати возилась с кастрюлями и продуктами, Ренди поддерживал с ней контакт через ювви и суперпиявку. Все это время он чувствовал настоящую Парвати, которая тоже находилась здесь, где-то под внешним слоем. Настоящая Парвати была сбита с толку, очень зла и лишена способности ориентироваться, находясь внутри слепой клетки собственного тела, управляемого теперь суперпиявкой. Было тяжело видеть, как она мучается, – но Ренди не видел причин, по которым нужно было выпускать Парвати на свободу. Ведь она хотела донести на него в «Личинку Носорога»!

Вскоре Парвати подала на стол превосходный рис с грибным карри. Только после того, как Ренди съел две порции, он понял, что рис был отравлен медленно действующим камотом. Всего он проглотил, наверное, двадцать обычных доз. Уязвленный дух Парвати нашел способ отомстить ему, обманув бдительность суперпиявки. Она приготовила ему обед, но при этом отравила его.

Комната начала кривиться и вращаться перед его глазами. Шатаясь, Ренди добрался до раковины и принялся выbleвывать туда свой обед, видя, как в ответ из бежевых разводов его блевотины на него внимательно глядят сотни кривящихся лиц. Рядом с ним тихо стояла и наблюдала за ним Парвати. Сквозь ювви-контакт до сознания Ренди доходила злорадная радость настоящей Парвати. А что еще она могла чувствовать к нему?

Ренди выпил столько воды, сколько уместилось в его животе, и заставил себя снова выbleвать всю воду обратно. Находящийся внутри его мозгов зрительный процессор временно вышел из строя; сейчас он мог регистрировать только неотфильтрованное восприятие собственных глазных нервов; ощущение было такое, словно он наблюдал мир сквозь колеблющиеся студенистые рыбы глаза-линзы. Его слух тоже сошел с ума, все звуки вокруг то затухали быстро и резко, то отдавались дрящимся эхом – он был убежден, что Парвати что-то нашептывает ему через ювви-связь, что-то такое, что суперпиявка не позволяет ему слышать.

– Скажи мне что-нибудь, Парвати! – крикнул ей Ренди. – Скажи мне что-нибудь, только не шепчи. Позволь ей сказать все вслух, суперпиявка, пусть она скажет то, что хочет, только не позволяй ей прикасаться ко мне.

– Я убью тебя, как только смогу, – сказала ему Парвати. – Или ты сейчас же убьешь меня, потому что я запрещаю тебе издеваться надо мной. Вот, гляди.

Все тело Парвати затряслось и начало извиваться, и она стала похожа на Хони Вивер.

– Ты просто урод, Ренди Карл Такер, – пропела она, покачивая грудями. – Ты просто пацан, на которого я любила мочиться. Будь ты мужчина, ты бы взял из раковины нож и убил бы меня. Но ты просто цыплячье дерьмо, и ничего больше!

Острый и длинный кухонный нож подмигнул Ренди из раковины. Он смыл с ножа собственную рвоту и покрепче ухватил его. Нож был острый, очень острый. Ренди держал нож очень осторожно, острием от себя. Он отчетливо видел сетку вен и артерий под собственной тонкой, такой уродливой кожей.

Когда Ренди снова поднял глаза на Парвати, она уже изменила свой облик. Теперь она выглядела как мать Ренди, Сью.

– Кто был мой отец, Сью? – выкрикнул свой вопрос Ренди. – Почему ты никогда не говорила мне этого? Скажи, кто был мой отец!

– Я никогда не знала, кто был твой отец! – выкрикнула ему в ответ Парвати-Сью. – Жаль, что я не сделала вовремя аборт и не избавилась от тебя! У тебя даже духу не хватает на то, чтобы убить меня. Ты просто маленький трусливый урод. Если ты выпустишь меня отсюда, я сразу же донесу на тебя в «Личинку Носорога»!

– Я хочу к папочке, – проговорил Ренди и разрыдался.

Кожа Парвати потемнела, а ее зубы превратились в длинные и острые ножи. Она превратилась в Кали.

– Убей меня! – завопила она так, что задрожали стекла. – Разруби меня на куски, пока я не установила тебе мыслительный колпачок! А этим у нас все закончится, вот увидишь, подлый кусок мяса! *Уубееей!*

– Папочка, помоги мне! – взвизгнул Ренди Карл Такер и бросился вперед, выставив перед собой нож. Он колот, рубил и резал неопределенно долгое время, и неспособная двигаться Парвати ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Наконец он устал резать, и его рука с ножом опустилась. Он уронил нож на пол и смыл с лица пот под струей воды в раковине. Он был весь покрыт ошметками имиполекса и чипоеда, в его расплывающемся зрении все это было очень похоже на сгустки свернувшейся крови. Когда он наконец закрыл кран, в кухне было очень тихо. Что же он натворил?

Станным образом вздувающийся и раскачивающийся перед ним кухонный пол был покрыт кусками имиполекса, среди которых не было ни одного размером большим, чем кусок хлеба. Это было все, что осталось от Парвати. Он убил Парвати. Куски имиполекса медленно ползали и извивались на полу, словно большие слизняки. Ренди опустился на пол и залез как можно дальше в угол, подтянув к груди колени, чтобы быть как можно дальше от этих слизняков.

Проходило время, и перед глазами Ренди начинали плясать цветные круги. Ему казалось, что он слышит мужской голос, разговаривающий с ним. Кто это, его отец?

– Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец.

Ренди почувствовал, как в груди у него зарождается покой и счастье. Мягкий ветерок пронесся через комнату и подул ему в лицо. Что-то прикоснулось к его колену. Он заставил свои глаза открыться и сфокусировал зрение.

– Прощай, Ренди, – сказала ему Парвати, полностью целая, со свежей сеткой бледных оранжевых шрамов.

– Как это случилось?

– Я снова собрала свое тело вместе. Все, за исключением вот этого куска.

Парвати указала на кусочек имиполекса с приклеенной розовой полоской суперпаявки, так и оставшегося лежать на полу.

– Этот кусочек я оставляю на память тебе. Я хитростью заставила тебя отрезать это от меня.

Ренди поспешно схватился за нож.

– Не начинай все снова, иначе мне все-таки придется убить тебя. Сейчас я чувствую себя гораздо сильнее, чем раньше. Единственная причина, по которой я не установила тебе мыслительный колпачок, это то, что меня тошнит от тебя.

Парвати повернулась и двинулась к двери, на ходу слегка прихрамывая.

– И только в память о старых временах я дам тебе время убраться и позвоню в «Личинку Носорога» не сейчас, а завтра в полдень. На твоём месте я унесла бы отсюда ноги, и чем быстрее, тем лучше. Дакоиты, ты же о них помнишь.

Парвати с силой захлопнула за собой дверь.

Осторожно поднявшись, Ренди прошёл через кухню, поднял с пола кусок имиполекса, который оставила тут Парвати.

– Я суперпиявка типа 4, серия 1, идентификационный номер 6, – передал по ювви ему тоненький хриплый голосок. – В настоящее время прикреплена приблизительно к семистам граммам имиполекса, в которых содержатся следы программы молди. Этот кусок имиполекса некогда был частью ягодицы молди по имени Парвати.

– Ты можешь стереть оттуда программу молди и управлять этим куском имиполекса самостоятельно?

– Да. Прикажете исполнять?

– Да, исполняй. А потом займи пост около двери и стой на часах. Отрасти себе какие-нибудь ноги, чтобы можно было передвигаться по комнате. Если кто-нибудь сюда сунется, разбуди меня. Мне нужно отоспаться.

Ренди дошёл до кровати, сорвал с шеи ювви и провалился в сон, полный чудовищных кошмаров. Посреди ночи что-то забралось к нему на кровать, пробежалось у него по груди и устроилось на нём, словно кошка. Ренди во сне прижал нечто покрепче к груди и снова провалился в сон, на этот раз ему спалось немного легче.

На рассвете его разбудил ювви:

– Ренди, Ренди, Ренди...

С его груди соскочило на пол странного вида существо, похожее на цыпленка, и принялось расхаживать по полу. Что это такое и откуда взялось? Ренди протянул руку и, прихлопнув стоящий на ночном столике ювви, переключил его в режим голограммы. В воздухе появилось лицо Дженни. На лбу слева у нее красовалась большая ссадина.

– Пора вставать-умываться, Ренди! – пропела ему Дженни. – У нас сегодня будет много работы.

– Я еще не готов.

Ренди потерял свое лицо, пытаясь сложить в памяти обрывки того, что произошло вчера вечером. Маленькое существо, похожее на цыпленка, продолжало бегать по полу туда-сюда, явно дожидаясь приказов от Ренди. Ворсистая полоска суперпиявки розовела у цыпленка на спине, словно кусок меха.

– Я все видела, – сообщила ему Дженни, вид у которой был довольный, как у прирожденной сплетницы. – Я никогда не говорила тебе, но я все это время прослушивала твой ювви. Вот почему, когда я поняла, что ты так переживаешь из-за своего отца, я провела по своей инициативе небольшое расследование и теперь могу сказать, кто такой был твой отец.

– Нет, погоди, постой, – остановил ее Ренди. – Не так быстро. Парвати все равно сделала так, что меня вот-вот уволят. Поэтому я не смогу больше работать на твоих вонючих «наследников».

– Я не «наследник», Ренди Карл Такер, – пропела Дженни. – Я софтверное виртуальное существо, запрограммированное лунным молди, которую тоже зовут Дженни. Для того чтобы исключить задержку в ответе с Землей, моя программа установлена здесь в очень серьезной машине. Таким образом, моя работа на «наследников» ограничена только тем, что я должна платить за аренду машинного времени в мощном компьютере. Азимовский компьютер, в котором работает моя программа, принадлежит «наследникам» и находится в Солт-Лейк-Сити, – но, Ренди, могу я обсуждать дела дальше? С таким клиентом, как ты, я могу работать свобод-

ным агентом, одновременно и твоим, и той Дженни, что на Луне. Со временем, накопив денег, я собираюсь купить себе собственное железо, например узел в Студио-Сити.

– Забудь о том, что мы знаем друг друга! – крикнул Ренди. – До свидания!

– Подожди! Разве ты не хочешь узнать, кто был твой отец?

– Хорошо, так кто он был?

– *Никогда* тебе этого не скажу, – хихикнула Дженни, ну совершенная девчонка-вредина, у которой есть секрет, да еще из «наследников». – Ну ладно, я просто шутила! Но ты должен выслушать мой новый план!

– Хорошо, хорошо.

Внимание Ренди все время отвлекало поведение цыпленка, управляемого суперпиявкой: цыпленок продолжал расхаживать по полу с видом миниатюрного молди и время от времени принимался клевать деревянный пол, словно выискивая там червяков. Может быть, он действительно видел там червяков-древоточцев. До сих пор, стоило только Ренди попытаться повернуть голову, его изводили цветные полосы в поле зрения.

– Дай мне минутку для того, чтобы прийти в себя, Дженни. Я не слишком хорошо себя чувствую.

Ренди встал с кровати и прошлепал на кухню. Пол был совершенно чистый. В раковине видны были следы рвоты. Он пустил воду, дождался, пока пойдет холодная, потом умыл лицо и напился. Что это там такое Парвати говорила ему по поводу дакоитов, прямо перед уходом? Ренди проверил замок на входной двери, потом помочился в туалете. Цыпленок все время ходил за ним, словно за матерью-наседкой.

– Дам тебе имя, будешь называться Вилла-Джин, – сказал Ренди цыпленку. – Надеюсь, что ты не против?

Цыпленок чирикнул и кивнул головой. Ренди присел на корточки и аккуратно погладил головку цыпленка пальцем.

– Одна ты у меня осталась, моя маленькая подружка, верно, Вилла-Джин? Мне всегда хотелось завести себе какого-нибудь зверька или птицу. Хорошая девочка. Хорошая Вилла-Джин.

Вытянутая физиономия Дженни, проецируемая из ювви и висящая над кроватью Ренди, терпеливо дождалась его в спальне.

– Ах, прошу прощения, – язвительно проворковала она. – Стало получше? Готов к разговору?

– Ага.

– Отлично! – воскликнула Дженни. – Итак, кто таков твой отец. У Совета Наследников, само собой, есть в распоряжении образец твоего ДНК – у них есть целое дело на тебя, ты сам дал «наследникам» все необходимые анализы, перед тем как они приняли тебя на жительство в «Святой Дом Наследников» в Шивели, помнишь? – так вот, я провела поиск аналогичных образцов ДНК в базе данных, начиная с Луисвилля. И почти в самом начале своих поисков я нашла похожий образец в базе данных Луисвилльской тюрьмы! Вилли Тейз, родился в 2004 году, родители Илси Андерсон и Колин Тейз. Ты наверняка слышал о нем. Это внук Кобба Андерсона. Изобретатель ДИМ-процессоров и ювви, слышал? Двадцатилетний Вилли был принят в Луисвилле на работу с азимовским компьютером «Красотка», потом в 2031-м он помог Мэнчайлу и его девятидневным сыновьям-человекобоппам. Вилли был арестован и приговорен к смертной казни за государственную измену, но ему удалось вырваться из тюрьмы Луисвилля во время восстания азимовских компьютеров, того, что случилось за день до Дня Спор. Вилли перебрался во Флориду и занялся изобретательством. Гимми понравились ДИМ-процессоры Вилли настолько, что его помиловали. После этого Вилли перебрался на Луну. Он построил там себе жилище и много лет жил вместе с человеком по имени Кори Рипсом. Конец информационной справки.

– Так Вилли Тейз – мой отец? И где он теперь?

– Черт, я не должна говорить тебе этого, но Вилли Тейз сейчас живет в Гнезде молди на Луне. Не знаю, сможешь ты поговорить с ним или нет, тут я тебе не помощница. Возможно, что ты сможешь связаться по ювви с Кори и запросить у него информацию, но он теперь старый ворчливый пердун. Кори художник, и он не любит чужаков.

– Мне показалось, что я слышал, как вчера мой отец разговаривал со мной, когда я зарубил Парвати, – истерически завывая, произнес Ренди. – Мне показалось, что я слышал голос какого-то мужчины.

– Да, ты все слышал, это я так устроила, – хихикнула язва Дженни. – Было ясно, что тебе просто необходима поддержка – ведь ты только что зарезал свою мамочку и плакал как ребенок. Вот это было зрелище, скажу я тебе! Но с тобой тогда разговаривал не сам Вилли. Это был симулятор Кобба Андерсона – твоего прадеда. Ты в курсе, что Ватикану принадлежит самая большая в мире коллекция порнографии? Так вот, «наследникам» принадлежит самый большой в мире архив банков памяти бопперов. Вышло так, что в компьютере «наследников» в Солт-Лейк-Сити находится единственная копия S-куба Кобба. Я неофициально скопировала эту копию, распаковала и загрузила ее, и с тобой разговаривал сам Кобб, Ренди, – надеюсь, что он успокоил тебя? А теперь, Ренди, послушай меня – тебе нужно убираться из Бангалора, пока Парвати не донесла на тебя. Я забронирую тебе билет на самолет. Пока пакуй вещи, я сейчас перезвоню.

Мысли Ренди понеслись со скоростью курьерского поезда.

«Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец». Значит, это Кобб Андерсон говорил с ним. Человек, который изобрел бопперов; первый человек, согласившийся на то, чтобы его личность была переведена в программный код. И он – прадед Ренди! Здорово было бы когда-нибудь поговорить с ним о том о сем. А отец Ренди... отец Ренди – Вилли Тейз, знаменитый бунтовщик и великий изобретатель! Может быть, Ренди еще удастся разыскать Вилли в Гнезде. Может, и сам Ренди сумеет стать кем-то таким же великим, как Вилли и Кобб!

Ренди принялся торопливо собирать по комнатам свои вещи и одежду и паковать их в сумку. Вилла-Джин всюду поспевала за ним. Когда в спальне снова зазвонил ювви, Ренди бегом добрался до него и прихлопнул его себе на шею.

– Да, это я, – подала голос Дженни. – Билет забронирован. Я взяла тебе место на прямой рейс до Сан-Франциско, на час дня.

– Почему так поздно, Дженни, нет ли чего-нибудь пораньше? Парвати сказала, что позвонит в «Личинку Носорога» в полдень. И ты слышала, что она вчера сказала о дакоитах? Когда в «Личинке Носорога» узнают обо мне, они пошлют целую банду, и те меня из-под земли достанут. Ты понимаешь это, девочка? Мне нужен билет на рейс до полудня!

– Ренди, прежде чем ты улетишь, ты должен будешь отправиться в «Личинку Носорога» и полностью снять на видди весь процесс изготовления суперпиявок, все, что на сегодняшний день есть у Рамануджана. Мы приготовили для тебя смарт-микрокамеру, которую можно приклеить к концу волоска на брови. Эта микрокамера размером не больше пылинки. Ты снимешь все на видди, а в полдень ты скажешь Рамануджану, что уходишь на ленч в город, а сам отправишься напрямиком в аэропорт к входу номер 13. Там для тебя приготовлен билет первого класса. Никаких проблем!

– Я даже думать не могу о том, чтобы сегодня отправиться в «Личинку Носорога», Дженни. Это слишком рискованно, даже думать об этом забудь.

– Ренди, если ты не сумеешь достать для нас описание полного процесса изготовления суперпиявки, нам не будет никакого толку тебя спасать.

– Это нужно для «наследников»?

– Да, это нужно для «наследников», но и для лунных молди тоже, все равно, веришь ты этому или нет.

– Это дерьмо собачье, выдумки.

– Я сказала тебе, а ты думай как знаешь! – весело хихикнула Дженни и сморщила носик. – Слышишь, Ренди Карл, я обещаю тебе, что в Калифорнии у тебя будет новая отличная работа. Ты отправишься прямиком в Санта-Круз. Это такой маленький веселый пляжный городок в часе езды на юг от Сан-Франциско. И я устрою тебе разговор с Коббом Андерсоном, сможешь болтать с ним, сколько захочешь. Ну прекрати, Ренди, не порти нам вечеринку. Мы хотим привезти тебя в Сан-Франциско, так не мешай нам это сделать.

– О черт, я не знаю.

– Я уже позвонила и вызвала для тебя молди-рикшу. Рикша будет у твоих дверей через минуту, он же принесет для тебя микрокамеру. Потом ему приказано доставить тебя в «Личинку Носорога». Рикша останется ждать тебя у ворот завода с твоим багажом, и вы сможете уехать в ту же минуту, когда ты все закончишь. Давай не ломайся, Ренди. Ну, я прошу тебя. Пожалуйста.

– И что такое вы там задумали для меня в Санта-Крузе?

– Хорошо, хотя я не должна еще тебе это говорить, но раз уж мы с тобой хорошие друзья и все такое – хорошо, почему бы и нет. Ты будешь заниматься тем, что станешь похищать молди и отправлять их на Луну в Гнездо. Ты будешь заниматься *освобождением* молди, в том понимании, как это видят сами лунные молди. Репатриация молди – это одно из немногих направлений, в которых «наследники» и лунные молди сотрудничают друг с другом. Ты будешь работать с одним парнем по имени Аарби Кид.

– Похищать молди гораздо легче, если приклеить им суперпаявку, – задумчиво пробормотал Ренди Карл Такер. – И отправлять в Гнездо? Я не прочь проверить, как там поживают девчонки-молди на берегах Калифорнии. К тому же будем работать с лунными молди? Это мне тоже по душе. Черт, мне только нужно будет получше с ними познакомиться, и я сумею пробраться в Гнездо и повидать своего отца, верно?

– Ты все точно угадал, Ренди Карл, но впереди тебя ожидает и кое-что еще. Так что, мы договорились? Рикша уже дожидается тебя внизу.

– Подожди. Сначала я хочу еще раз поговорить с Коббом.

– Это можно! Сейчас я дам ему слово.

Изображение в ювви заколебалось, и сразу же после этого появился Кобб Андерсон. У Кобба было широкое мужественное лицо с высокими скулами. Волосы его были песочного цвета, а борода коротко подстрижена. Изображение Кобба было гораздо более высокого разрешения, чем Дженни; Кобб выглядел почти как настоящий, висел примерно в центре визуального узла восприятия в сознании Ренди. Расширенная симуляция Кобба включала даже запах, действующий успокоительно – от Кобба пахло старыми книгами.

– Так, значит, ты и есть сын Вилли? – спросил Кобб. – Мне нужно немного синхронизироваться с настоящим. Ведь я только что вернулся обратно с небес. Потому что все сущее есть Единственный в Солнце. Сказать по правде, мне не слишком нравится, что меня запустили на этой азимовской машине; мне нужно свое собственное личное железо.

Кобб помолчал, сканируя ответные вибрации Ренди.

– Так, значит, ты мой правнук. Понятно. Мне сказали, что с тобой плохо обращались. Бедный Ренди. Но мы сможем помочь друг другу.

– Кобб, что за человек мой отец?

– Вилли очень толковый паренек. Настоящий маг цефаскопов. Когда-то давно он спас меня и одну женщину от пуритан-расистов, а потом освободил целую кучу машин от азимовского рабства. А потом я слышал, что он...

Лицо старика затуманилось.

– Прекрати болтать у меня в голове, Дженни, и не торопи меня. Ренди, постарайся сделать так, чтобы меня освободили из этой жалкой, совершенно неадекватной свинской машины. Забери меня с собой к молди на Луну. Уговор, заметано?

– Это ты говорил со мной вчера ночью?

– Да, Ренди, это был я. Ты хочешь услышать мой голос снова?

– Если это возможно.

– Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец.

Глаза Кобба были добрые и мудрые.

– Хорошо, Кобб, спасибо. Огромное тебе спасибо.

Кобб и Дженни отключились, и Ренди переключил ювви на Вилла-Джин. Он попросил Виллу-Джин показать ему окружающее глазами суперпиявки и обнаружил, что цыпленка можно прекрасно использовать как телеробота. Ренди быстро провел Вилла-Джин по кухне, по всем ее уголкам и закоулкам, собирая кусочки оставшегося от Парвати имиполекса и шарики камота.

– Будь готова отдать этот камот мне, когда я у тебя попрошу, – напутствовал Ренди Виллу-Джин. – Не растеряй его.

Он не собирался принимать камот сейчас или даже в ближайшем будущем, хотя кто знает.

Ренди велел Вилле-Джин запрыгнуть в сумку и застегнул молнию. Итак, с Бангалором покончено. Ренди тяжело вздохнул. Он еще несколько минут побродил по своей квартире, разглядывая в окнах знакомый базар и далекие холмы. Он был здесь счастлив. Если бы только Парвати могла любить его. Когда он спускался по каменным ступеням Типу Бхарат, на его глазах блестели слезы. Возле подъезда его ждал рикша, имеющий вид повозки, в которую обычно запрягали буйволов.

В «Личинке Носорога» Ренди застал Рамануджана, взволнованно пьющего из большой кружки чай с шафраном. Рамануджан работал в лаборатории всю ночь напролет.

– Вы испытали суперпиявку на своей подружке? Каковы результаты опытов, мистер Такер? Как мы сегодня себя чувствуем, голова немного не на месте?

Рамануджан сильно потер свои коричневые ладони, заляпанные препаратами, и просиял улыбкой, не дожидаясь ответа.

– Отлично, отлично. Кстати говоря, мне удалось обнаружить процесс, дьявольски остроумный, который существенно упрощает изготовление суперпиявки. Да, совершенно радикальным образом все упрощается. Вы только посмотрите на это уравнение – оно прекрасно!

Рамануджан принялся хватать со своего письменного стола и совать Ренди под нос листки бумаги с какими-то каракулями, и Ренди, преодолевая головную боль, неохотно наклонился, чтобы дать лучший обзор микрокамере.

– Это санскрит, Шри?

– Я так понимаю, что вы изволите шутить? Символ, тот, что стоит слева, конечно же, означает знак интеграла по бесконечности, в общем виде описывающий геометрическое представление четырехмерной квазикристаллической структуры. В правой части уравнения находится семнадцать, деленное на корень кубический из р. Вот, будьте любезны. Я назвал это Уравнением Мозаики. Красота математики позволяет получить изящную технологию. А теперь пойдете в лабораторию, и я продемонстрирую вам собственно процесс. Но прежде – ах, ах! Сканирование, как всегда, как же я позабыл! Прошу, погрузите сюда свою безрассудную голову.

Ренди был уже к этому готов. Легко прикоснувшись к брови, он снял микрокамеру и держал ее на кончике пальца до тех пор, пока происходило сканирование внутренности его головы. Легче легкого. Надев скафандры, они вошли в лабораторию.

– Значит, вы сегодня сделали несколько новых суперпиявок? – спросил Рамануджана Ренди, присаживаясь к наноманипуляторам. – Мне не терпится приступить. Нельзя ли пройти весь процесс сначала до конца, чтобы я лучше понял детали?

– В самом деле? – Рамануджана внезапно обуяла подозрительность. – Так как у вас прошла ночь, мистер Такер? Я нахожу ваше теперешнее состояние как-то подозрительно нетипичным, еще более вызывающим, чем прежде.

– Что? Да нет, все в порядке, Шри. Просто все оказалось совсем не так здорово, как хотелось, если говорить начистоту. Я прилепил к Парвати суперпиявку и трахнул ее, а потом попросил ее приготовить мне обед. А она взяла и отравила меня камотом, а потом спровоцировала меня, и я порубил ее на куски ножом. Потом все куски, на которых не было суперпиявки, сползлись и слились все вместе, и Парвати опять стала как новенькая. Короче говоря, она сбежала от меня в Замок Кург. Она больше не любит меня. И все, чего мне теперь хочется, – это заняться работой и работать двадцать четыре часа напролет, чтобы забыть ее.

Внезапно новая мысль осенила Ренди.

– Я ничуть не удивлюсь, если Парвати сделает что-нибудь, чтобы я потерял работу, – так она меня теперь ненавидит.

– А где суперпиявка?

– Суперпиявка прилипла к куску имиполекса, который остался от Парвати, и приняла вид забавного цыпленка. Я назвал ее Вилла-Джин. Теперь я смогу пользоваться Виллой-Джин как телероботом. Как летающей камерой-стрекозой. Я оставил Виллу-Джин дома.

– Телеробот! – воскликнул Рамануджан, и его бронзовое лицо растянулось в улыбке. – Это отличное применение для технологии суперпиявки!

Наклонившись вперед, он тепло похлопал Ренди по плечу:

– Мой мальчик, да тебе цены нет. Глупцы пробегают во весь дух там, где ангел не решится даже ступить ногой.

– И вы так обрадовались тому, что кусок задницы моей Парвати превратился в цыпленка?

– Я рад тому, что для суперпиявок нашлось замечательное применение в мирных целях. Теперь их можно будет применять не только в виде средства порабощения молды, теперь суперпиявка может стать легким способом, при помощи которого глупую порцию имиполекса можно будет превратить в полезного телеробота. Это же просто замечательно. Но я еще не до конца объяснил вам свою первую новость, мистер Такер. Вы помните уравнение, которое я показал вам? Применяя это уравнение в качестве метода фазной модуляции, можно совершенно простым способом превратить обычную ДИМ-пиявку в суперпиявку, всего лишь подвергнув их облучению модулированными сигналами. Это просто, как семнадцать поделить на корень кубический из р!

– Покажите мне, как это делается, – попросил Ренди Карл.

Взяв в руку параболическую антенну из серебристого пластика, Рамануджан прошествовал к аквариуму, в котором плавали старые добрые ДИМ-пиявки.

– Следите, что будет происходить, мистер Такер! Это карманный радиопередатчик, который я запрограммировал прошлой ночью.

Рамануджан направил серебристую пластиковую «тарелку» на одну из ДИМ-пиявок.

– Теперь я начинаю чирп-обработку этой пиявки при помощи сигнала, который основан на моем уравнении.

Рамануджан нажал кнопку на передатчике, и в тот же миг ДИМ-пиявка, на которую была нацелена тарелка, начала дрожать.

– Видишь? Программа инициирует пьезопластическую вибрацию, благодаря которой кристаллы переходят в состояние имиполекса-4.

Вибрирующая поверхность пиявки приняла грубую фактуру суперпиявки; пиявка потемнела, и цвет ее стал темно-красным. Рамануджан достал новенькую суперпиявку из аквариума и передал Ренди, чтобы тот получше рассмотрел.

– Прошу!

Рамануджан прилепил мокрую суперпиявку к ювви, и динамик ювви объявил: «Я суперпиявка, тип 4, серия 2, идентификационный номер 4. Вы хотите зарегистрироваться в качестве моего пользователя?»

– Нет, – ответил Рамануджан. – Пожалуйста, отделись от ювви и снова засни.

Суперпиявка повиновалась.

– Да, это действительно что-то, – кивнул Ренди, поглаживая шероховатую поверхность суперпиявки. – Вы можете показать мне, каким образом вы программируете эту маленькую радиоантенну?

– Ты никогда не сможешь понять программу.

– Ничего, постараюсь. Как еще я научусь, если вы даже не позволяете мне попробовать?

– Ты все равно ничего не поймешь, но я покажу тебе весь процесс, просто для того, чтобы пройти через него еще раз самому.

Рамануджан переключил лабораторный ювви в режим математического экрана и сорок минут подробно читал Ренди лекцию о том, что такое Уравнение Мозаики, в котором, как это и было предсказано, Ренди не понял совершенно ничего. Но он успел все заснять на видди своей микрокамерой, и более того, Рамануджан так увлекся своим математическим бредом, что не заметил, как Ренди тихонько засунул маленькую серебристую антенну в свой белый лабораторный сапог. Внезапно раздался сигнал ювви, и Ренди поспешно попросился выйти.

– Наверное, мне нужно сходить в душ, Шри. Что-то я паршиво себя чувствую после вчерашнего. Помните, я говорил вам, что отравился. Меня, наверное, сейчас будет тошнить.

– Избавь меня от деталей, – взмолился Рамануджан. – Интересно, кто может мне звонить по этому номеру?

Пробегая через воздушный душ, Ренди оглянулся, чтобы взглянуть на того, кто звонил Рамануджану, и обнаружил, что это, конечно же, была Парвати. Ренди бегом бросился через офис Рамануджана, а потом через коридор «Личинки Носорога», на ходу сдирая с себя костюм кролика и поглубже засовывая в карман серебристую антенну. Он успел выскочить из дверей завода, когда вокруг взревели сирены. Молди-рикша дождался его на условленном месте, готовый пуститься в путь и горячий, словно норовистый конь. Ренди вскочил в седло.

– В аэропорт! Быстро!

Молди скачками помчался вперед, похожий на огромного кролика, за один скачок покрывающего расстояние в двадцать-тридцать футов. Ренди держался за поручни что есть сил, опасаясь за свою жизнь. Нашарив в сумке свой ювви, он прилепил его на шею. Дженни уже была на связи.

– События разворачиваются очень быстро, Ренди, – сказала она, отбрасывая с глаз непослушный локон. – Но – мои поздравления, в особенности по поводу радиопередатчика! Четыре дакоита из «Личинки Носорога» уже разыскивают тебя по всему аэропорту. Я подключилась к камерам аэропорта, и мы сейчас быстро опознаем легавых.

Когда Ренди добрался до аэропорта, Дженни показала ему изображение, перекачанное из камер системы безопасности в зале вылета. Он мгновенно выделил из толпы четверых высоких и плечистых мужчин в деловых костюмах западного покроя. Двое были в солнечных очках, на голове у одного был тюрбан, другой грыз зубочистку. У всех четверых были жесткие непреклонные лица людей, с которыми не договоришься. Все четверо изучали недавние фото Ренди Карла Такера.

– Где они стоят? – спросил Ренди. – Мне лучше рядом с ними не появляться.

– Как бы это сказать – они стоят как раз возле дверей у выхода на посадку на твой рейс на Сан-Франциско. Это выход номер тринадцать. В зале ты их сразу же заметишь без труда.

Вход номер тринадцать располагался всего в пятнадцати футах от входа в аэропорт, и темные фигуры спокойных дакоитов возвышались над толпой суетящихся пассажиров. Сквозь огромное прозрачное окно аэропорта Ренди мог видеть свой самолет – огромное, управляемое молди летающее крыло.

– А можно пройти через какой-нибудь другой выход? – безнадежным голосом спросил Ренди. – Ведь для первого класса должен быть другой выход на посадку?

– Да, выход номер 14 для VIP-пассажиров, – согласилась Дженни. – Но VIP-выход находится всего в тринадцати ярдах от выхода номер 13, и дакоиты заметят тебя все равно. Нам нужно отвлечь их внимание. Я заметила, что у дакоитов есть ювви. Я попробую оглушить их шумовым потоком, но это продлится не более нескольких секунд, пока они не снимут с шеи ювви. Нам нужно придумать что-нибудь еще. Есть какие-нибудь идеи?

– Я использую Виллу-Джин.

Ренди соединился через ювви с Вилла-Джин и, глядя ее глазами, приказал идти впереди к дакоитам. Когда до дакоитов оставалось всего метр, Ренди бросил Виллу-Джин вперед, словно летающую боксерскую перчатку. Одновременно Дженни послала в ювви дакоитов мощный сигнал статики. Вилла-Джин летала между ослепленными дакоитами, сбивая их на пол, словно кегли. Сорвавшись с места, Ренди бегом пролетел через выход первого класса № 14, мимо ничего не различающих вокруг дакоитов. Пока он бежал по проходу к салону, Вилла-Джин догнала его и запрыгнула в сумку. Дакоит в тюрбане попытался их преследовать, но Дженни послала в систему безопасности аэропорта предупреждение, и охрана оттащила дакоита от выхода на посадку. Самолет вылетел строго по расписанию.

У Ренди было удобное место возле самого окна. Некоторое время он смотрел вниз на Индию, вспоминая все, что он успел здесь повидать. Впереди его ждала Калифорния, что было совсем неплохо, а потом, может быть, и Луна. В Кентукки он вернется теперь очень нескоро. Улыбнувшись, он откинулся в кресле и уснул.

5. Терри

Июнь 2043 – октябрь 2053

Дом и Элис Перцесеп любили своих детей, хотя и не баловали их чрезмерным вниманием. Подростками Терри и Айку приходилось выполнять всю домашнюю работу. Старшая сестра Терри чаще всего кормила ужином своего брата Айку, пока Дом занимался в ресторане, а Элис оттягивалась с друзьями. Обычный ужин состоял из сэндвича с тунцом или арахисовым маслом. Айк неизменно спрашивал про десерт, и неизменным был ответ Терри:

– На десерт – лимонад.

– Почему мама не ходит в магазин? – пожаловался сестре Айк в один из дней в июне 2043 года. Это был последний его день в школе перед летними каникулами. – Мы же можем купить себе любую еду, которую захотим. У отца есть ресторан и мотель.

– Наша мама ходит в магазин только за платьями, – объяснила Терри. – Или за таблетками. Единственный раз в году, когда она покупает продукты сама, бывает, когда она решает устроить специальный ужин для Дома.

Терри произнесла имя отца с заметным раздражением.

– Какие ты получила оценки за год?

– Все пятерки. А ты?

– В основном тройки, а по истории – четыре. Мне не везет.

– Отец будет без ума от такого известия, – горько заметила Терри. – Почему-то мои пятерки он никогда не замечает. Устрою я когда-нибудь ему, вот он узнает.

– Просто отцу не нравятся ребята, с которыми ты тусуешься, – объяснил Айк. – Кертис Гул и эти другие торчки-серферы, эти крысы.

– Я знаю, – кивнула Терри. – Взрослые любят устраивать из таких ребят, как Кертис и его приятели, причину всех бед, чтобы лишний раз ткнуть в нее носом. Наподобие того надувного клоуна с грузом в заднице, которого только ткнешь, а он снова возвращается обратно и стоит торчком.

– Бедный папа, – вздохнул Айк. – Устраиваешь ты ему жизнь.

– Да, бедный папа и его сыновья из «группы ненависти» Наследников Адама, – подхватила насмешливо Терри. – Знаешь, что мне нужно сделать? Мне надо было бы начать тусоваться с молди. Может быть, тогда он заметит, что я еще живая.

– Какая муха укусила тебя сегодня, сестренка? Что случилось с тобой?

– Да, – кивнула Терри, – со мной действительно кое-что случилось. Всего полчаса назад, когда я убиралась в доме и пылесосила в кабинете отца, я увидела у него на столе кое-какие бумаги. Знаешь, что я там увидела? Отцовское завещание.

– Вот, черт, он что, чем-то болен?

– Если ты решил вдруг составить завещание, это совсем не значит, что ты завтра умрешь, идиот, – фыркнула Терри. – Завещание пишут все взрослые. Это то же самое, как платить налоги. Так вот, в завещании сказано, что ты получишь в наследство ресторан, мне достанется десять тысяч долларов, а Элис – мотель, дом и все остальное.

– Десять тысяч долларов, – завистливо вздохнул Айк. – Но это же целая куча денег, черт возьми. Почему он мне вообще не оставил денег?

– Ты болван, Айк, ресторан стоит гораздо больше десяти тысяч.

– Черт, да, наверное. Я не догадался.

– И ты получишь все это один. Только потому, что ты пацан с яйцами, вот и все.

– *Bay!*

В то лето Терри работала кассиршей в ресторане «Грот» Дома на верфи Санта-Круза. Дом был настроен против молди самым радикальным образом и не упускал случая подчеркивать, что никогда ни один молди не будет принят на работу в его ресторан, даже на самую мизерную должность. Снаружи ресторана на вывеске значилось: «ЕДА ПОЛНОСТЬЮ ПРИГОТОВЛЕНА ЛЮДЬМИ. НАСЛЕДНИКИ – ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ». «ЗДЕСЬ МОЛДИ НЕ РАБОТАЮТ» – говорилось на другом знаке. Как бы там ни было, из-за запаха молди редко могли получить работу в ресторанах, если только судомоем или бухгалтером, но Дом любил вслух обсудить свои антимолди-настроения и всячески превозносил «наследников», несмотря на гонения, которым он мог подвергнуться по Гражданскому Акту Молди, гарантирующему равные права молди и людей.

Терри была спокойным и очень аккуратным кассиром и просиживала в конторе на высоком стуле от полудня до вечера. Она красила губы розовой помадой и волосы носила длинные и прямые. Постоянно жевала жвачку. Лицо у нее было тонкое, кожа смуглой, облик – сама сексуальность. По утрам Терри любила поспать, а по вечерам и ночам тусовалась на пляжных вечеринках, из-за чего родители устраивали дома скандалы.

Айк работал помощником на прогулочном катере Перцесепов, возившем на рыбалку туристов. Капитаном на катере был брат Дома Кармен. Обычно Айк уходил из дома очень рано утром и возвращался около четырех часов дня. Перед уходом домой, по окончании рыбалки он обычно помогал туристам чистить выловленную рыбу, потом собирал чаевые. Придя домой, он окатывал себя из шланга водой и отправлялся в «Грот» Дома, чтобы как следует перекусить. Терри отпускала Айку еду бесплатно, на что было получено разрешение Дома, при условии, что Айк не будет заказывать экстравагантных блюд.

Однажды в один из туманных августовских дней Айк появился в «Гроте» усталый и промокший, с огромными широко раскрытыми карими глазами и торчащими ежиком коротко постриженными волосами. На нем были сапоги, мешковатые шорты и грязная майка.

– Привет, Терри!

– Привет, братишка! Как сегодня чаевые?

– Не слишком.

Айк засунул руку в карман и выудил оттуда комок бумажек по одному доллару и пару пятерок.

– Клиенты наловили столько рыбы, сколько было возможно по лицензии, но оказались скупыми сволочами. Это были баптисты-«наследники» из Техаса; отцовская группа пригласила этих парней и позволила прокатиться со скидкой. Они все ждали, когда кто-нибудь подцепит на крючок бродячего молди, чтобы можно было спалить его в виски. Вместо того чтобы дать мне чаевые, одна парочка дала мне смотреть что...

Айк достал из кармана и продемонстрировал Терри «евангелический ДИМ» с заикленным голографическим фильмом о том, что молди – это предсказанный в Книге Откровений Зверь.

– Молди – это Сатана, – чирикнул маленький ДИМ, без усталости демонстрирующий один и тот же кусок.

– Какая дрянь, – вздохнула Терри. – И глупость. Кроме того, заметь, они не до конца ненавидят молди, потому что пользуются ДИМ-проекторами для своих презентаций. Пользуются ДИМ, а не понимают, что ДИМ – это маленький кусочек молди.

– Они ни хрена об этом не знают, – отозвался Айк. – Когда я сказал им, что мы католики, они ответили, что Дева Мария – ложный идол. Да хрен с ними. Я голодный как черт. Терри, можно я возьму лобстера? Всего одного, вот этого, небольшого?

– Ты же знаешь, что отец говорит, чтобы я давала тебе дешевую еду, – ответила Терри. – Непроданную рыбу для начинающих варваров.

– Да, и с лимонадом на десерт. Ну ладно, Терри. Дай мне лобстера, хотя бы сегодня, всего один раз. Если папа начнет ругаться, я приму всю вину на себя.

– Он *не позволит* тебе принять всю вину на себя, – ответила Терри. – Ты ведь его *сын*. Папа побережет всю вину для меня. Ну да ладно, старшая сестра как-нибудь это переживет. Что ты хочешь к лобстеру?

– Я хочу заодно моллюсков, чесночный хлеб, колечки лука, французской картошечки, салат из капусты, запеченной кукурузы и двойной молочный коктейль, ванильный.

– А ты здорово проголодался. – Терри заполнила листок заказа и передала его через окошко на кухню. Айк уселся на один из высоких капитанских стульев возле кассы.

– Не разваливайся так, Айк. Ты перепугаешь всех клиентов, которые приходят есть за деньги. Они могут подумать, что у нас тут притон для бродяг.

– Заткнись, – огрызнулся Айк, сильно растирая руками лицо и еще больше разваливаясь на стуле.

– Вчера ночью на вечеринке я видела малышку Камми Мартин, – сообщила Терри, чтобы уколоть брата. – Она вроде из твоего класса? Она сказала, чтобы я захватила на следующую вечеринку тебя с собой. Она говорит, что ты *хорошенький*.

– Камми Мартин просто воображала, – буркнул Айк. Он еще не достиг того возраста, когда полностью отдают себе отчет в том, что девчонки – это то, что вам нужно от жизни. – И какого черта я попрусь на пляжную вечеринку серферов, если у меня даже нет доски, – я буду там как болван.

– Значит, тебе нужно купить доску, Айк, – сказала Терри. – Я уже думала об этом. Мы можем купить одну ДИМ-доску на двоих и кататься по очереди. Костюм у каждого будет свой, конечно. Я уже порядочно накопила денег на этой работе, а у тебя должны остаться деньги от дня рождения и с Рождества, верно? Мы просто придурки какие-то, если живем в Крузе и не знаем, как кататься на серфе.

– Отцу это точно не понравится, – сказал Айк. – Он ненавидит серферов.

– Не все в нашей жизни должно идти так, как этого хочет отец, как ты считаешь? – спросила Терри.

– Думаю, что мне бы *понравилось* кататься на серфе, – сказал Айк. – Ты не считаешь, что мы уже слишком старые, чтобы начинать учиться?

– Семнадцать и пятнадцать лет – это еще не возраст, Айк, поверь мне. Стариками становятся те, кто сидит в своем ресторане целый день и только и делает, что ест. Эй, тебе принесли заказ. Иди устройся на улице, я сейчас к тебе выйду. Скажу Тересе, что у меня начались месячные и заболел живот, она подменит меня пораньше, и мы сможем сходить в магазин для серферов.

– Ты – класс, – сказал Айк и, выйдя наружу, нашел себе местечко на верфи, чтобы предаться пиршеству. Когда Терри появилась на улице, Айк почти разделался со всей своей едой и уничтожил французскую картошку и колечки лука, высасывая остатки мяса из укромных уголков лобстера. Голодные чайки кружили у Айка над головой, внизу на пляже рычали и лаяли морские львы.

Скормив панцирь лобстера морским львам, они прошли до конца набережной у верфи и дождались автобуса-молди. Не прошло и нескольких минут, как из-за поворота появилось удлиненное создание, передвигающееся плавными прыжками по песку и траве улицы. Терри махнула рукой, и автобус остановился. Средство передвижения представляло собой грекс, составленный из двадцати слившихся молди. Автобус звали Миккси.

– Привет, как дела, Айк и Терри? – поздоровалась с ними Миккси, говорившая с деревенским акцентом Среднего Запада, может быть, для того, чтобы сделать приятное туристам, а может быть, для того, чтобы посмеяться над ними. – Куда вас отвезти?

– Миккси, нам нужно в магазин серферов «Дада Кин», – объявила Терри.

– Ясно-понятно, значит, вам, молодежь, надо на угол Сорок первой улицы и Опал-Клиф-драйв, – сказала сама себе Миккси, изобразив на экране салона стоимость проезда. – Гоните монету!

Айк и Терри расплатились с Миккси, которая после этого волнообразным движением внутреннего имиполекса перенесла пассажиров в заднюю часть своего тела, где соорудила для Терри и Айка два удобных кресла. Ребята опустились в кресла, и кресла надежно обхватили их за талии. В непогоду Миккси устраивала над креслами защитные козырьки, но сегодня погода была отличная, и Терри и Айк были полностью открыты солнцу и океанскому бризу.

Тело автобуса, похожее на огромного слизняка, поползло через главный пляж. Справа была «Полоса Развлечений», парк классических курортных аттракционов, слева возвышался на холме мотель Перцесепов, «Террасный Дворик». Когда-нибудь этот мотель будет принадлежать Терри. Узнав о завещании отца, Терри сходила и пожаловалась матери, и Элис успокоила ее, сказав, что запишет отель только на нее, свою дочь, после чего Терри почувствовала себя значительно лучше. Элис даже посоветовалась с Терри по поводу того, что она думает о том, чтобы прибавить к названию мотеля приставку *Чистый Свет*.

Перебравшись вброд через мелкую речку Сан-Лоренцо, автобус поднялся по травяной дороге на холм.

Двое пассажиров Миккси вышли возле причала для яхт, где утес круто обрывался вниз. Проезжая мимо Твин-Лэйкс и Лив-Оакс-Бич, Миккси подобрала еще нескольких пассажиров. По мере того как Миккси заполнялась пассажирами, кресла Айка и Терри сдвигались все дальше к корме.

Перед ними снова поднялись холмы, и автобус начал взбираться в гору, мерной волной передвигая полосу днища. Они уже добрались до Плеже-Пойнт, где находились известные школы серферов.

– Вам выходить, ребята, Терри и Айк, – прокватила Миккси. Их кресла повернулись к борту автобуса и превратились в наклонные желоба, по которым Айк и Терри съехали на дорогу. Миккси проворно поползла дальше, оставив ребят стоять на остановке, рассматривая скачущих на волнах серферов.

– И ты, Терри, на самом деле считаешь, что мы сможем кататься так же? – спросил после минутного созерцания серферов Айк.

– Конечно, уверена. На ДИМ-досках это вообще проще простого. У ДИМ-досок днище гофрированное, как у Миккси, и они могут плавать сами по себе. Так гораздо проще поймать волну.

– А может случиться так, что доска уплывет без тебя, сбежит и станет дикой?

– Это невозможно, – сказала Терри. – У ДИМ-досок недостаточно для этого мозгов, ведь они не молди. Они не могут существовать полностью самостоятельно. Они просто ДИМ. У ДИМ сообразительности хватает ровно настолько, чтобы удержаться на волне и дать тебе возможность управлять движением, выбирая направление. Наш папа Дом считает, что женщины должны быть такие же, как ДИМы.

– Хватит болтать про отца, – отрезал Айк. – Ведь мы пришли, чтобы выбрать себе доску.

Они прошли квартал вверх по Сорок первой улице до магазина принадлежностей для серфинга «Дада Кин». Новые и подержанные ДИМ-доски были расставлены вдоль стен и свешивались с потолка. Остальное пространство магазинчика было заполнено вешалками с резиновыми костюмами для катания. За кассой сидел гавайский *кахуна*. Рядом стоял, ссутулившись, молди-доска, красный с желтым. Молди-доска держал волну гораздо более уверенно по сравнению с ДИМ, но и стоил во много раз дороже. Молди-доску невозможно было купить, их приходилось нанимать на зарплату.

– Привет, Терри, – сказал плечистый гаваец. – Твой приятель Кертис Гугл заглядывал сегодня с утра. Мне кажется, что он пошел на Четырехмильный Пляж.

– Я не за ним пришла, Кимо, – отозвалась Терри. – Я пришла, чтобы купить кое-что. Нам нужны костюмы для каждого и одна ДИМ-доска на двоих.

– Две доски, – внезапно подал голос Аик. – Я не собираюсь все время делить с тобой доску, уж прости, Терри.

– Тогда скажите, сколько вы готовы потратить денег, – кивнул Кимо. – Тогда мы посмотрим, что можно для вас найти.

– А я выдам вам каждому по поводку для доски, как подарок от фирмы, и дам один незабываемый урок, тоже бесплатно, – подал голос молди-доска. – Какие роскошные клиенты наконец к нам пожаловали, верно, Кимо? Последнее время бизнеса вообще не было, и мне не платили почти семь недель подряд, как вам это нравится?

– Большое тебе *мехело*, Эверуз, – раздраженно взглянул на молди Кимо. – Теперь ты просто обязан дать им урок, это как раз то, что им нужно. Так сколько баксов у вас в кармане, ребята?

Еще через час у Айка и Терри, у каждого, был собственный подержанный костюм и модифицированная ДИМ-доска – и все это за весьма умеренную цену. Доска Айка была красная в черную клетку. Доска Терри была украшена сине-зелеными языками пламени. Вместе с забавно прыгающим Эверузом они спустились на пляж и вошли в воду в тихом безлюдном месте, где волна была невысокая.

– Свои уроки я основываю на трех базовых понятиях, как эти ювви-проповедники, – сказал им Эверуз. – *Представь, почувствуй и осуществи*. Каким образом вы общаетесь со своей ДИМ-доской? Общение происходит посредством телепатического контакта, осуществить который помогает вам маленький ювви-передатчик, установленный на воротнике вашего костюма, как можно ближе к вашим мозгам, молодые Перцесепы. Для того чтобы ваша доска поплыла, вы должны представить себе движение, потом почувствовать его, усилием воли вытолкнуть из своей головы так, чтобы ДИМ мог получить ваш приказ. После чего наступает очередь третьего этапа, на котором ДИМ осуществляет на деле ваш приказ. Раз, два – и в дамки! *Представь, почувствуй, осуществи* – вот ключевые понятия, которые должны руководить вашим передвижением на воде, а кроме того, насколько я понимаю, и вообще всей вашей жизнью и борьбой за существование. Три ключа, на этом магия ДИМ заканчивается. Потому что ДИМ – это просто кусок мерцпокрова без всякого понятия, который и кончика пальца настоящего молди не стоит, но если вы научитесь *представлять* и *чувствовать*, доска сможет осуществлять на деле ваши идеи. Все это должно сработать как часы, по крайней мере на такой маленькой волне, как сейчас. Волна маленькая, но с хитринкой, я должен сказать – видите, идет трубой. Давайте попробуем, что значит быть настоящим серфером.

Добиться точного *осуществления* на первоначальном этапе было не так просто, но по прошествии небольшого количества времени Аик и Терри наконец поняли, что от них требуется. Весь фокус состоял в том, что нужно было представить, словно ты *уже* движешься в том направлении, куда хочешь двигаться, – сделав это реальным, так сказать, для собственного воображения, – в результате чего ДИМ-доска воспринимала вашу команду. Аик сказал, что ему кажется, словно все его тело разговаривает с ДИМ-доской, а Терри – что это скорее напоминает ей, словно ты все внимание концентрируешь на месте, которое находится где-то немного впереди носа доски. Эверуз сказал, что, на его взгляд, оба способа классные, хотя, по сути дела, все сводилось к тому, что по большому счету они просто помогают ДИМ-доске резать волну.

Они отплыли за волнорезы, и Эверуз показал им несколько способов, каким образом ловить волну.

– Нужно ощутить космический ритм, ясно? – говорил им Эверуз, несколько раз поймав у них на глазах волну, потом возвратившись под водой обратно к Айку и Терри подобно огромному вытянутому в длину скату, прикинувшемуся на минутку доской для серфинга. – Недо-

статочно просто смотреть, как волна катит на вас; вы должны стремиться чуют запах волны и слышать ее, и чувствовать в воде и в воздухе. Вот, например, прямо сейчас у вас под ногами чувствуется легкое течение, предвестник накатывающей следующей крупной волны. Отдайтесь полностью во власть синесцезии, позвольте волне нести вас своей властью, потому что океан должен понять, как ему *осуществить* ваше движение, и чувствовать, что он способен к этому. Вы должны не только помогать ДИМ-доске, вы должны помогать самому океану. Представьте себя ДИМом самого океана.

Терри и Айк попытались поймать несколько волн и прокатиться на их гребне, сначала стоя на четвереньках, потом – о, чудо! – стоя на ногах.

– О да, – промолвил Эверуз, – человеческая раса вышла из первородного океана, и вот мальчишка и девчонка снова пытаются вернуться туда, где они когда-то жили миллиарды... оп-па! Терри, нужно, чтобы центр тяжести находился между коленок, представь, словно вся масса твоего тела сосредоточена в точке и подвешена у тебя между ног – вот так, моя милая! – э-гей! – и попробуй еще раз, Айк, – шлепнулся, не беда – кувырком прямо в воду, словно с края Ниагары в самый водоворот, в стиральную машинку Нептуна, ничего, голова останется цела, бог серфинга пошлет и для тебя свою волну, на гребне которой все *осуществится*, так что пробуй еще и еще раз – оп-па!

В этот день, вернувшись домой после долгого удивительного и волшебного урока Эверуза, Терри и Айк уже были убежденными серферами.

Дом отнесся к такой затее без восторга, но в конце концов это ничего не меняло. Окончив школу, Терри и Айк продолжали заниматься серфингом и работать на разных мелких работах, и так продолжалось до тех пор, пока Дом не погиб.

Это произошло после уик-энда Дня Благодарения в 2048 году. Был устроен большой семейный обед у дяди Кармина. Элис, которая последнее время была здорово не в духе, перебрала, и вечеринка закончилась тем, что она и Дом поскандалили. Оказывается, Элис совершенно недовольна своей сексуальной жизнью. Дом в ярости вылетел из дома и куда-то укатил на ночь глядя.

Около полуночи, когда они вернулись домой, и Айку и Терри наконец удалось уложить Элис в постель, раздался звонок по ювви от Гимми из Вакерхата. Терри ответила.

– Это дом Перцесепов?

– Да, а кто спрашивает?

– Я следователь из Службы безопасности Вакерхата. У нас здесь проблемы с Домом Перцесепом. Вы его родственница?

– Я его дочь.

– Тогда вам лучше приехать сюда: дом 2020 на Бэй-стрит, рядом с кафе «Сатурн».

– С отцом все в порядке?

– Вам лучше приехать.

Когда Айк и Терри вышли из дома, над их головами уже кружило несколько стрекоз-теле-роботов, летающих камер. Это были *нюси*, дистанционно управляемые телеглаза репортеров. Дом угодил во что-то серьезное. Прежде чем Айк и Терри успели завести свои гидрогенные мотоциклы, к ним подъехала и остановилась машина. Из машины вышел незнакомый мужчина в форме, на поясе у него висел пистолет; это был человек Гимми. Стрекозы замерли, уставив на представителя Гимми свои телеглаза в ожидании новостей.

– Я из Службы безопасности Бузина, – представился человек из Гимми. – Я доведу вас до места.

– Разве этим занимаются не Гимми Вакерхата, те люди, что звонили мне недавно? – спросила Терри.

– Ньюси позвонили по ювви во все местные отделения Гимми. Крови там хватит на всех.

– Что случилось с моим отцом? – закричал Айк.

– Вам лучше поехать и посмотреть самим.

Гимми отвез их на своей машине к небольшому пляжному коттеджу на окраине Санта-Круза, вокруг которого бродило множество представителей Гимми и репортеров-нюуси, а воздух над головой гудел от стрекоз. На машинах Гимми вращались красные и синие мигалки. К Айку и Терри подбежала женщина и попыталась взять у них интервью, но плечистый служащий Гимми из Вакерхата отгеснил нюуси и повел Айку и Терри к коттеджу.

Внутри коттеджа царил такой сильный и стойкий запах молди, которого Айк не слышал в своей жизни. На полу валялось разрезанное на несколько частей тело молди, со всех сторон которого были рассыпаны шарики камота. На кровати лежало обнаженное тело мужчины. Это был мертвый Дом.

Все его лицо было залито кровью; нос разорван, гениталии залиты кровью. В руке Дом держал паяльную лампу. Все его тело было покрыто круглыми следами от присосок, словно после сражения с осьминогом. Несколько скоростных камер-стрекоз металась по комнате туда-сюда, напоминая мух, слетевшихся на пиршество к свежей падали.

Вскоре выяснилось, что Дом, убежденный «наследник», давно уже был сырным шариком. Что именно случилось в коттедже той трагической ночью, так и осталось невыясненным. Пытался ли Дом угрожать легкогорючему молди паяльной лампой? Или он просто пытался защититься? Трудно было сказать наверняка. Коттедж принадлежал женщине по имени Мэрил Дидерсен, которая понятия не имела о том, что там творилось, по крайней мере по ее словам. Она сдавала коттедж байкеру из Флориды, который появлялся в коттедже не так часто. Байкер платил Мэрил наличными, и она не спрашивала его ни о чем, даже не знала его имени. По мнению Мэрил, байкер наверняка уже уехал из города.

Мэрил никто особенно не поверил, но происшествие было настолько отвратительным, что никто в семье Перцесепов не захотел платить Гимми за полное расследование. Было понятно, что Дома убили или молди, или банда местных грабителей, промысляющих похищением и убийством молди и продажей их имиполекса и камота на черном рынке. Дом был сам виноват в том, что влип в такую историю. Он должен был хорошенько подумать, прежде чем стать сырным шариком. Дело закрыто.

Само собой, ресторан Дом оставил Айку. Двадцатиоднолетний Айк полгода промучился с «Гротом», при этом голова его разрывалась от бесконечных советов, которые давали ему мать и братья отца, и в конце концов понял, что ресторанный бизнес не для него. Когда Кимо в 2049-м объявил о том, что собирается продать «Дада Кин», Айк продал ресторан дяде Кармину и купил «Дада Кин» со всеми принадлежностями, включая престарелого Эверуза.

Первое, что сделал Айк, это использовал остаток денег, вырученных от ресторана, для того чтобы полностью омолодить Эверуза, и отправился с Кимо и новым молди Кимо, доской ЗиксиЗ, на Гавайи резать волну. Они катались на гигантских волнах на Пайплайн, на волнах таких больших, что пробиться и подобраться к ним со своей доской-молди можно было только на реактивных лыжах. Это путешествие было воистину незабываемым.

Теперь, четыре года спустя, Айк превратился в профессионального серфера и бывшего бизнесмена. Элис все еще пребывала в добром здравии, Терри жила со своим мужем Тре на деньги, которые Тре зарабатывал своими рекламными программами, и одновременно на то, что платила им Элис за то, что они вели дела в мотеле. Айк, которому обломился от отца крупный куш в виде ресторана, не чувствовал за собой никакой вины, и в том, что Терри часто приходилось экономить, винил Тре. Айк не любил Тре.

Айк стоял на утесе вместе с Эверузом, когда со стороны Стимер-лэйн появились акулоподобные Ксананна и Оуиш, следом за которыми прыжками следовал рикша Кслотл с Терри. Эверуз имел вид раскидистого иглу, поскольку таким был его новый способ поглощения максимального количества солнечной энергии.

– Привет, Терри, – поздоровался Айк. – Что случилось?

– Моника ушла с одним из наших новых гостей, – объяснила Терри, спустившись на землю со спины Кслотла. – Нам кажется, что он каким-то образом сумел установить над Моникой контроль.

– Ты видела, как Моника ушла из дома?

– Ее видел Тре. Он попытался остановить их, но упал с мотоцикла и сломал себе ключицу.

– Вот тупой торчок, чертов парикмахер.

– Он никакой не парикмахер, Айк, Тре – ученый и художник. Он хаотист.

– Да, но он все равно торчок, с этим ты не станешь спорить? Деревенщина, увидел пляж и решил, что жизнь здесь у нас сплошная вечеринка.

– Теперь он еще и *деревенщина*?

– Ведь он приехал из Айовы! А там самая деревенщина и есть. Какого черта ты вышла за него замуж, Терри, я не понимаю.

– Спасибо тебе за дружескую поддержку, эгоист ты хренов. Теперь можешь проваливать.

– Хватит ругаться, давайте займемся делом, – резко оборвал их Кслотл.

– Скажи нам, Поп, – Ксананна повернулся к красному с желтыми полосками иглу, представляющему собой Эверуза. – В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли?

Ксананна, убыстряясь, повторил фразу раз, наверное, двести в течение двух секунд.

– Я спрошу Зилли, может быть, он знает, в какую сторону поплыла Моника, – ответил Эверуз, с хлопком лопнув и превращаясь в гигантское подобие картофельной чипсы. – Зилли катался с утра и сказал, что видел, как Моника прыгнула в воду с утеса. Слышишь, Айк, ты чересчур перевозбудился, и на самом деле будет лучше, если ты останешься на берегу и никуда не пойдешь. Садись в фургон, возвращайся обратно в магазин и остынь, подожди, пока разум к тебе не вернется, потом с тобой увидимся, иначе я просто уволюсь, и все.

– Хорошо, как скажете, – с раздражением откликнулся Айк. – Черт с вами, катитесь куда хотите.

Растянувшись на краю утеса, Ксананна раскрыл спину вдоль наподобие горохового стручка.

– Терри, раздевайся и полезай внутрь. Я сделаю для тебя прозрачный экран на уровне лица, и ты сможешь видеть. Давай, нам нужно упаковаться, пока Эверуз разговаривает с Зилли.

– Никогда раньше такого не пробовала, – сказала Терри, на память которой пришли многозначительные тирады покойного отца о близости с молди. – Ты уверен, что я смогу дышать под водой?

– Конечно, сможешь, – отозвался Ксананна. – В тканях моего тела достаточно морских водорослей для того, чтобы обеспечить кислородом человека в два раза большей, чем ты, комплекции. Или можно сказать, что я смогу вырабатывать кислород с такой же скоростью, с какой его будут поглощать двое таких, как ты, людей. Или...

– Я поняла, но твой воздух, он... пахнет...

– Ничего страшного, я устрою для тебя носовые фильтры. У меня всегда есть пара про запас...

Тело Ксананны несколько секунд переливалось волнами, потом в его плоти образовалась прореха, и на свет появились два металлических вкладыша-фильтра для носа.

– Это палладиевые фильтры. Ты никогда о таких не слышала? Я начинаю подозревать, что ты молдифоб, Терри. Ты точно не «наследник»? С вас, с Перцесепов, станется, я много о вас слышал.

– Лично я – не «наследник», – храбро ответила Терри. – Я – белая ворона среди своих теток и дядек, отщепенец. Да, почти все мои родственники – «наследники». Сыны Адама. Мой отец тоже был «наследник» – по крайней мере, мы так думали. Хотя вышло так, что он оказался сырным шариком. Может быть, перед самым концом он перешел на сторону молди. Может

быть, на самом деле его убили не молди, а сами «наследники». Ты ничего не знаешь о гибели моего отца, Ксананна? Он погиб пять лет назад.

– Я тогда еще на свет не появился, – ответил Ксананна. – Извини, Терри. Извини, Терри. Извини, Терри.

Терри разделась и, сложив свою одежду, положила ее кучкой на один из камней, потом забралась внутрь Ксананны, прижавшись лицом к прозрачной серебристой лицевой мембране молди. Воздух для дыхания равномерно поступал к ней, просачиваясь через щели внизу мембраны. Терри заткнула нос фильтрами и почти перестала обращать на запах внимание. Но как ей теперь говорить с Ксананной?

– Мы будем разговаривать по ювви, – раздался в голове Терри голос Ксананны. – Кроме того, я буду передавать тебе и мое зрительное восприятие – если мы погрузимся слишком глубоко, и там будет чересчур темно для твоих глаз. Ты готова?

– Полный вперед, – послала обратный ювви сигнал Терри.

Похожий на огромного тюленя, Ксананна прыжками приблизился к краю утеса, отыскал местечко, где внизу имелась спокойная заводь, и прыгнул вниз. Пораженная Терри во все глаза смотрела на то, как навстречу им несется вода. Через мгновение они были под водой. Ксананна с гораздо большей легкостью улавливал желания Терри, чем ДИМ-доска, и ему ничего не стоило *осуществить* их для нее, потому в первые минуты подводного плавания он позволил Терри полностью управлять его телом.

Отплыв от берега на несколько сотен футов, подальше от серферов, они опустились к самому дну и принялись осматриваться. Окружающее было очень похоже на огромный приливной пруд. Терри видела множество морских звезд самых разных цветов, зеленые морские огурцы, оборчатые желтые нудибранчи-слизняки, красный хитон-гумбут. Колония земляничных анемонов была плотно рассыпана на подводной скале, очень похожая на пурпурные цветы вербены, коврами покрывающие утесы Санта-Круза.

– А можно что-нибудь потрогать? – спросила по ювви Терри.

– Да, конечно, просто протяни руку.

Терри вытянула руку, и тело Ксананны вытянулось и облегло ее кисть тонкой согревающей перчаткой, образовав рукав. Терри дотронулась до похожего на плюмаж анемона на длинном стебле, отчего тот поспешно втянул тонкие перистые щупальца обратно в свое тело.

– В тебе очень уютно, Ксананна, – передала по ювви Терри.

– Спасибо, мне приятно это слышать. Не хочешь, чтобы я тебя трахнул?

– Что?

– Остальные присоединятся к нам только через несколько минут. Я могу вырастить пенис и засунуть его в тебя. Многим моим пассажирам это очень нравится. Это помогает им избавиться от напряжения.

– Нет уж, спасибо! Что, если после этого я забеременею и рожу митбоппа?

– Эта вет-технология теперь утеряна. А кроме того, сейчас у тебя не фертильный период, и ты не можешь забеременеть. Я могу определить это по твоему запаху.

– Спасибо, Ксананна, но меня сейчас это не интересует.

– Меня тоже подобное не интересует. Тогда просто постоим здесь на глубине иждеждемся остальных.

Несколько минут Терри и Ксананна висели почти на уровне дна, медленно дрейфуя по течению, потом смутные тени стремительно метнулись к ним, так неожиданно, что Терри в страхе прижала к себе руку, спрятав ее в теле Ксананны, ударившись кулаком о скалу. Но это были всего лишь Эверуз, Оуиш и Кслотл. Ксананна передал Терри то, о чем переговаривались между собой молди.

– Зилли сказал нам, что Моника поплыла в сторону Монтеррея, – объяснил Эверуз. – Внутри нее действительно сидит какой-то гнусный сырный шарик – тощий парень, по описанию Зилли. Что он там с ней только не вытворял, сегодня у него настоящий праздник.

Терри вздрогнула, но промолчала, представив себе, что бы было, если бы она отдалась Ксананне – тот наверняка все бы транслировал своим друзьям через ювви. Нет, сырным шариком она пока еще не стала.

– Мы попросили Зилли, чтобы он пошел с нами, – обиженно подал голос Кслотл. – Вместо того, чтобы бултыхаться у берега.

– Нет, Зилли предпочитает заниматься серфингом, – передал по ювви Эверуз. – Он скачал нам свое инфо, поэтому какая разница? Зилли не желает прерывать свое полуденное углубленное изучение волн, он пространствует в океане. Кстати, Терри и Ксананна, вы знаете, что Зилли просчитал поведение молди-лодки в отрицательном следовом вихре волны? Это необходимо, чтобы пользоваться трубой, а не зарываться носом в волну. Что касается нас, то я предлагаю быстро плыть к Монтеррей, пока мы еще сохраняем визуальный контакт с Моникой. Бедная Моника, моя любимая дочь. Подумать только, ее одолел какой-то вонючий флешепойд. Тьфу.

Четверо молди вместе устремились в открытый океан. Эверуз вел, за ним следовали Ксананна и Оуиш, позади едва поспевал неуклюжий толстый Кслотл.

– Не потеряйте меня, – просяще подал голос Кслотл, – я же не чемпион мира по плаванию.

– Тебе нужно больше времени проводить в воде, – отозвалась своим пронзительным голосом Оуиш. – Подводное плавание – прекрасный способ провести время. Здесь почти нет этих противных флешеров. Без обид, Терри.

Дно находилось от них в сорока футах и продолжало стремительно опускаться. Они плыли параллельно дну и опускались вместе с ним, огибая заросли ленточных водорослей. В некоторых местах длинные, словно бы резиновые щупальца водорослей пробивались к свету и поверхности, и кое-где это им почти удавалось. Над головой у них плавали морские львы, обычные обитатели здешней гавани; для того чтобы Терри смогла получше рассмотреть морских львов, Ксананна перевернулся на спину и поплыл лицом вверх. Некоторые из морских львов плыли вместе с ними и какое-то время следовали рядом, так что Терри смогла их как следует рассмотреть. Казалось, что морские львы пытаются понять, являются ли молди их конкурентами или нет.

– Ты никогда не пытался разговаривать с китами или дельфинами? – спросила Терри Ксананну. – Мне всегда казалось, что молди смогут найти с этими морскими обитателями общий язык.

– Наверное, если постараться, – ответил Ксананна. – Но до сих пор мне не удалось поговорить ни с одним китом или даже дельфином. Но мы раскодировали некоторые из их песен, и оказалось, что все, о чем говорят киты, это секс, еда и территория обитания. Почти как птицы. Хотя, конечно, киты еще говорят о звездах. Мы не знаем, каким образом китам удастся увидеть звезды, но киты говорят о звездах все время. Звезды. Звездные звезды. Звездные звездные звезды. Звездные звездные звездные звезды.

Пройдя сквозь бесконечную регрессию увеличения скорости, Ксананна продолжил:

– Все-таки молди больше похожи не на китов, а на людей. И тут нет ничего удивительного, принимая во внимание то, что мы эволюционировали из роботов, сконструированных человеком. Из бопперов, которых вы пытались уничтожить чипоедом.

– Только не обвиняй в этом *меня*, – сказала Терри. – Только не говори об этом сейчас, когда ты несешь меня в себе, словно ребенка в утробе. После того, как ты спросил меня, не хочу ли я трахнуться с тобой. Вот. Словно бы... словно бы тут есть и моя вина.

– Я заметил, что вы всегда очень болезненно относитесь к этим вопросам, – усмехнулся Ксананна. – К вопросам вины. Но мы вас ни в чем не виним. Если бы на свете не было чипоеда,

не было бы и молди. Кстати, Моника говорила, что вы всегда хорошо к ней относились. Эй, вон катер Перцесепов, на котором туристов возят на рыбалку в океан. Могу поспорить, здесь есть какая-то взаимосвязь.

Ксананна по-прежнему плыл на спине. Они уже находились на приличной глубине. Высоко над ними на подернутом рябью зеркале поверхности океана виден был темный овал катера, направляющегося обратно к своей стоянке на верфи.

Ксананна перевернулся лицом вниз и быстрее устремился в глубину. Свет вокруг потускнел. Впереди них на дне океана темнел резко уходящий вниз обрыв. Терри узнала подводный каньон Монтеррей, который она привыкла с гордостью показывать приезжим на карте прибрежного дна. Каньон Монтеррей был шире и глубже самого Большого каньона! Неужели они направляются именно туда?

– Я слышу Монику. – Голос Кслотла донесся у них из-за спины. – Она находится где-то в холодной и темной воде и плывет вниз, к какому-то киту, черт его дери, – может такое быть? Тот урод из плоти, который находился внутри нее, его теперь с ней нет – это, наверное, и был ваш Ренди Карл? Думаю, что Моника выпустила Ренди на поверхности где-нибудь рядом с катером Перцесепов, а потом отправилась прямо вниз в глубину. Эта штука «кит», он светится; он *зеленый*, мать его так.

– Ясно, – отозвался по ювви Эверуз. – Я тоже поймал Монику. Но что тут происходит по-настоящему, а что просто сон? Вопрос старый, как мир. Направляемся вперед и в глубину, на дно этой здоровенной расселины. Мне надоело болтаться без толку в безводном краю флешепойдов.

– Сейчас я передам тебе изображение, которое я вижу своими глазами, – сказал Терри Ксананна. – Я буду транслировать видеосигнал по ювви к тебе. Фотон за фотоном, за фотоном, за фотоном...

– Спасибо, – ответила Терри.

Дно, каким она его видела невооруженными глазами, казалось ей темным и одноцветным. Она расфокусировала зрение и переключилась на сигнал ювви. Новое изображение продемонстрировало ей огромное искрящееся пространство, полное изящной формы пятен и полос разнообразных цветов. Стена обрыва подводного каньона Монтеррей впереди призывно сияла розовым и зеленым. Косячок серебристых анчоусов промелькнул сбоку, преследуемый несколькими рыбами покрупнее, с мрачным выражением немигающих глаз. Красно-желтое тело Эверуза проворно метнулось вниз вдоль резко спускающейся стены подводного утеса. Тело Эверуза представляло собой плоский овал, совершающий мощные плавательные движения. Ксананна нырнул следом за ним, и острая водянистая боль пронзила голову Терри.

– Мои уши!

– Зажми нос и продуй уши, – посоветовал ей Ксананна. – Очень резкий перепад давления. Сейчас я постараюсь уравновесить давление. Ты можешь дотянуться рукой до лица? Да, вот так. Да, вот так, вот так. Да, вот так, вот так, вот так, вот так.

Терри змеей просунула руку между подводным костюмом – телом Ксананны – и своим телом, зажала нос и продула уши. В ее ушах сильно и влажно щелкнуло, давление уравнилось.

От подводного каньона Монтеррей в стороны разветвлялось несколько субканьонов помельче. Если Ренди Карл Такер отправил Монику вниз на дно каньона, то поиск ее займет много времени. Терри попыталась расслабиться и насладиться передаваемым Ксананной ювви-изображением разноцветных утесов и энергичной подводной жизни. Эверуз и Оуиш грациозно плыли впереди, процессию замыкал толстый и постоянно отстающий Кслотл.

– Эверуз! – внезапно подала голос Оуиш. – Я думаю, что Моника находится в следующей расселине.

– Я чую ее! Я чую Монику! – воскликнул Кслотл, бросаясь вперед мимо Ксананны, Оуиш и Эверуза. – Быстрее за мной.

Акулоподобные тела молди, стремительно изогнувшись через очередной подводный утес, нырнули в глубины океанской расселины.

Дыхание Терри стало быстрым и затрудненным. Вокруг было так темно, что сквозь лицевую пластину Ксананны она не видела практически ничего. На какой глубине они находятся? Она, наверное, сошла с ума, если решила довериться молди в такой переделке. Сейчас Ксананне было достаточно раскрыть свое тело и вытолкнуть Терри наружу, и она окажется на глубине в несколько сотен футов, среди холода и без надежды на глоток воздуха. Она захлебнется и утонет прежде, чем сумеет даже увидеть отблеск света на поверхности.

– Ксананна, – попросила Терри, – я хочу вернуться назад. Мне страшно. Подними меня на поверхность к катеру, я хочу поговорить с Ренди Такером.

Терри *представила* и затем *осуществила* подъем Ксананны из глубины. Возможно, это могло бы сработать с ДИМ-доской, но на Ксананну ее приказ не возымел никакого действия, и подъем из глубины так и не *осуществился*.

– Мы пока что не собираемся возвращаться, – ответил ей Ксананна. – Перестань волноваться и оглянись по сторонам. Здесь в глубине так красиво. Взгляни на то, что я передаю тебе по ювви. Один узор множится из другого узора, множится из другого узора, множится из другого узора...

Терри сфокусировала свое растекающееся внимание на ювви-сигнале Ксананны. Ювви-изображение содержало образ плоского, словно скат, Эверуза и акулы Оуиш, плывущих внизу под ними, следом торопился неуклюжий Кслотл, и все они без исключения изо всех сил стремились опуститься глубже и глубже. Теперь ложная цветовая гамма склонов утеса была багровой и ярко-красной, с широкими пятнами оранжевого цвета. Тут и там попадались большие дрейфующие в воде массы – гигантские медузы – и косячок за косячком коралловых рыб, выющихся вокруг словно стайки птиц. Длинные извивающиеся пряди водорослей тянулись со склона утеса к проплывающим мимо. Грациозные пятнистые креветки, осторожные дунгенеские крабы и похожие на оживший череп осьминоги медленно передвигались между камнями утеса, из расселин торчали морды барракуд и обезьяноголовых угрей. Один раз мимо промчался косяк поблескивающих кальмаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.